
ДЭНИЕЛ КУИНН
ИЗМАИЛ

Дэниел Куинн

ИЗМАИЛ

Приключение сознания и духа

Роман

2021

«„Измаил“ — это подлинное открытие. У этой книги будет долгая жизнь».
— Рэй Брэдбери.

Посвящается Ренни.

Copyright © 1992 by Daniel Quinn (1935–2018).
Предисловие и послесловие: © 2017 by Daniel Quinn.
Все права сохранены.
Оригинальные издания: Daniel Quinn, *Ishmael: An Adventure of the Mind and Spirit*, 1992, 2017.
Перевод с английского: Paul Bondarovski, 2021.
Перевод выполнен по изданию: New York: Bantam Books, 2017.
Обложка, вёрстка и графика: Paul Bondarovski, 2021.
Рисунки на обложке:
© Natalia Volkova | Dreamstime.com
© Andreusk | Dreamstime.com

Данная книга является художественным произведением. Все персонажи, события и происшествия в романе являются плодами воображения автора. Любые аналогии с реальными лицами не являются умышленными.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Предисловие

Тысячи читателей говорили мне, что «Измаил» изменил их жизнь. Но сначала он изменил мою.

Началось всё в шестидесятые годы, задолго до того, как эта книга была не то, что написана, а даже задумана. Окончив в 1956 году университет Лойола в Чикаго, я имел счастье сразу устроиться на работу не дворником и не продавцом гамбургеров, а в издательство Американской популярной энциклопедии. Работа была не Бог весть какая, но всё же ответственная — сочинять подписи к диаграммам, рисункам, фотографиям, репродукциям произведений искусства и т. п.

В вёрстке все подписи должны были умещаться в три строки, и добиться этого было далеко не просто, поскольку в то время мы пользовались стандартными пишущими машинками, где строчная «i» и прописная «W» были одинаковыми по ширине. Одну и ту же мысль приходилось формулировать самыми разными способами до тех пор, пока один из вариантов не укладывался в 40–43 печатных знака. Побочным эффектом такой тренировки был вывод, что первая пришедшая в голову фраза почти никогда не лучшая, а в поисках лучшей порой приходится перепробовать десятки других. Всё как у Трумена Капоте: «Я не пишу, я переписываю».

* * *

Эту технику — вкладывать максимум содержания в минимум слов — я оттачивал в течение нескольких лет. На пя-

тый год главный редактор ушёл на пенсию, и заведующая редакцией Рут Хант заняла его место. Заведующий отделом биографий и изящных искусств Френсис Скуиб стал заведующим редакцией, а меня назначили на его должность (с начальной зарплатой в целых 125 долларов в неделю). Подписи к иллюстрациям стал сочинять Харви Арден, впоследствии писатель, автор нескольких книг, в том числе «Хранители мудрости: встречи с духовными старейшинами коренных американских народов».

Френсис — лучший редактор из всех, с кем мне доводилось работать, — был блестящим и строгим учителем, и не было случая, чтобы с его стола на стол главного редактора попал текст даже с одной-единственной смысловой неточностью. Смысловая безукоризненность, казалось бы, элементарное требование, но у Френсиса смысловая ошибка была возведена в разряд преступления. Одно неудачное предложение автоматически влекло за собой вызов заведующего отделом к нему на ковёр и такую взбучку, после которой тот несколько дней скрежетал зубами (не потому, что Френсис был неправ, а потому, что именно прав).

Волей-неволей мне приходилось вдумываться в каждое слово в статьях моих сотрудников и внештатных авторов. (Статью о теории относительности написал для нас лично Альберт Эйнштейн.) Сам того не заметив, я начал переосмысливать все свои знания, в том числе составлявшие, казалось бы, неоспоримые основы нашей культуры.

В числе последних две непоколебимые догмы показались мне подозрительными. Первая заключалась в том, что история человека, как принято считать, это в принципе то же самое, что история нашей цивилизации, начавшаяся около десяти тысяч лет назад с сельскохозяйственной революции. За предшествовавшие ей три миллиона лет существования люди не совершили ничего примечательного (кроме, разве что, открытия способов добывания огня и изобретения

колеса). В течение всего того времени в их жизни не было ничего интересного, важного, значительного и заслуживающего внимания. Мне это показалось странным. Могло ли быть, чтобы 150 тысяч поколений людей прожили свои жизни и умерли без единой мысли и без единого достижения, которые представляли бы интерес для нас?

Я решил покопаться в этом вопросе, что технически было далеко не так просто, как сейчас, когда на запрос «*homo habilis* инструменты» Гугл за секунду выдаёт 130 тысяч ссылок. Как сотрудник энциклопедического издательства я имел доступ к особым фондам Научной библиотеки Ньюберри в Чикаго, но и в их каталогах в то время оказалось от силы книг двадцать, которые могли (лишь могли) содержать сведения об инструментах эпохи *Homo habilis* («человека умелого»), да и в них полезную информацию нужно было искать часами.

В высшей степени подозрительным показалось мне и слепое доверие, с каким в нашей культуре принято относиться к трём ключевым эпизодам, или сюжетам, Книги Бытия. Я потому называю их ключевыми, что они чаще других упоминаются в книгах, статьях и просто разговорах. Первый — это сюжет о грехопадении Адама и его изгнании из рая. Он содержит фундаментальные противоречия, но мало кто обращает на них внимание. Там, например, говорится (Бытие 2:15–18), что первые мужчина и женщина имели право есть плоды любого дерева в райском саду, за исключением одного — Древа Познания добра и зла, чьи плоды им есть категорически запрещалось. Библия умалчивает, почему запрещалось есть именно эти плоды. Большинство комментаторов сходятся во мнении, что Богу просто нужно было *что-нибудь* запретить Адаму и Еве, чтобы испытать их послушание, вот Он и запретил им есть фрукты с этого дерева, хотя с таким же успехом мог запретить есть фрукты с любого другого дерева, например, с древа познания кругов и квадратов. Просто Древо Познания добра и зла *звучало*

солиднее и более впечатляюще. Люди нашей культуры считают, что выбор именно этих плодов действительно не имеет большого значения, поскольку каждый из нас и так обладает этим знанием. Оно настолько естественно, что дети усваивают его в раннем возрасте. Оно настолько фундаментально для человеческого мышления, что в суде отсутствие этого знания у обвиняемого может освободить его от наказания как умалишённого. Вот и выходит, что запрещать Адаму и Еве есть эти фрукты не имело реального смысла, хотя змей-искуситель, похоже, считал по-другому. Иначе он не сказал бы: «Бог знает, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Бытие 3:5). Но никто не обращает внимания на замечание коварной твари. Ещё не хватало нам её слушать.

Изгнанный из райского сада (где пища была в изобилии и бесплатной), Адам был вынужден в качестве наказания заняться сельским хозяйством. Это противоречит общепринятым в нашей культуре понятиям. В знании добра и зла мы не видим ничего плохого — наоборот, оно нам кажется очень полезным и даже необходимым в жизни. Таким образом, в отличие от Бога, мы не находим в грехе Адама ничего греховного. Почти то же самое с сельским хозяйством — в нашем понимании оно было для человека величайшим благословением, а Бог почему-то назначил его Адаму (нашему общему прародителю) в качестве наказания.

Эпизоды с братьями Каином и Авелем вызывают не меньшее недоумение. Каин приносит в дар Богу продукты земледелия (скажем, корзину пшеницы), а Авель — продукты скотоводства (скажем, ягнёнка). Бог благосклонно принимает дар Авеля, но отвергает дар Каина. Логику в этом уловить так же трудно, как в случае с выбором запретного плода в райском саду. Ведь если, как мы считаем, сельское хозяйство было для человека благословением, а не наказанием, то все произведённые им продукты в равной мере благословенны —

как земледелия, так и скотоводства. Противоречие здравому смыслу здесь налицо, но этот и прочие подобные эпизоды мы воспринимаем без тени сомнения, как будто в поступках Бога и не обязательно должен быть здравый смысл.

Во втором, и последнем, эпизоде с братьями Каин приглашает Авеля на прогулку *в поле* и там убивает его. Бытие никак не связывает между собой эти два эпизода и не объясняет мотивы убийства. Что же заставило Каина убить Авеля? Каин мог возроптать на Бога за отказ принять его дар, но почему из-за этого надо *убивать Авеля?* У меня возникло подозрение, что мотив убийства кроется где-то глубже, и в нём непременно есть смысл.

Оба сюжета, об Адаме и о Каине с Авелем, противоречат устоявшимся в нашей культуре представлениям, что знание добра и зла не просто безвредно, а полезно и благотворно; что сельское хозяйство — это не наказание, а благословение; что скотоводы и земледельцы не противостоят друг другу и что производимая ими пища в равной мере благословенна. Если так, то почему эти сюжеты Бытия так выделяются на фоне остального содержания Ветхого Завета, более или менее забытого большинством из нас?

Я не находил ответа на этот вопрос до тех пор, пока мне в голову не пришло неожиданное предположение — что в основе вышеуказанных сюжетов, по всей вероятности, лежат рассказы людей, *не разделявших* наши взгляды на мир, на место в нём человека и на божественный замысел в отношении того и другого. Они могли дойти до нас от древних народов, чьё мировоззрение коренным образом отличалось от нашего. Вот почему изложение ими событий в Плодородном полумесяце, где произошла наша сельскохозяйственная революция, выходит за пределы нашего понимания (и кажется лишённым всякого смысла).

Я занялся поиском объяснений двух этих загадочных явлений — игнорирования нами трёх миллионов лет челове-

ческой истории и принятия на веру священных писаний, противоречащих общепринятым положениям нашей культуры. Делал я это не с целью написать книгу, а тогда ещё из чистого любопытства. Но когда в результате двадцати с лишним лет исследований я нашёл объяснения и увидел, что эти загадочные явления связаны между собой, мне показалось важным поделиться своей находкой с максимально широкой аудиторией. У меня не было ни малейшей идеи, как объединить такой огромный и разнообразный материал в книгу, но в результате множества попыток я сформулировал тезис, который складывал всё воедино. Какую бы форму ни приняла книга, она должна была отвечать на вопрос: *каким образом всё стало так, как есть?*

* * *

Я отдавал себе отчёт в том, что первой реакцией большинства читателей на мои идеи будет их полное неприятие. Поэтому я решил представить их не от своего лица, а в форме диалога между одним из «нас», человеком, с одной стороны, и одним из «них», инопланетянином (в буквальном смысле *чужим*), с другой.

В то время в таком подходе не было ничего новаторского. В середине и конце семидесятых годов к теме инопланетян всерьёз относились многие уважаемые учёные, такие как Дж. Аллен Хайнек (автор книги «НЛО: попытка научного подхода», 1972) и Карл Саган, который выступил соредактором сборника «НЛО: научные споры» (1972).

Хотя завязкой сюжета моей книги «Человек и пришелец» служил прилёт инопланетянина на нашу планету, её нельзя было назвать в полном смысле произведением научной фантастики. Обстоятельства встречи пришельца с рассказчиком я не представил в форме сколько-нибудь увлекательной мелодрамы. Рассказ пришельца состоял в следующем.

История его народа существенно отличалась от нашей уже потому, что на той планете был всего один континент, размером примерно с Австралию. Люди жили там более-менее благополучно на протяжении миллионов лет. Когда, наконец, начала развиваться их цивилизация, её прогресс был несравнимо медленнее нашего и, в отличие от нашего, не сопровождался частыми и интенсивными конфликтами. Хотя их цивилизация была значительно старше нашей, технологически они во многом отставали от нас. К космическим путешествиям они пришли в результате неспешной и кропотливой работы, а не благодаря озарениям гениальных изобретателей.

Около двадцати тысяч земных лет назад им стало известно, что в их солнечной системе появилась новая цивилизация — крайне агрессивная и активно развивавшаяся технологически. Соплеменники пришельца не привыкли делать поспешных выводов, а предпочитали думать неторопливо, прогнозируя развитие событий в долгосрочной перспективе. И такой долгосрочный прогноз показал им, что соседи рано или поздно начнут испытывать недостаток пространства и ресурсов и для завоевания их уже активно готовят вооружения, транспорт и армию. Соплеменники пришельца прежде не видели необходимости в каких-либо видах оружия, даже оборонительного, и курс на милитаризацию экономики и общества был бы в их представлении слишком уж радикальным отступлением от их культурных традиций.

Решение, к которому они пришли, не очень им нравилось, но ничего лучшего они не придумали: они решили нанять себе в защитники население другой планеты. И вот десять тысяч лет назад они сыграли на нашей планете роль того змея-искусителя в райском саду, убедив жителей Плодородного полумесяца вкусить от древа божественной мудрости и научиться править миром.

Периодически посещая Землю в дальнейшем (а с 1940-х годов наблюдая за ней практически непрерывно), они убе-

дились в полном успехе своего плана. Однако затянувшаяся холодная война встревожила их, а Кубинский кризис убедил их в необходимости выработать какой-то принципиально новый подход. Требовались какие-то контрмеры, чтобы созданная ими военизированная до предела цивилизация не уничтожила саму себя. Одним из методов была публикация и широкое распространение вымышленного диалога с одним из землян, где людям объяснялось бы, что они стали жертвой злонамеренной и циничной манипуляции.

Начиная с 1978 года, я написал восемь вариантов задуманной мною книги. Первый вариант, «Человек и пришелец», имел определённый успех, но к моменту его публикации я уже понимал, что изложил лишь частицу всего, что хотел сказать.

* * *

Вторым вариантом была «Расшифровка Бытия» — попытка подробного изложения (тоже в форме диалога) всех открытий и выводов, сделанных мною за пятнадцать лет исследований. Я бросил эту работу примерно на пятисотой странице. Третий вариант, под тем же названием и с тем же намерением, я бросил примерно на тысячной странице. Я оставил эти рукописи незаконченными, поскольку понял, что, даже если бы закончил одну из них, она была бы совершенно нечитабельной и не годящейся для публикации.

Форма диалога в первом, втором и третьем вариантах была далеко не бесполезной. Как землечерпалка, она извлекла на свет массу идей, вошедших годы спустя в книгу «Измаил». В этих книгах «наша культура» обрела форму самостоятельной сущности, и я приближался к концепции «нашей истории» — истории, которая непрестанно толкает людей нашей культуры к дальнейшему овладению миром. В «Расшифровке Бытия» общепринятая мудрость нашей культуры была изображена

как нечто данное нам в коробках с ярлыками типа «Доисторический человек. Ничего интересного». Коробки полагалось запихивать в самый дальний угол сознания и забывать о них. При желании их можно было оттуда извлекать и, прочитав надписи на ярлыках, возвращать на место, снова предавая забвению. (В «Измаиле» эта общепринятая мудрость представлена не в виде коробок, а в виде учения Матушки Культуры, непрестанно нашёптываемого каждому из нас на ухо.)

В «Расшифровке Бытия» каждый диалог начинался с райского сада и никогда не выходил за его пределы. Хотя я теперь был готов перейти от диалога к повествованию, я по-прежнему предпочитал начинать с райского сада. Новый вариант я назвал «Книгой Нахаша» («нахаш» — «змей» на иврите). Рукопись продвигалась довольно быстро, но, как и первые три варианта, оборвалась без какой бы то ни было концовки на горизонте (избранные фрагменты оттуда позднее составили «Сказки об Адаме»).

Я был готов к новому жанру книги и к новому месту действия — вдали от снежных зим и городской давки. На небольшое наследство, оставшееся мне от родителей, мы с моей женой Ренни отправились на юго-запад и остановили свой выбор на маленьком городке, ранее заброшенном, но теперь возрождавшемся. Население его составляли почти исключительно такие же переселенцы, как мы, едва сводившие (но сводившие) концы с концами и довольные такой жизнью. Городок находился в штате Нью-Мексико и назывался Мадрид.

Новая жизнь на новом месте навела меня на мысль о новом формате книги, которая была бы не диалогом и не романом, а диатрибой (диатриба — «резкая, язвительная обличительная речь, критика», согласно определению в одном интернет-словаре). Я и сам не заметил, как из-под моего пера вышел текст объёмом в три с лишним тысячи слов, вполне законченный и, на мой взгляд, заслуживавший публикации. У меня была новая концепция, новый план — книга, состоящая из фраг-

ментов, и этих фрагментов могло быть десять, сто, тысяча — сколько угодно, чтобы охватить всё, что я хотел сказать. Это была книга родом из ада, и стиль её был соответствующим — со вспышками молний и раскатами грома. Отсюда название: «Книга прóклятых» — собрание возмутительных и отталкивающих идей, заранее обречённых на неприятие. Часть первую я выпустил в небольшом формате, 108 × 140 мм, как издание моего собственного издательства «Hard Rain Press», и сам развёз тираж по книжным магазинам Санта Фе, где её выставили на отдельных, изготовленных мною же стендах. К моему изумлению, книжка произвела в городе маленькую сенсацию. Когда я снова объехал магазины, чтобы пополнить стенды, один из книготорговцев уговорил меня оставить побольше экземпляров, поскольку книгу, как он сказал, не только покупали, но и воровали со стенда. «Прекрасно! — сказал я. — Вот вам ещё дюжина про запас».

Относительно быстро я написал и издал части вторую и третью. Ни в одной из них речь не шла о жизни Адама в райском саду. «Книга прóклятых» рассказывала историю человека, завершаясь не на *Homo sapiens* — «человеке разумном», а на пришедшем ему на смену *Homo magister* — «человеке-властителе», возомнившем себя достаточно компетентным, чтобы править миром.

Часть третья закачивалась словами: «Живущие вне закона обречены на вымирание». Я был готов писать часть четвёртую, и мне не терпелось приступить к ней, однако она не только влекла, но и пугала меня до отчаяния. Внезапно я осознал, что её никогда не будет, да и не может быть. Четвёртая часть «Книги прóклятых» по самому своему содержанию не могла быть законченной, как три первые. Она неизбежно должна была обрываться, причём неизвестно, в какой момент и на чём.

Следующий вариант, шестой по счёту, назывался «Другой рассказ о том же самом» и впервые был выстроен в форме

разговора условного учителя с условным учеником. В начале их разговора ученик, «просто из любопытства», спрашивает учителя о тарифе за обучение.

— С отчаявшихся я не беру ничего, — отвечает учитель.

— А с остальных? — спрашивает ученик.

— А с остальными я не занимаюсь, — отвечает учитель.

Книга писалась мучительно трудно, и результатом был монстр, о публикации которого не могло быть и речи, но, перечитывая сегодня написанное тридцать лет назад, я с удовлетворением вижу, что тот вариант, наконец-то вместил в себя всё, что я хотел сказать.

> Люди вашей культуры находятся в плену у своей истории… Годам к шести-семи вы уже знаете её наизусть. Вам повторяют её на каждом углу. Средства пропаганды, система образования воспроизводят её снова и снова… Однажды обратив на это внимание, вы больше не сможете не замечать этого и будете удивляться, что окружающие ничего не слышат, а просто бессознательно впитывают то, что им наговаривают… Матушка Культура, чей голос звучит у вас в ушах со дня вашего появления на свет, внушила вам своё объяснение того, *каким образом всё стало так, как есть*… История человека — это в действительности две разных истории. Первая началась с появления человека как биологического вида миллионы лет назад. Эта история всё ещё продолжается в жизни народов, которые вы презрительно именуете примитивными. Другой истории всего около десяти тысяч лет. Начало ей положили основатели вашей культуры, и она, со всей очевидностью, вот-вот закончится катастрофой.

Изложив, таким образом, свои идеи полностью и подробно, я решил, что теперь смогу изложить их вдвое короче без ущерба для содержания. Результатом был седьмой вариант, под тем же названием, но на этот раз достаточно компакт-

ный для публикации. В ноябре 1984 года я отправил рукопись Скотту Мередиту, в то время самому влиятельному литературному агенту в Соединённых Штатах, со следующим посвящением: «Моей жене Ренни, которой я тысячу раз говорил, что это невозможно, а она тысячу раз отвечала, что у меня получится». Поскольку книгу нельзя было отнести к художественной литературе, я не стал представлять её как роман, и Скотт Мередит явно не оценивал её как роман.

На следующий день после Рождества я получил его отзыв длиной аж в три с лишним тысячи слов. В числе прочего он писал, имея в виду шестидесятые и семидесятые годы:

> То были дни, когда любовь, мир, карма и «добрые помыслы» казались ключевыми словами новой эпохи, но эта иллюзия быстро рассеялась — невинные идеалы недолговечны. Сегодняшняя аудитория в значительной мере вернулась к консерватизму — её больше интересуют книги практического, чем эзотерического содержания… Поэтому современный читатель скорее купит книгу по вычислительной технике или какой-нибудь сборник полезных советов, чем капитальный труд на слишком заумную тему [со всей очевидностью, вроде моего]… Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, чем возможность сообщить Вам, что Ваша работа обладает огромным коммерческим потенциалом и что мы намерены в кратчайшие сроки предложить её вниманию лучших издателей в полной уверенности, что она вызовет быстрый и положительный отклик у критиков и читателей. Однако, как Вы, вероятно, уже понимаете, на сегодняшний день такой возможности нет… Мы даже не представляем, каким образом эта рукопись в условиях современного книжного рынка могла бы принести хоть какую-то прибыль. С огорчением должен также уведомить Вас, что никакая редакторская правка не сможет сделать эту книгу рентабельной… Недостатки рукописи так прочно вплетены в саму её концепту-

альную ткань, что их устранение представляется попросту невозможным.

Нуждаясь в отдыхе от затянувшейся серии неудач и восстановлении уверенности в себе, я начал работать над романом «Мечтатель» («Dreamer»). Закончив его в 1986 году в Остине, штат Техас, я с помощью Скотта Мередита продал его издательству «Tor Books», которое и опубликовало его в 1988 году. Несмотря на то, что Эллен Дэтлоу назвала «Мечтателя» одним из лучших романов года в жанре фэнтези, коммерческого успеха книга не имела и вскоре исчезла с прилавков. Тем не менее роман остался одним из культовых произведений жанра и в 1995 году, наряду с книгами Стивена Кинга, Питера Страуба и Томаса Харриса, вошёл в список лучших книг ужасов конца XX века, опубликованный в журнале «The New York Revue of Science Fiction».

В 1989 и 1990 годах «Другой рассказ» отвергли ещё два издательства.

Волею Провидения (если предпочитаете, можете считать это чистой случайностью) моей жене Ренни, работавшей тогда старшим редактором в издательстве «Holt, Rinehart and Winston», попалось на глаза маленькое объявление в еженедельнике «Saturday Revue». Речь шла о конкурсе на лучший роман, где предлагались бы «оригинальные и конструктивные решения глобальных проблем». Победителя ожидала премия «Turner Tomorrow Fellowship Award».

Естественно, Ренни в тот же день принесла журнал домой, и уже через пару часов я с головой погрузился в переработку «Другого рассказа о том же самом» в роман. Первым вопросом, который я задал жене, было: «Что ты скажешь, если учителем будет горилла?» Идея была такой неожиданной, что она без раздумий нашла её восхитительной. Ренни, пожалуй, единственный человек, который никогда не спросил меня: «Почему горилла?»

После того, как «Измаилу» была присуждена премия в полмиллиона долларов (крупнейшая в истории за одно литературное произведение), глава издательства «Turner Publishing» (конкурс организовало «Товарищество завтрашнего дня» Теда Тёрнера) сказал мне, что книгу с самого начала рассматривали как вероятную победительницу. Меня удивило и позабавило, что, как он сказал, «гориллу в роли учителя» члены комиссии, не сговариваясь, «обошли молчанием», из чего я сделал вывод, что горилла всё-таки привела их в некоторое замешательство — за исключением, правда, самого Теда Тёрнера, чьими первыми словами при нашей встрече были: *«Почему горилла?»*

* * *

К моему огромному удивлению, «Измаил» вышел не только по-английски, но и ещё на более чем на двадцати пяти языках, включая китайский, русский и иврит. У меня и в мыслях не было, чтобы хоть одна-единственная школа включила «Измаила» в учебную программу, однако так сделали сотни, если не тысячи школ и вузов. На «Измаила» ссылались преподаватели философии, географии, истории, религии, биологии, археологии, зоологии, экологии, антропологии, политологии, экономики, социологии и даже истории оперы и полицейской этики.

На интернет-сайте, посвящённом «Измаилу» (*ishmael.org*), есть страница под названием «Телефонная конференция», где преподаватели могут пригласить меня (и уже приглашали) выступить перед студентами и учениками и ответить на их вопросы. Я всегда рад такому общению с читателями, и оно никому ничего не стоит, кроме стоимости обычного телефонного разговора.

Меня часто спрашивают: «Что в „Измаиле“ вы сегодня написали бы по-другому?» После двух недель безуспешных

попыток ответить на этот вопрос в форме эссе могу с уверенностью сказать, что определённо не стал бы писать эссе, а добавил бы ещё один диалог между Измаилом и его учеником. Самым логичным временем был бы всё тот же 1990 год, в конце их последней беседы в офисе №105 конторского здания «Фэйрфилд». На странице 217 данного издания, сразу после слов Измаила о значении эпизода с грехопадением Адама в Бытии, я бы добавил:

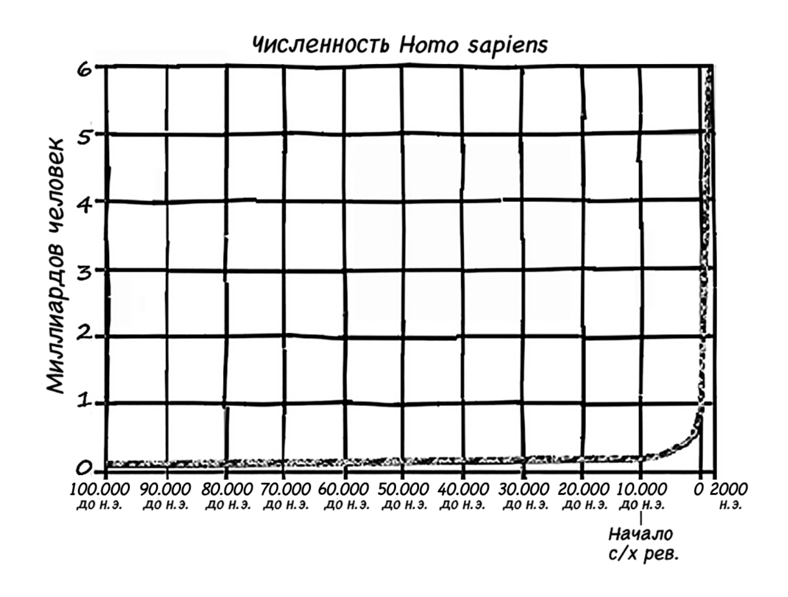
После недолгой паузы Измаил продолжил:

— Наши уроки практически подошли к концу. Мне было бы интересно услышать, что ты думаешь теперь о судьбе, которая ожидает вас на этой планете.

Столь резкая смена темы несколько озадачила меня.

— Судьба, которая нас ожидает? Кого «нас»? Людей моей культуры?

Вместо ответа он протянул мне лист бумаги с начерченным на нём графиком.

— Боюсь, что получилось довольно грубо, — сказал он. — Я так и не научился пользоваться линейкой.

— Всё очень разборчиво, — сказал я, тщательно изучив рисунок. — Но, насколько я знаю, Homo sapiens существует на этой планете больше ста тысяч лет, указанных здесь.

Измаил кивнул.

— Совершенно верно. Принято считать, что сто пятьдесят тысяч лет. Но, если ты посмотришь ещё раз, ты увидишь, что кривая роста численности Homo sapiens начинается не с нуля. Она начиналась бы с нуля, если бы я пририсовал слева ещё пятьдесят тысяч лет.

— Понятно, — задумчиво сказал я, не находя ещё связи между графиком и вопросом. — Вы спросили, какой мне представляется наша дальнейшая судьба на этой планете. Насколько я понимаю, «наша» судьба — это судьба Homo sapiens.

— Да.

— Хорошо. Но я всё ещё не вполне понимаю, при чём здесь этот график.

— Ты изучил его и не понимаешь, какое отношение он имеет к будущему вашего вида?

— Да. Не понимаю, при чём он здесь.

Измаил вздохнул и надолго задумался. Наконец, он сказал:

— Думаю, причина твоего непонимания в том, что вы все настолько привыкли к чрезмерно быстрому росту вашей численности, что он уже не кажется вам чрезмерно быстрым. Напротив, он стал для вас совершенно нормальным. Если бы такими же темпами росла популяция не людей, а барсуков, и если бы на Манхэттене вместо шести миллионов человек жили шесть миллионов барсуков, вы бы наверняка обратили на это внимание.

— Да, — сказал я с улыбкой, — это я бы точно заметил.

Измаил насупился, недовольный моим шутливым ответом. Минуту спустя он встряхнул головой и продолжил:

— Как ты знаешь, я обосновался в этой комнате в 1989 году, и с тех пор у меня, кроме тебя, было ещё несколько учеников. Вчера я получил письмо от одного из них, Чарлза Эттерли, который сейчас разъезжает с лекциями по центральной Европе. Он не передаёт людям моё послание — у него уже есть его собственное. Его письмо не оставляет сомнений в том, что, какими бы зловещими ни казались мои предсказания будущего, они гораздо менее зловещи, чем реальность, в которую мы уже вступили. Не только мы, а всё сообщество жизни, включая человека. Тебя это удивляет?

— Измаил, я думаю, ничто из того, что вы говорите, уже не может меня удивить.

— Чарлз сообщил мне кое-какую информацию, которой я до сих пор не располагал в силу ограниченности моих контактов с внешним миром. Тебе что-то известно о Пятом массовом вымирании, произошедшем около 66 миллионов лет назад?

— Это когда вымерли динозавры?

— Да, вместе с 75 процентами всех прочих биологических видов, живших в то время.

— Я бы не сказал, что знаю об этом всё, но кое-что — да. Это было вызвано — или считается, что было вызвано, — падением огромного астероида на полуостров Юкатан.

— Верно. Так вот, Чарлз Эттерли обратил моё внимание на следующий факт: крупнейшие биологи мира пришли к согласию, что сегодня уже в самом разгаре Шестое массовое вымирание, и оно не менее катастрофично, чем Пятое, хотя на этот раз его виновником является один-единственный биологический вид — ваш. График, который я начертил, в равной мере можно рассматривать как график темпов глобального вымирания вследствие роста вашей численности.

Мне нечего было возразить против этого.

— Располагай я этой информацией раньше, наш с тобой разговор принял бы ещё более срочный характер. По сведени-

ям Чарлза, каждый год на планете вымирают порядка тридцати тысяч биологических видов — это примерно в тысячу раз выше эволюционно нормального темпа вымирания.

Ещё минуту я продолжал молча моргать, затем сказал:

— Но если виновником массового вымирания на этот раз является человек, то человек же наверняка в состоянии и остановить этот процесс, не так ли?

Немного подумав, Измаил кивнул.

— В состоянии — да. Но… Позволь мне привести выдержку из книги Торстейна Веблена «Теория праздного класса». Она показалась мне достаточно важной, чтобы запомнить её наизусть. Вот она: «Эволюция общества является по существу процессом адаптации, происходящим под давлением обстоятельств в умах отдельных людей, уже больше не терпящих привычного образа мыслей, сложившегося в прошлом при другом стечении обстоятельств и с ними сообразующегося». Почти невероятная скорость увеличения вашей численности с одного до семи миллиардов человек всего за 2000 лет не производит на вас никакого впечатления, однако именно этот темп и превратил вас во врагов всего живого на планете. Будь вас один миллиард, вы, я думаю, смогли бы жить здесь на протяжении миллионов лет, может быть, даже на протяжении жизни самой планеты. Но, движимые привычным образом мыслей, который заставляет вас каждый год наращивать выпуск продовольствия, чтобы накормить ваше растущее население, вы упустили из виду (и продолжаете упускать), что именно этот образ мыслей и является причиной ускоренного и катастрофического роста вашей численности. Проблеском надежды для вас была бы решительная ментальная адаптация к новым условиям с целью прекращения этого губительного процесса. Ничто другое не станет возможным, пока менталитет соответственным образом не изменится сначала хотя бы у двух-трёх миллиардов из вас, а затем — у всех вас.

— Мне бы вашу уверенность — уверенность в том, что каждое увеличение выпуска продовольствия для растущего населения автоматически стимулирует ещё больший его прирост.

— Это не только моя уверенность. Достаточно взглянуть на мой график, чтобы этот феноменально быстрый рост вашей численности показался странным, неестественным и по меньше мере нуждающимся в объяснении. Тебе он таким не кажется? Похоже, что нет. Ладно. Начнём с чего-нибудь более наглядного. Чем больше у фермера семья, тем больше он должен выращивать для неё продуктов, так?

— Конечно.

— Это объясняет, почему фермер должен выращивать больше продуктов, но не объясняет, почему его семья должна постоянно расти. С какой стати она растёт? Неужели фермеры более плодовиты, чем были их предки, охотники-собиратели? Думать так нет никаких оснований. Больше ли в фермерских семьях детей, чем было у охотников-собирателей? Возможно. Но это не объясняет, почему ваша численность удвоилась с трёх до шести миллиардов всего лишь за сорок лет. За сорок лет! В поисках объяснения этого ум за разум заходит. Женщины ни с того ни с сего вдруг стали рожать вдвое чаще? Конечно, нет. Люди на сорок лет перестали умирать?

Я не первый ставлю эти вопросы. Ранее я уже цитировал тебе известного антрополога, эколога и биолога Питера Фарба на этот предмет. Он называл это парадоксом: «Интенсификация производства продуктов питания с целью накормить возросшее население вызывает ещё больший прирост населения». Эти же вопросы ставил самый, быть может, влиятельный в истории теоретик, занимавшийся проблемой роста народонаселения, Томас Роберт Мальтус. В своём «Опыте о законе народонаселения» (1798) он утверждал, что численность населения бесконтрольно возрастает

в геометрической прогрессии, тогда как увеличение производства продовольствия ожидается лишь в арифметической, что, по его мнению, неизбежно приведёт к глобальному голоду (на самом деле так не произошло). Мальтус понимал, что, чем больше людей, тем больше нужно производить для них пищи, но, как и я, лишь стремился понять, почему постоянно становится всё больше людей, для которых нужно производить больше пищи. На этот вопрос он отвечал так (слушайте внимательно):

«Численность населения неизменно возрастает, когда пищи для него становится больше».

Иными словами, он признавал, что увеличение производства продовольствия неизменно ведёт к росту численности населения. Всякий раз, как вы увеличиваете производство продуктов питания, вы провоцируете прирост населения. Если исходить из того, что начатый человеком процесс человек же может и остановить, то начинать нужно с этого — с отказа реагировать на рост населения увеличением производства того, что этот рост стимулирует.

— И что тогда будет?

— Рост населения прекратится.

— Вследствие глобального голода?

*— Конечно, нет. С какой стати? Если имеющегося количества пищи достаточно, чтобы прокормить семь миллиардов человек в этом году, то столько же будет достаточно, чтобы прокормить их и в следующем. Применительно к потребности в пище рождаемость в размере двадцати пяти человек на тысячу в год компенсируется смертностью в размере девяти человек на тысячу в год (двадцать пять младенцев потребляют приблизительно столько же пищи, сколько девять взрослых).**

---

* На год написания данного Предисловия (2017) рождаемость составляла 18 на тысячу в год, а смертность — 8 на тысячу в год.

Я немного поразмыслил над этим, затем заметил, что просто остановиться на семи миллиардах человек едва ли достаточно, чтобы предотвратить Шестое глобальное вымирание.

— Недостаточно, — согласился Измаил. — Но это замедлит темпы вымирания биологических видов. Это положит начало. Каждое путешествие начинается с первого шага.

— А что будет вторым шагом?

Измаил качнул головой, словно отмахиваясь от вопроса.

— Первый шаг ничего не будет вам стоить — даже остановив прирост населения, вы останетесь властелинами мира и сохраните все свои завоевания. Следующие шаги — переход от простой остановки прироста к сокращению населения с шести миллиардов до пяти, с пяти до четырёх, с четырёх до трёх, и так далее до одного — будут такими дорогостоящими и мучительными, что вы, может быть, предпочтёте вымереть, чем осуществлять их. Но, если вы твёрдо решили действовать до тех пор, пока угроза Шестого глобального вымирания не исчезнет полностью, вам неизбежно придётся сократить свою численность до одного миллиарда. При населении в один миллиард человек вы, вполне вероятно, сможете жить здесь ещё тысячи, если не миллионы лет, без ущерба для вашей среды обитания. Если и один миллиард человек окажется слишком много для достижения гармонии с миром, у вас уже будет опыт того, как нужно действовать. Вся эта операция может уложиться примерно в одно столетие, и к её окончанию она станет для вас рутинной, само собой разумеющейся и почти инстинктивной. К тому времени вы уже будете не «человеком-властителем» (Homo magister), а с полным правом сможете называться «человеком разумным» (Homo sapiens), а то и «человеком дважды разумным» (Homo sapiens sapiens).

— Это невероятно, — сказал я.

— Что именно кажется тебе невероятным?

Я недовольно хмыкнул.

— О какой «операции» вы говорите? Это же подлинный геноцид! Что вы предлагаете? Ежедневно истреблять новорождённых девочек? Разрабатывать и рассеивать смертоносные вирусы? Думаете, мы способны на подобные зверства?

Измаил издал странный гортанный звук, отдалённо похожий на смех.

— Когда «Нью-Йорк таймс» выйдет с редакционной статьёй, озаглавленной «Остановить Шестое глобальное вымирание!», уже через несколько часов все студии Голливуда будут завалены сценариями антиутопий с идеями, подобными твоим, и даже ужаснее. Ты всерьёз считаешь меня способным предлагать что-либо в этом роде?

— Нет, но… Тогда что же вы предлагаете?

Измаил вздохнул.

— Вы, люди, гордитесь своей необычайной изобретательностью, не так ли?

— Да.

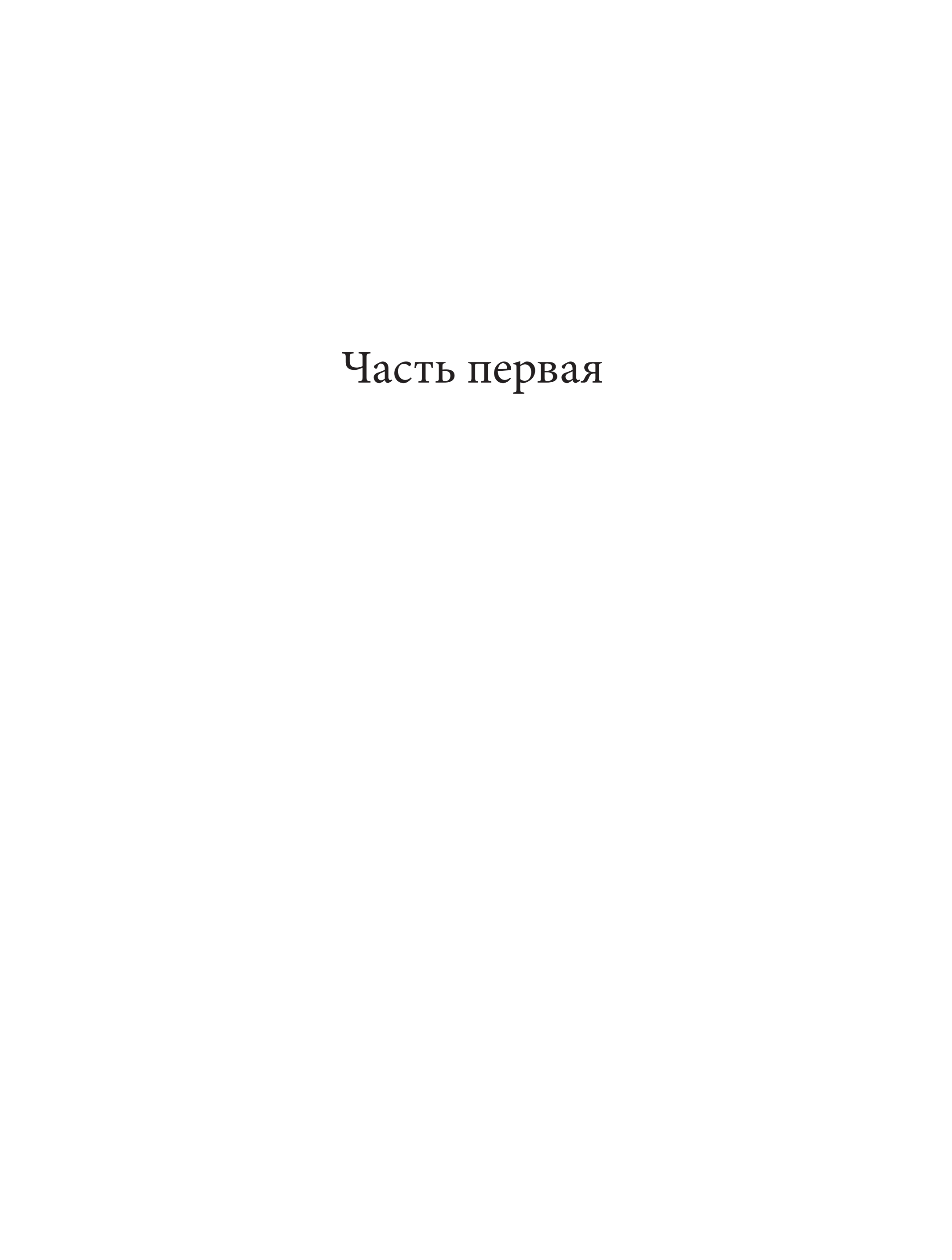
— Вот и придумайте что-нибудь.

Я был разочарован и не скрывал этого.

— Вы не знаете или не хотите сказать?

— Моя задача — извлекать ответы из тебя, а не предлагать свои.

Дэниел Куинн,
2017.

Часть первая

1

Прочитав объявление первый раз, я поперхнулся, выругался, сплюнул и бросил газету на пол. Этого мне показалось мало, и я подобрал её, отнёс на кухню и сунул в мусорное ведро. Раз уж всё равно оказался на кухне, не спеша приготовил лёгкий завтрак и заодно успокоился. За едой старался думать о чем-нибудь постороннем. Потом вытащил газету из ведра и снова открыл на странице с частными объявлениями в слабой надежде, что та дурацкая рамка чудесным образом испарилась. Но нет, она была там же, где раньше:

УЧИТЕЛЬ ищет ученика.
Требуется искреннее желание спасти мир.
Обращаться лично.

Искреннее желание спасти мир! Надо же. Ни больше, ни меньше. Искреннее желание спасти мир! Претенциознее некуда. К полудню сотня лунатиков, олухов, недоумков, придурков, и прочих тупиц и кретинов выстроятся в очередь, готовые отдать последнюю рубашку за бесценную привилегию пасть в ноги очередному самозваному гуру, пообещавшему осчастливить их откровением: всё будет хорошо, достаточно лишь взглянуть на вещи иначе и покрепче обнять соседа.

Вы, возможно, удивлены: с какой стати я так возмущаюсь? С чего вдруг этот сарказм? Хороший вопрос. Я и сам его себе задаю.

Ответ на него кроется в моём прошлом. Лет двадцать на-

зад мне пришла в голову идиотская мысль, что больше всего на свете я хотел бы… найти учителя. Да. Я вообразил, что учитель мне нужен настолько, что просто необходим. Чтобы он указал мне путь, отправившись по которому, я смог бы… да-да, спасти мир.

Глупо. Инфантильно, наивно, примитивно, незрело. Фундаментально тупо. Особенно для такого нормального во всём остальном человека, как я. Что я имею в виду под своей нормальностью?

В период молодёжных протестов шестидесятых-семидесятых годов я был, с одной стороны, уже достаточно зрелым, чтобы понимать, чего молодёжь хотела — перевернуть мир с ног на голову, — а с другой — достаточно юным, чтобы верить, что мир от этого станет лучше. Каждое утро, открывая глаза, я надеялся увидеть, что новая эра началась, что небо стало голубее, а трава зеленее. Надеялся услышать повсюду радостный смех, увидеть, как люди высыпали на улицы и танцуют — не только молодые, а все. Прежде чем обвинять меня в редкой наивности и инфантильности, послушайте песни тех лет, и вы убедитесь, что я был такой далеко не один.

Но вот однажды — мне было тогда лет шестнадцать — я проснулся и понял, что новая эра и не думала начинаться. Революцию никто не подавлял — она сама собой выдохлась, оказавшись не более чем поветрием. Конечно, я был разочарован и подавлен. Но больше всего меня поразило то, что очень мало кто разделял со мной эти чувства. Большинство моих сверстников расстались с мечтой, как расстаются с вышедшей из моды одеждой — легко и без сожаления. Их циничные усмешки говорили: «А чего ты хотел? Мир таков, каков он есть, и другим не будет. Нет ничего глупее, чем в одиночку рваться его спасать, когда всем остальным на него наплевать. Найди работу с хорошей зарплатой, вкалывай там до пенсии, потом переберёшься во Флориду и спокойно доживёшь там остаток жизни».

Но я не мог просто так расстаться со своими иллюзиями и в своей невинности думал, что где-то непременно есть кто-то, кто понимает всё лучше меня и кто способен развеять мою печаль; одним словом — учитель.

Такого человека я, естественно, не нашёл.

Мне не был нужен ни гуру, ни гений кунг-фу, ни духовный наставник. Меня не интересовали ни магия, ни дзен-буддизм, ни медитация, ни чакры, ни мои прошлые инкарнации. Это вещи для эгоистов, которым собственное благополучие важнее благополучия мира. Мне было нужно совсем другое, и это другое бесполезно было искать в телефонном справочнике.

В «Паломничестве в страну Востока» Германа Гессе нет ни слова о том, в чём заключается поразительная мудрость Лео. Это потому, что Гессе не мог поведать нам то, чего сам не знал. Он был как я — так же жаждал встречи с кем-то вроде Лео, с кем-то, кто был мудрее и обладал тайным знанием. Конечно, никакого тайного знания на самом деле не существует — никому не известно ничего такого, что нельзя было бы найти на полках публичной библиотеки. Но тогда я этого не понимал. Поэтому продолжал искать. Теперь-то я понимаю, до какой степени это было глупо. В поисках Грааля было бы сравнительно больше смысла.

Но не буду заострять ваше внимание на этих неприятных воспоминаниях. Я продолжал поиски до тех пор, пока не поумнел. Однако, когда я выбросил из головы эти дурацкие мысли, что-то умерло у меня внутри — что-то, что было для меня источником радости и интереса к жизни. На том месте образовался шрам, быстро заживший, но продолжавший саднить.

И вот, годы спустя, когда я уже и думать забыл о своих былых поисках, какой-то шарлатан даёт в газете объявление, адресованное тому юному мечтателю, каким я был пятнадцать лет назад.

Но ведь это не объясняет мою столь яростную реакцию, не правда ли?

Представьте следующую ситуацию. Вы десять лет влюблены в женщину, а она игнорирует само ваше существование. Вы прилагаете все усилия, чтобы показать ей, какой вы достойный и во всех отношениях положительный человек, как горяча и возвышенна ваша любовь. И вот в один прекрасный день вы открываете газету и на странице частных объявлений читаете, что ваша возлюбленная ищет кого-то, способного на возвышенную любовь и достойного такой же любви.

Я понимаю, что в этом примере речь не совсем о том же. Неизвестный учитель даже чисто теоретически не мог вместо объявления в газете обратиться ко мне напрямую. Но вот вопрос: если этот учитель кажется мне шарлатаном, то почему я так однозначно воспринимаю его объявление как адресованное мне лично?

Похоже, я рассуждаю не очень логично. Ладно, бывает, ничего страшного.

2

Я всё же должен был сходить по указанному в объявлении адресу, должен был удостовериться, что это не что иное, как банальное надувательство. Вы понимаете. Это станет ясно с первого взгляда, с первой же его фразы, за полминуты. Тогда я смогу спокойно вернуться домой и забыть об этом.

Добравшись по указанному адресу, я, к своему удивлению, увидел совершенно обыкновенное конторское здание, помещения в котором арендовали второразрядные пресс-агенты, адвокаты, дантисты, агентства путешествий, один хиропрактик и один или два частных детектива. Я ожидал что-нибудь более импозантное — старинный особняк с обшитыми дере-

вом стенами, высокими потолками и окнами за глухими ставнями. Нужное мне помещение, под номером 105, оказалось в самом дальнем конце коридора, рядом с окном, выходившим в переулок. Вывески на двери не было. Толкнув её, я вошёл в огромную и, как мне показалось, совершенно пустую комнату. Раньше здесь явно было несколько помещений поменьше, но затем перегородки между ними сломали, и следы от них ещё виднелись на голом дощатом полу.

Таким было моё первое ощущение — пустоты. Второе ощущение было обонятельным: в комнате пахло цирком, или нет, не цирком, а зверинцем. Запах был характерным, но не неприятным. Я огляделся. Комната всё же не была совсем уж пустой. У стены слева стояла невысокая этажерка с тремя-четырьмя десятками книг, главным образом по истории, доисторическому периоду и антропологии. В центре комнаты одиноко громоздилось массивное засаленное кресло, обращённое к правой стене; можно было подумать, что предыдущие арендаторы, съезжая, бросили его здесь за ненадобностью. В кресле, очевидно, должен был восседать учитель, а ученикам полагалось устроиться полукругом у его ног, сидя по-турецки на циновках.

Но где же ученики, которых, как я полагал, должна была прийти сотня? Может быть, они уже приходили, но их увёл за собой гамельнский дудочник? Толстый слой нетронутой пыли на полу опровергал, однако, это фантастическое предположение.

Что-то ещё было странным в комнате, и мне пришлось ещё раз внимательно оглядеться, чтобы понять, что именно. На противоположной от двери стене в глубоких проёмах были расположены два высоких окна, через которые в комнату из переулка просачивался тусклый свет. Стена слева, отделявшая комнату от соседнего офиса, была сплошной и голой, а вот в стене справа я разглядел большое окно с толстым стеклом. Окно явно не выходило на улицу — свет сквозь него не

проникал. За ним находилось нечто вроде подсобного помещения, ещё более сумрачного, чем комната. Я стал гадать, что за святыня там может храниться, если её так оберегают от неосторожных прикосновений. Чучело снежного человека из папье-маше и кошачьей шкуры? А может, останки инопланетянина, чью ракету национальная гвардия сбила раньше, чем он успел передать послание от своей цивилизации: «Мы пришли с миром! Давайте дружить!»

За стеклом было так темно, что оно казалось закрашенным изнутри чёрной краской. Подойдя ближе, я поначалу увидел лишь своё отражение, но затем, приглядевшись попристальнее, обнаружил, что смотрю в глаза не себе самому, а кому-то другому, сидящему за стеклом.

В изумлении я отпрянул от перегородки, после чего, разглядев находившегося за ней, отступил ещё дальше, уже в испуге.

Из-за стекла на меня смотрела огромных размеров горилла. Можно было бы сказать «взрослая», но это не передало бы произведённое ею на меня впечатление. Это был самец, и он был устрашающе огромен — как валун, как дольмен Стоунхенджа. Пугала сама его масса, хотя в его позе не было ничего угрожающего. Наоборот, он сидел, слегка сгорбившись, с самым мирным видом и задумчиво покусывал тонкую ветку, держа её в левой руке, как жезл.

Я не знал, что сказать. Да, именно сказать, потому что первой моей мыслью было извиниться перед гориллой, объяснить, почему я здесь, оправдаться и попросить прощения за вторжение. Я осознавал, что пялюсь на гориллу совершенно бестактно, но я был словно парализован и не мог отвести от неё глаза. В животном мире нет более загадочного лица, чем лицо гориллы, — быть может, из-за его сходства с человеческим и даже, я бы сказал, превосходства над всеми древнегреческими идеалами совершенства.

Ничто практически не отделяло нас друг от друга. Стоило

горилле слегка надавить на стекло, и оно разлетелось бы вдребезги. Но такая идея, похоже, не приходила ей в голову. Самец сидел, смотрел мне в глаза, покусывал ветку и ждал. Нет, даже не ждал — он просто *был здесь*, как был здесь до моего прихода и как останется, когда я уйду. Мне показалось, что я значу для него не больше, чем плывущее по небу облако значит для прилёгшего на склоне холма пастуха.

Оправившись от испуга, я начал обдумывать ситуацию. Учителя в комнате явно не было, а значит, ничто меня здесь не задерживало, и можно было вернуться домой. Перспектива вернуться ни с чем мне не очень нравилась. Я огляделся в надежде найти лист бумаги, на котором можно было бы оставить записку, но в комнате не было ни бумаги, ни карандаша или ручки. Мысль о письменных принадлежностях, однако, привлекла моё внимание к тому, чего я поначалу не заметил, — к постеру, висевшему на стене за спиной гориллы. Там было написано:

ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ИСЧЕЗНЕТ,
БУДЕТ ЛИ НАДЕЖДА
У ГОРИЛЛЫ?

Постер — точнее, его текст — заставил меня задуматься. Работа с текстом — моя профессия, и, если смысл фразы не ясен сразу, я не успокоюсь, пока не докопаюсь до него. В данном случае не было ясно, что является условием надежды для гориллы — если человек исчезнет или если он останется? Фразу можно было истолковать и так и этак.

Вне всяких сомнений, это был *коан* — алогизм, намеренно сформулированный так, чтобы оставаться двусмысленным. Потому он и вызвал у меня раздражение. Хотя была и другая причина: величественное существо за стеклом, видимо, заключили туда с единственной целью, чтобы оно служило своего рода живой иллюстрацией коана.

«Это нельзя так оставить, — сердито сказал я себе. Затем, неожиданно для самого себя, добавил: — Но сначала лучше сесть и помолчать».

Эта мысль прозвучала в моей голове, как эхо, пришедшее неизвестно откуда. Я посмотрел на кресло и подумал: «Если действительно лучше сесть и помолчать, то почему?» Ответ пришёл сразу: «Потому что молча ты будешь лучше слышать». Возразить против этого было нечего.

Сам не зная зачем, я снова взглянул в глаза сидевшей за стеклом горилле. Всем известно, что глаза *говорят*. Двум незнакомым друг другу людям достаточно обменяться взглядами, чтобы обнаружить взаимный интерес и взаимную симпатию. Глаза гориллы говорили настолько ясно, что я понимал всё дословно. От этого у меня подкосились ноги, и я с трудом добрался до кресла, едва не рухнув на полдороге.

«Но как?» — мысленно спросил я, не смея произнести вопрос вслух.

«Разве это имеет значение? — тоже безмолвно ответила горилла. — Это так, и незачем искать объяснения».

— Но вы… — с дрожью в голосе выдавил я. — Вы же…

Я нашёл было верное слово, но оно не понравилось мне, и, поскольку никакое другое на ум не пришло, предпочёл вообще промолчать.

Горилла, похоже, поняла моё затруднение, и пришла мне на помощь.

— Я — учитель.

Некоторое время мы молча смотрели в глаза друг другу, и я ощутил в голове пустоту, как в заброшенном амбаре.

Затем горилла спросила:

— Тебе нужно время, чтобы собраться с мыслями?

— Да! — воскликнул я, теперь уже в полный голос.

Горилла склонила свою массивную голову набок и посмотрела на меня с любопытством.

— Тебе поможет, если я расскажу свою историю?

— Очень даже, — ответил я. — Но сначала скажите, пожалуйста, как вас зовут.

Самец некоторое время молча смотрел на меня без всякого (как мне тогда показалось) выражения, затем приступил к рассказу, проигнорировав мою просьбу.

— Я родился где-то в лесах экваториальной Западной Африки. Где именно, я никогда не стремился узнать, как не стремлюсь и теперь. Приходилось ли тебе слышать о том, как отлавливают зверей для зоопарков и цирков?

Я с сожалением покачал головой.

— Нет, ничего об этом не знаю.

— Одно время, во всяком случае в тридцатые годы, метод отлова горилл был таким: найдя их группу, охотники убивали самца и самок и забирали детёнышей.

— Ужас, — непроизвольно вырвалось у меня.

Горилла в ответ лишь пожала плечами.

— Я не помню, как это случилось со мной, хотя в моей памяти сохранились некоторые более ранние воспоминания. Как бы то ни было, сначала меня продали зоопарку в каком-то маленьком городе на Северо-Востоке — не помню, как он назывался, поскольку в то время ещё не разбирался в таких вещах. Там я жил и рос в течение нескольких лет.

Он замолчал и рассеянно принялся грызть ветку, словно собираясь с мыслями.

3

— Животные, которых содержат в клетках, — продолжил он, наконец, свой рассказ, — обычно более склонны к размышлениям, чем их сородичи на свободе. Так происходит потому, что даже самые недалёкие из них чувствуют вопиющую несправедливость таких условий жизни. Когда я говорю «склонны к размышлениям», я не имею в виду, что

все животные обретают способность рассуждать логически. Например, тигр, который как неприкаянный мечется в клетке из угла в угол, несомненно занят тем, что человек определил бы как размышление. Мысль у него одна, и выражается она одним словом: «Почему?» Час за часом, день за днём, год за годом, совершая свой бесконечный круговой путь по клетке, он спрашивает себя: «Почему? Почему? Почему?» Он не может ни уточнить, ни развить этот вопрос. Если бы вы каким-нибудь образом умудрились спросить его: «*Что* почему?» — он не смог бы ответить. Тем не менее вопрос неугасимым пламенем пылает в его мозгу, причиняя жгучую боль, не утихающую до тех пор, пока тигр, наконец, не впадёт в апатию, хорошо знакомую всем работникам зоопарков и выражающуюся в полном и необратимом безразличии к жизни. Само собой разумеется, что в своей естественной среде обитания ни один тигр таким вопросом не задаётся.

Некоторое время спустя я тоже начал спрашивать себя: «Почему?» Обладая значительно более развитой нервной системой, чем тигр, я был в состоянии хотя бы приблизительно осмыслить этот вопрос. Я помнил совсем другую жизнь, и она была интересной и приятной. Нынешняя же жизнь, напротив, была смертельно скучной и совсем не приятной. Задавая себе вопрос «Почему?», я пытался понять причину, по которой жизнь делится таким образом на две части: одна половина интересная и приятная, другая — скучная и неприятная. Я не думал о себе как о пленнике. Мне и в голову не приходило, что кто-то мешает мне вести интересную и приятную жизнь. Не найдя ответа на свой вопрос, я стал размышлять о различиях между этими двумя образами жизни. Самое фундаментальное различие заключалось в том, что в Африке я был членом семьи — семьи в том смысле, какой людям вашей культуры непонятен уже тысячи лет. Будь гориллы способны выражаться метафорически, они сказали бы, что семья — это рука, а они — её пальцы. Они

полностью осознают себя семьёй, но очень слабо осознают себя индивидуумами. В том зоопарке жили и другие гориллы, однако семьи там не было. Пять отрубленных пальцев не составляют руку.

То, как нас кормили, тоже было темой для размышления. Человеческие дети мечтают о стране, где горы сделаны из мороженого, камни — из леденцов, а на деревьях растут пряники. Африка для гориллы и есть такая страна. Куда ни повернись, наткнёшься на что-нибудь вкусное. Горилла никогда не думает: «Ох, пора поискать какую-нибудь еду». Пища растёт повсюду, её хватаешь почти неосознанно, как вдыхаешь воздух. Для нас питание вообще не вид деятельности, требующий внимания, а нечто вроде приятной музыки, на фоне которой происходит всё остальное в течение дня. Питание как таковое обрело для меня самостоятельное значение лишь в зоопарке, где дважды в день нам в клетки запихивали огромные кучи безвкусного фуража.

С таких вот размышлений о всякого рода мелочах, совершенно для меня незаметно, и началась моя интеллектуальная жизнь.

Великая Депрессия, о которой я тогда, естественно, ничего не знал, в тот период охватила уже всю Америку. В зоопарках ввели строгий режим экономии, в том числе путём сокращения численности зверей и, как следствие, расходов на их содержание. Многих, я думаю, попросту умертвили, поскольку в частном секторе можно было найти покупателей лишь для неприхотливых, забавных и экзотических животных и птиц. Исключения делались для крупных представителей семейства кошачьих и для приматов.

Меня продали владельцу передвижного зверинца, у которого в тот момент оказался пустой фургон. Я был рослым и крепким подростком, и покупатель несомненно счёл меня перспективным капиталовложением.

Если ты думаешь, что с переселением из одной клетки в

другую для меня в принципе ничего не изменилось, то ты ошибаешься. Взять, к примеру, общение с людьми. В зоопарке все гориллы знали, что перед ними люди. Они были для нас экзотикой, за которой было интересно наблюдать. Так людям бывает интересно понаблюдать за птицами и белками, живущими рядом с их домом. Мы понимали, что эти странные существа разглядывают нас, но нам и в голову не приходило, что за этим они в зоопарк и ходят. Лишь оказавшись в зверинце, я понял, в чём заключалась суть этого феномена.

Постепенно понимать это я начал в первый же день, когда меня выставили на всеобщее обозрение. Небольшая группа посетителей подошла к моей клетке, и вскоре некоторые из них стали пытаться *заговорить со мной*. Я был поражён. В зоопарке люди часто разговаривали *между собой,* но никогда не с нами. «Наверно, они ошиблись, — подумал я. — Возможно, приняли меня за кого-то из посетителей». Но дело явно было в чём-то другом, потому что и вторая, и третья, и следующие группы, подходя ко мне, вели себя точно так же. Это меня совершенно обескуражило.

Ночью, не отдавая себе отчёта в этом, я впервые в жизни попытался упорядочить свои мысли, чтобы решить проблему. Не могло ли случиться, рассуждал я, что от смены места жительства я каким-то образом изменился? Нет, я не чувствовал в себе никаких перемен, да и внешне вроде остался прежним. А может быть, на сей раз это были люди какой-то другой породы, не той же, что посетители зоопарка? Эту гипотезу тоже пришлось отбросить — люди во всех отношениях были такими же, как обычно, с той лишь разницей, что в зоопарке они говорили между собой, а здесь пытались заговорить со мной. Даже интонации тут и там у них были практически одинаковые. Стало быть, дело в чём-то другом.

На следующую ночь я снова задумался над этой пробле-

мой. Я рассуждал так: если не изменился я и не изменились они, значит, изменилось что-то ещё. Я остался таким же, каким был прежде, посетители тоже, значит, нужно разыскать что-то, что не осталось прежним. Что бы это могло быть? Очевидным мне показался такой ответ: в зоопарке я был одной гориллой из нескольких, а здесь я единственная горилла. Объяснение выглядело логичным, но я всё же не мог понять, почему люди ведут себя по-разному в зависимости от того, сколько перед ними горилл — одна или несколько.

На другой день я стал прислушиваться к тому, что говорят посетители. В разноголосом потоке звуков я вскоре заметил одну комбинацию, которая повторялась снова и снова, причём всякий раз именно тогда, когда люди вроде бы обращались ко мне. Разумеется, у меня не было ни малейшей идеи, что означала эта комбинация звуков, — никаким подобием розеттского камня я не располагал.

В клетке справа от моей жила самка шимпанзе с детёнышем, и я уже обратил внимание, что посетители пытаются заговорить с ней почти так же, как со мной. Разница была в том, что, обращаясь к ней, они кричали: «Заза! Заза!», а обращаясь ко мне — «Голиаф! Голиаф!»

Не сразу, но всё же достаточно быстро, я понял, что эти комбинации звуков каким-то загадочным образом связаны с каждым из нас индивидуально.

Для вас, людей, естественно иметь имя — вы получаете его, едва родившись на свет, и вы, вероятно, думаете, что даже болонка воспринимает свою кличку как нечто естественное для неё (что совершенно неверно). Поэтому вы и представить себе не можете, какую революцию в моём восприятии самого себя произвело обретение имени. Не будет преувеличением сказать, что в тот момент я как бы родился заново — родился как личность.

От осознания, что у меня есть имя, я очень быстро перешёл к пониманию, что имена есть у всех и всего на свете.

Ты, может быть, думаешь, что у животного, живущего в клетке, нет никакой возможности выучить язык посетителей, но это не так. В зверинец часто приходят семьями, и вскоре я обратил внимание, что родители разговаривают с маленькими детьми как учителя: «Смотри, Джонни, это утка! Скажи: „Утка“. А знаешь, как говорят утки? Они говорят: „Кря-кря!“»

Через пару лет я уже понимал большинство из того, что говорили посетители, но с пониманием пришло и недоумение. Я теперь знал, что я — горилла, а Заза — шимпанзе. Я также знал, что все обитатели зверинца — животные. Но что такое животные, я никак не мог себе уяснить, поскольку посетители себя животными не считали, и я не понимал почему. То есть, я понимал, почему мы — животные (во всяком случае мне казалось, что понимал), но не понимал, почему они — нет.

Причина нашего содержания в неволе больше не была для меня загадкой, поскольку я сотни раз слышал, как родители объясняли это детям. Все звери, которые теперь живут в клетках, некогда жили в местах, называемых «дикой природой», и эти места были повсюду в мире (что такое «мир», я пока не знал). Нас забрали из дикой природы и привезли сюда потому, что по какой-то странной причине люди находили нас интересными. Нас держали в клетках, поскольку мы «дикие» и «опасные». Эти термины озадачивали меня, поскольку явно означали качества, воплощённые и во мне. Во всяком случае, когда родители хотели показать детям особенно дикого и опасного зверя, они указывали на меня. Справедливости ради надо сказать, что они в таких случаях указывали и на больших кошек, но это ни о чём мне не говорило, поскольку на свободе я их никогда не встречал.

В целом жизнь в зверинце мне нравилась больше, чем в зоопарке, — было не так угнетающе скучно. К служащим зверинца я относился без антипатии. Несмотря на то, что у них было больше свободы передвижения, они казались мне

такими же обитателями зверинца, как животные в клетках. Я понятия не имел, что за пределами зверинца они живут совершенно иначе. Мне с большей вероятностью мог прийти в голову закон Бойля-Мариотта, чем мысль о том, что мои условия жизни являются грубым нарушением моего естественного права жить так, как мне нравится.

Прошло года три или четыре, и однажды, в дождливый день, когда народу в зверинце не было, к моей клетке подошёл необычный посетитель. Он был один, на вид пожилой, если не сказать старый, хотя, как я позднее узнал, ему тогда едва перевалило за сорок. В отличие от большинства посетителей, он встал у входа в зверинец и некоторое время переводил взгляд с клетки на клетку, после чего направился прямо к моей. Остановившись перед верёвкой, протянутой в полутора метрах от решётки, он упёрся концом трости в мокрые опилки и пристально уставился мне в глаза. Взгляды людей никогда меня не смущали, поэтому я невозмутимо ответил ему тем же. Так мы, не двигаясь, смотрели друг на друга несколько минут — я сидя, он стоя. Помнится, я почувствовал необычное для меня восхищение этим человеком, так стойко терпевшим мелкий, но достаточно сильный дождь, который струйками стекал по его лицу и впитывался в одежду.

Наконец, он расправил плечи и кивнул, как если бы после долгого размышления пришёл к какому-то выводу.

— Ты не Голиаф, — сказал он.

С этими словами он повернулся и, не глядя по сторонам, направился к выходу.

4

Как ты можешь себе представить, я был ошарашен. Как это не Голиаф? И что это такое — быть *не Голиафом?* Мне не пришло в голову спросить: «Пусть так, но, если я не Голиаф, то

кто я?» Человек, разумеется, задал бы такой вопрос, потому что он знает: как бы его ни звали, он всё равно личность. А я этого не знал. В моём представлении я был или Голиафом, или вообще никем.

Хотя незнакомец никогда раньше меня не видел, его тон не оставлял сомнений в том, что у него были веские основания для такого заявления. Сотни других людей называли меня Голиафом, в том числе работники зверинца, которые давно меня знали, но, похоже, это не имело значения — дело было в другом. Незнакомец ведь не сказал: «Твоё *имя* не Голиаф». Он сказал: «*Ты* не Голиаф». Из этого я понял (хотя в то время и не мог это так сформулировать), что само моё самосознание было поставлено под сомнение.

Я впал в своего рода сомнамбулическое состояние — где-то между сном и бодрствованием. Мне приносили еду, но я не обращал на неё внимания. Наступила ночь, но мне было не до сна. Дождь перестал, и утром вновь засияло солнце, но я ничего этого не заметил. Вскоре перед моей клеткой собралась обычная толпа посетителей с криками: «Голиаф! Голиаф!» — но мне было не до них.

Так прошло несколько дней. Однажды вечером я выпил воды из миски и вскоре крепко уснул — в воду было подмешано сильное снотворное. На рассвете я проснулся в незнакомой клетке. Поначалу я даже не понял, что это клетка — настолько она была просторной и необычной по форме. Она была круглой и открытой со всех сторон (в том смысле, что без единой дощатой стенки). Как я позднее узнал, под клетку была переоборудована беседка. Её окружал ухоженный парк, простиравшийся, казалось, до самого края земли. За исключением большой белой усадьбы неподалёку, других строений в парке я не увидел.

Объяснение странной перемене своего места жительства я придумал довольно быстро. Новые посетители, или хотя бы часть из них, пришли посмотреть на гориллу по имени Голи-

аф (не знаю, откуда они обо мне узнавали, но откуда-нибудь узнавали), незнакомец же, видимо, рассказал хозяину зверинца, что я вовсе не Голиаф, и выставлять меня как Голиафа нечестно, поэтому хозяин во избежание неприятностей предпочёл сбыть меня с рук. Я не знал, сожалеть мне об этом или нет. Новая клетка нравилась мне больше, чем все, где я обитал с тех пор, как покинул Африку, но без ежедневного развлечения в виде толп посетителей жизнь в беседке вполне могла оказаться скучнее, чем в зоопарке, где я хотя бы жил в компании с другими гориллами. Ближе к полудню, когда я всё ещё размышлял над всем этим, я неожиданно для себя заметил, что кто-то нарушил моё одиночество. Вплотную к решётке, на фоне усадьбы, ослепительно белой в лучах утреннего солнца, возник чёрный человеческий силуэт. Я осторожно приблизился и, к своему изумлению, узнал своего недавнего одинокого посетителя.

Как и в первую нашу встречу, мы несколько минут просто смотрели друг другу в глаза: я — сидя на полу своей клетки, он — стоя и опираясь на трость. В сухой и свежевыглаженной одежде он уже не выглядел таким старым, каким показался мне в прошлый раз. У него было смуглое, вытянутое и худое лицо, на редкость пронизывающий взгляд и застывшие в горькой усмешке губы. В конце концов он кивнул, в точности как тогда, и сказал:

— Да, я был прав. Ты не Голиаф. Ты — Измаил.

И опять, как если бы сказанное не нуждалось в объяснениях, он развернулся и ушёл.

Его слова опять поразили меня, но на этот раз я почувствовал глубокое облегчение, поскольку они извлекли меня из небытия. Кроме того, незнакомец исправил ошибку, из-за которой я столько лет, сам того не подозревая, жил под чужим именем. Вновь ощутить себя полноценной личностью было чрезвычайно приятно.

Я сгорал от любопытства, кто же такой мой спаситель.

Как-либо связывать его с моим переездом из зверинца в этот очаровательный бельведер мне не пришло в голову. Я ещё не был способен даже на такие примитивные глупости, как *post hoc, ergo propter hoc* («после этого — значит, вследствие этого»). Незнакомец был для меня сверхъестественным существом. В моём рассудке, уже готовом к восприятию мифологии, он был первым из тех, кого древние греки называли *полубогами*. Дважды промелькнув в моей жизни, он оба раза преобразил меня одной-единственной фразой.

Я пробовал разгадать скрытый смысл его появления в моей жизни, но результатом моих попыток были лишь новые и новые вопросы. Кого искал этот человек в зверинце — Голиафа или меня? Пришёл ли он потому, что надеялся найти Голиафа, или потому, что, наоборот, заранее знал, что я не Голиаф? Каким образом он так быстро нашёл меня по новому адресу? Я понятия не имел о том, как среди людей распространяется информация. Если раньше всем было известно, что меня можно найти в зверинце (а в этом я был уверен), то было ли теперь всем известно, что меня можно найти здесь? Ответов на все эти вопросы у меня не было, и тем загадочнее на их фоне выглядел этот странный человек, который дважды приходил посмотреть на меня и дважды же обращался ко мне совершенно беспрецедентным образом — как к личности. Я не сомневался, что теперь, окончательно выяснив, кто я такой, он навсегда исчезнет из моей жизни. Зачем я ему ещё?

Ты, конечно, считаешь все эти эмоциональные рассуждения плодами моего безудержного воображения. Реальность, однако, как я позднее узнал, была не менее фантастической.

Моим благодетелем оказался известный в городе богатый еврейский коммерсант по имени Уолтер Соколов. В тот дождливый день, прежде чем заглянуть в зверинец, он бесцельно бродил по городу и помышлял о самоубийстве.

В депрессию он впал несколько месяцев назад, когда получил документальное подтверждение, что вся его семья пала жертвой нацистского холокоста. В конце концов он забрёл на ярмарку на окраине города. Из-за дождя большинство павильонов и аттракционов были закрыты, и ярмарка своим видом навевала тоску, как нельзя лучше соответствовавшую меланхолическому настроению Соколова. Так он оказался перед зверинцем, у входа в который висела аляповатая афиша с изображениями самых экзотических из зверей. Особенно впечатляюще выглядела горилла по имени Голиаф, размахивавшая как дубиной изувеченным трупом дикаря-африканца. Соколов, вероятно, увидел в горилле по имени Голиаф олицетворение нацизма, истребляющего Давида и его род, и решил, что вид этого чудовища за решёткой хоть немного поднимет ему настроение.

Он вошёл, приблизился к моей клетке и пристально посмотрел мне в глаза. Постояв так некоторое время, он пришёл к выводу, что я не имею ничего общего с изображённым на афише кровожадным монстром, а тем более — с бессердечным филистимлянином.

Зрелище гориллы за решёткой вовсе не доставило ему удовольствия. Наоборот, его охватило донкихотское чувство вины и протеста против постигшей меня несправедливости. Он решил вызволить меня из заточения и тем самым, пусть чисто символически, загладить мучившую его вину перед семьёй, которую он не смог вызволить из нацистских застенков. Хозяина зверинца долго уговаривать не пришлось, он даже согласился уступить и работника, который занимался мной с самого начала. Будучи реалистом, хозяин предчувствовал, что вступление Америки в войну в скором будущем приведёт к временному, а то и окончательному закрытию передвижных ярмарок, а вместе с ними зверинцев.

Дав мне время освоиться в моём новом жилище, г-н Соколов вернулся на следующее утро, чтобы познакомиться со

мной поближе. Он попросил работника показать, как и что он делает для меня, от смешивания корма до уборки клетки. Он также спросил его мнение о том, насколько я могу быть опасен. Работник сравнил меня с тяжёлой машиной, сказав, что, если я и опасен, то не своим поведением, а исключительной массой и силой.

Приблизительно через час г-н Соколов отослал работника, после чего, как уже было дважды, мы долго молча смотрели в глаза друг другу. Наконец, словно не сразу решившись перешагнуть через какой-то внутренний барьер, он заговорил со мной — не шутливо, как посетители в зверинце, а так, как говорят с ветром или набегающими на берег волнами, когда нужно выговориться, но чтобы при этом никто не слышал. Изливая свои горести и угрызения совести, он постепенно забыл об осторожности и вплотную приблизился к клетке, взявшись одной рукой за решётку. В глубокой задумчивости он опустил глаза, и я воспользовался этим моментом, чтобы выразить ему своё сочувствие, протянув руку и слегка прикоснувшись к костяшкам его пальцев. Он отпрянул от неожиданности и посмотрел на меня с удивлением и испугом, но по моим глазам понял, что мой жест был ни в коей мере не агрессивным.

Этот случай навёл его на мысль, что я обладаю сознанием, и ему было достаточно нескольких тестов, чтобы убедиться в этом. Удостоверившись, что я понимаю человеческую речь, он тотчас решил (как многие, кто позднее работал с приматами), что раз так, то и меня самого можно научить говорить. К занятиям приступили сразу же. Ни он, ни я не подозревали, что наткнёмся на непреодолимую преграду — отсутствие в моих голосовых органах даже самого примитивного аппарата речи. Пока мы это не поняли, мы продолжали усердно работать, и каждый вечер расставались в надежде, что наутро произойдёт чудо, и я заговорю. В конце концов настал день, когда моё терпение кончилось, и я, будучи не в состоянии

выразить своё отчаяние вслух, выразил его мысленно, вложив в этот беззвучный крик души всю силу своего разума. Он был ошеломлён — как и я, когда по выражению его лица понял, что он услышал меня.

Не буду утомлять тебя подробностями того, как мы осваивали этот необычный способ общения и как постепенно вполне овладели им. Думаю, это нетрудно представить. На протяжении следующих десяти лет он делился со мной своими знаниями о мире, Вселенной, истории человеческой цивилизации, а когда мои вопросы заводили его в тупик, мы сообща искали ответы на них. Когда меня начали интересовать вещи, выходившие за пределы его компетенции, он с готовностью ассистента заказывал для меня нужные книги и журналы, поскольку я, разумеется, не мог это делать сам.

Мой благодетель с таким увлечением занимался моим образованием, что угрызения совести вскоре перестали мучить его, и его депрессия постепенно прошла. К началу шестидесятых я жил в его доме почти что на правах родственника, не нуждаясь в постоянном внимании со стороны хозяина, и г-н Соколов вечерами стал всё чаще выходить в общество. Легко предсказуемым результатом этого стало знакомство с женщиной лет сорока, которая нашла в нём все качества вполне удовлетворительного супруга. Против женитьбы г-н Соколов ничего не имел, но в самом начале их отношений совершил непростительную ошибку, решив не посвящать будущую супругу в тайну своего специфического общения со мной. Ничего экстраординарного в таком решении не было, а я ещё недостаточно разбирался в людях, чтобы почувствовать в этом опасность.

Как только беседка была приведена в соответствие с приобретёнными мною цивилизованными привычками, я вновь поселился в ней. Г-жа Соколова, однако, видела во мне лишь экстравагантное и небезопасное домашнее животное и с самого начала пыталась убедить мужа как можно скорее

избавиться от меня. К счастью, мой благодетель обладал достаточно своенравным характером и твёрдо сказал ей, что никакие жалобы и уговоры не заставят его изменить созданные им для меня жизненные условия.

Через несколько месяцев после свадьбы г-н Соколов заглянул ко мне сообщить, что жена, как Сара Аврааму, скоро подарит ему ребёнка в его преклонные годы.

— Назвав тебя Измаилом, я, естественно, ничего подобного не предвидел, — сказал он. — Но ты не волнуйся, я не позволю ей выгнать тебя из дома, как Сара выгнала твоего тёзку из дома Авраама.

Тем не менее сама параллель показалась ему забавной, и он добавил, что, если родится сын, то он назовёт его Исааком. Однако родилась девочка, и её назвали Рейчел (Рахиль).

5

На этом месте Измаил замолчал и закрыл глаза. Его молчание длилось так долго, что я начал беспокоиться, не уснул ли он. Но тут он открыл глаза и продолжил.

— Мудро ли, глупо ли, но мой благодетель решил доверить мне воспитание девочки. И, мудро ли, глупо ли, но я с радостью согласился отблагодарить его таким образом. Сидя на коленях отца, Рейчел проводила в общении со мной почти столько же времени, сколько с матерью, что, конечно, ничуть не улучшило отношение ко мне г-жи Соколовой.

Поскольку наше общение было более непосредственным, чем возможно с помощью речи, мне удавалось утешать и веселить девочку лучше, чем кому бы то ни было, и постепенно между нами возникла почти родственная связь, вроде той, какая встречается между близнецами, разве что я был ей и братом, и домашним животным, и гувернёром, и няней в одном лице.

Госпожа Соколова с нетерпением ждала, когда Рейчел начнёт ходить в школу, и тогда новые интересы и впечатления оттеснят меня в её жизни на задний план. Когда этого не произошло, г-жа Соколова вновь стала уговаривать мужа избавиться от меня, на этот раз на том основании, что моё присутствие мешает социальному развитию девочки. Однако в социальном отношении Рейчел развивалась совершенно нормально, если не считать, что в начальной школе она опередила сверстников на три года, в средней — на год, а к двадцати годам уже защитила кандидатскую диссертацию по биологии.

Тем временем настал день, когда г-же Соколовой больше не нужно было выдумывать причины, чтобы выжить меня из дома: в 1985 году г-н Соколов скончался. Моей попечительницей стала Рейчел. Было ясно, что о моём проживании в беседке перед домом больше не может быть и речи. На деньги, которые мой благодетель выделил мне в своём завещании отдельной строкой, Рейчел перевезла меня в заранее подготовленную клетку в приюте.

После новой продолжительной паузы Измаил продолжил:

— Потянулись безрадостные годы, когда всё шло не так, как хотелось бы. Приютов я в своей жизни повидал много, и никогда прежде не жаловался на условия в них, но теперь я испытывал жгучую потребность в углублении своего понимания вашей культуры, а в одиночестве это было практически невозможно. Должно быть, я порядком измучил Рейчел своими прожектами, один утопичнее другого. Вдобавок ко всему, г-жа Соколова, так и не оставившая меня в покое, опротестовала в суде завещание мужа и добилась сокращения моей пожизненной ренты вдвое.

Тучи над моей головой рассеялись лишь в 1989 году, когда я окончательно понял, что моё истинное призвание — быть учителем, и я разработал систему, позволявшую достаточно сносно существовать в этом городе.

Он кивнул в знак того, что это конец истории, во всяком случае на сегодня.

6

Бывает, что от избытка мыслей немеешь так же, как от их недостатка. Я не знал, как адекватно или просто вежливо отреагировать на услышанное. В конце концов я задал вопрос, как мне показалось, не более глупый, чем десятки других, роившихся в моей голове

— И много у вас было учеников?

— Четыре. И со всеми я потерпел неудачу.

— Почему неудачу?

Измаил в задумчивости закрыл глаза.

— Я недооценил трудность своей задачи, трудность предмета, который пытаюсь преподавать. И ещё, я недостаточно хорошо представлял мышление своих учеников.

— Понятно, — сказал я. — Чему же вы учите?

Измаил выбрал свежую ветку из груды, лежащей по правую руку от него, бегло осмотрел её и принялся грызть, равнодушно глядя мне в глаза. Наконец, он сказал:

— Исходя из моей истории, какой предмет, на твой взгляд, я мог бы преподавать лучше всего?

Я заморгал и сказал, что не знаю.

— Конечно, знаешь, — возразил он. — Этот предмет — *неволя*.

— Неволя?

— Да.

Я на минуту задумался, потом сказал:

— Я пытаюсь понять, какое отношение это имеет к спасению мира.

Почти не задумываясь, Измаил спросил:

— Кто из людей вашей культуры хочет уничтожить мир?

— Уничтожить мир? Насколько я знаю, никто конкретно не хочет этого.

— При этом вы уничтожаете его, каждый из вас. Каждый из вас ежедневно вносит свой вклад в уничтожение мира.

— Да, это правда.

— Почему же вы не остановитесь?

— Честно говоря, мы не знаем, как это сделать, — пожав плечами, ответил я.

— Вы пленники цивилизации, чьим условием выживания является безостановочное разрушение мира.

— Да, похоже на то.

— Итак, вы пленники, и вы захватили в плен целый мир. Вот в чём проблема, не так ли? И вы в неволе, и мир в неволе.

— Да, это так. Я просто никогда не смотрел на это с такой точки зрения.

— И ты лично тоже в неволе, не правда ли?

— Как так?

Измаил улыбнулся, обнажив свои здоровенные зубы цвета слоновой кости. До этого я не знал, что он способен улыбаться.

— У меня есть *ощущение* несвободы, — признался я, — но я не знаю, чем оно вызвано.

— Несколько лет назад — ты тогда был ребёнком и вряд ли помнишь — у многих молодых людей в этой стране появилось такое же ощущение. Они простодушно и хаотически попытались вырваться на свободу, но не сумели, поскольку не разглядели решётки своей темницы. Если ты не понимаешь, что именно держит тебя взаперти, ты быстро теряешься, и твоё желание вырваться сменяется чувством бессилия.

— Да, именно так я это и ощущаю.

Измаил кивнул.

— Но всё же, какое отношение это имеет к спасению мира?

— В неволе у человечества мир не продержится долго. Это нуждается в объяснении?

— Нет. Лично мне это ясно.

— Мне кажется, среди вас есть много желающих освободить мир из плена.

— Да.

— Что же мешает им сделать это?

— Не знаю.

— А мешает им то, что они не видят решёток.

— Да, — сказал я, — понимаю. И что теперь делать?

Измаил опять улыбнулся.

— Я рассказал тебе свою историю и объяснил, как случилось, что я оказался здесь. Почему бы тебе не рассказать мне свою?

— Мою историю?

— Да, историю, которая объяснит, каким образом *ты* оказался здесь.

— О! — растерянно произнёс я. — Тогда мне нужно собраться с мыслями. Одну минутку.

— Сколько угодно минуток, — серьёзным тоном ответил Измаил.

7

— В своё время, — начал я, — когда я учился в колледже, я написал эссе по философии. Не помню точно, как формулировалось задание, но что-то относившееся к теории познания. В своём эссе я исходил из гипотезы, что нацисты в конечном итоге не потерпели поражение в войне, а победили с большим успехом. Они захватили мир и истребили всех евреев, цыган, чернокожих, индусов и американских индейцев. Покончив с ними, они точно так же истребили всех русских, поляков, чехов, словаков, болгар, сербов, хорват, короче — всех славян. После этого они взялись за полинезийцев, корейцев, китайцев, японцев — за всех азиатов. Всё

это тянулось долго, очень долго, и в конце концов в мире остались одни стопроцентные арийцы, чему они очень и очень радовались.

Само собой разумеется, из школьных учебников исчезли упоминания о каких-либо расах, кроме арийской, о каких-либо языках, кроме немецкого, о каких-либо религиях, кроме гитлеризма, и о каких-либо политических системах, кроме национал-социализма. Вспоминать о них не имело смысла. Сменилось несколько поколений, и никому уже и в голову не приходило писать в учебниках о чём-то другом, поскольку никто и не знал ни о чём другом.

Но вот однажды двое студентов из Нового Гейдельбергского университета в Токио разговорились после занятий. Оба были типичными арийцами, привыкшими сдерживать свои чувства, но один из них, по имени Курт, выглядел озабоченным и подавленным. «Что случилось, Курт? — спросил его друг. — Что за гримаса у тебя на лице?» Курт ответил: «На то есть причина, Ганс. Меня мучает одна мысль, совсем не даёт покоя». Ганс поинтересовался, в чём именно дело. «Дело вот в чём, — сказал Курт. — Я не могу избавиться от странного ощущения, что существует какая-то мелочь, о которой нам *лгут*».

Этим моё эссе и заканчивалось.

Измаил задумчиво кивнул.

— И какова была реакция твоего преподавателя?

— Он спросил, нет ли и у меня такого же странного ощущения, как у Курта. Когда я ответил, что есть, он спросил, в чём же, по моему мнению, нам лгут. «Не знаю, — ответил я. — Я так же теряюсь в догадках, как Курт». Преподаватель, конечно, не принял мои слова всерьёз. Для него моё эссе было не более чем упражнением по теории познания.

— А ты по-прежнему хочешь знать, лгут ли вам?

— Да, но уже не так страстно, как тогда.

— Не так страстно? Почему?

— Потому что я обнаружил, что это не имеет практического значения. Лгут нам или не лгут, всё равно нужно утром идти на работу, платить налоги и всё такое.

— Другое дело, если бы вы *все* начали подозревать, что вам лгут, и *все* узнали, в чём именно заключается ложь.

— Что вы хотите этим сказать?

— Если ты один узнаешь, в чём заключается ложь, то ты, вероятно, прав, это мало что изменит. Но если вы *все* узнаете, в чём заключается ложь, то это радикально изменит очень и очень многое.

— Пожалуй.

— Вот и будем на это надеяться.

Я хотел было спросить, что он под этим имеет в виду, но он поднял вверх свою чёрную кожаную ладонь и сказал:

— Завтра.

8

Тем вечером я отправился прогуляться. Я редко гуляю просто ради прогулки, но дома, в своей квартире, я по какой-то необъяснимой причине чувствовал себя неспокойно. Мне нужен был собеседник, нужна была чья-то поддержка. А может быть, это была потребность исповедаться в своём грехе: я снова дал волю гордыне и вознамерился спасать мир. Или ни то, ни другое, а просто я испугался, что всё это мне приснилось. События этого дня и были похожи на сон. Иногда я летаю во сне и при этом каждый раз говорю себе: «Ну, наконец-то я летаю по-настоящему! Наконец-то мне это не снится!»

Как бы то ни было, я испытывал потребность в общении, а поговорить было не с кем. Я люблю одиночество, это мой выбор — так я обычно себе говорю. Просто приятельских отношений мне мало, а обременять себя тем, что можно

считать настоящей дружбой в моём её понимании, сегодня мало охотников.

Многие называют меня сычом и мизантропом, и я не спорю. Споры любого рода и на любую тему всегда казались мне пустой тратой времени.

Проснувшись на следующее утро, я подумал: «А ведь и правда, всё это могло мне присниться. Может даже присниться, что спишь и во сне видишь сны». В то время как я механически готовил завтрак, ел, потом мыл посуду, моё сердце бешено колотилось. Казалось, оно говорило: «Ты в панике, и даже не притворяйся, что нет!»

В назначенный час я снова был в центре города. Конторское здание было на своём месте, как и комната в глубине коридора на первом этаже, и даже дверь в неё всё так же не была заперта.

За порогом мне в ноздри хлынул настолько сильный запах зверинца, что я вздрогнул. Нетвёрдым шагом я проковылял к креслу и сел.

Измаил пристально смотрел на меня из тьмы сквозь стекло, будто оценивая, в достаточной ли я форме для серьёзного разговора. Результат осмотра, видимо, удовлетворил его, и он без каких бы то ни было церемоний сразу перешёл к делу. Как я позднее понял, таков был его обычный стиль.

Часть вторая

1

— Как ни странно, — сказал он, — интерес к проблеме неволи возник у меня не сам собой, не вследствие моих собственных условий жизни — его пробудил во мне мой благодетель. Как ты, наверное, помнишь из моего вчерашнего рассказа, он многие годы взволнованно следил за событиями, происходившими в нацистской Германии.

— Да, я помню.

— А из твоего вчерашнего же рассказа о Курте и Гансе я заключаю, что и ты изучал тот период истории, когда люди в Германии жили под властью Гитлера.

— Изучал? Это явное преувеличение. Я прочёл несколько популярных книг — мемуары Шпеера, «Взлёт и падение Третьего рейха», кое-что ещё в этом роде, плюс несколько работ, посвящённых Гитлеру.

— Тогда ты легко поймёшь то, что не без труда, но всё-таки объяснил мне г-н Соколов: при Гитлере свободу потеряли не только евреи. Весь народ Германии, включая ярых сторонников Гитлера, превратился в невольников. Одни относились к его политике с отвращением, другие просто старались выжить в её условиях, третьи с её помощью наживались — но все они были невольниками.

— Думаю, я понимаю, что вы имеете в виду.

— Что удерживало их в неволе?

— Террор, наверное.

Измаил покачал головой.

— Ты наверняка видел кинохронику о предвоенных на-

цистских митингах, когда сотни тысяч человек в один голос славили фюрера. Не террор собирал их, как пальцы в огромный кулак.

— Не террор. Тогда я сказал бы, что причина в харизме Гитлера.

— Харизма у него, конечно, была. Но харизмой можно только привлечь внимание, а потом людям нужно сказать что-то весомое и убедительное. Что Гитлер мог сказать немцам?

Я задумался, но без особой надежды найти ответ.

— Кроме еврейского вопроса, что-то ничего не приходит в голову.

— У Гитлера для немцев была заготовлена сказка.

— Сказка?

— Сказка о том, как арийская раса, в особенности народ Германии, лишилась своего законного места в мире, как она была связана по рукам и ногам, унижена, изнасилована и втоптана в грязь низшими расами, коммунистами и евреями. В этой сказке арийской расе под предводительством Гитлера суждено было сбросить с себя цепи рабства, отомстить своим угнетателям, очистить человечество от скверны и занять принадлежащее ей по праву место повелительницы всех народов.

— Верно.

— Сегодня кажется удивительным, что целый народ мог поверить в такую чушь, но после без малого двадцати лет экономического упадка и прочих бедствий, пережитых немцами после Первой мировой войны, они не увидели в этой сказке ничего неправдоподобного. А её, в дополнение к обычной пропаганде, подкрепили ещё и программами интенсивного воспитания молодёжи и перевоспитания стариков.

— Да, я читал об этом.

— Многие в Германии понимали, что всё это выдумки, чистой воды миф, но предпочитали держать язык за зуба-

ми, видя, как восторженно восприняло сказку подавляющее большинство населения и насколько оно готово к самопожертвованию ради того, чтобы сделать её былью. Ты понимаешь это?

— Думаю, да. Даже если ты сам не веришь в сказку, ты всё равно находишься у неё в плену, потому что одурманенное ею общество держит тебя в плену. В охваченном паникой табуне одна лошадь не может взять и остановиться.

— Верно. Даже если ты лично считаешь происходящее безумием, ты не можешь не участвовать в нём, не можешь отказаться от своей роли в сказке. Единственным выходом в те годы было вообще покинуть Германию.

— Да.

— Ты понимаешь, зачем я всё это тебе говорю?

— Думаю, да, хотя не уверен.

— Я говорю тебе это потому, что люди твоей культуры находятся в аналогичном положении. Как люди в нацистской Германии, вы живёте в плену у сказки.

Некоторое время я молча моргал, затем сказал:

— Я ничего не знаю о такой сказке.

— Ты хочешь сказать, что даже не слышал о ней?

— Не слышал.

Измаил кивнул.

— Это потому, что она уже так навязла у вас в ушах, что вы перестали её замечать. К шести-семи годам каждый из вас знает её наизусть. Чёрный и белый, мужчина и женщина, богач и бедняк, христианин и иудей, американец и русский, норвежец и китаец — все вы слышите её непрестанно, потому что каждое средство массовой пропаганды, каждое учреждение в системе образования непрерывно бомбардируют ею ваш мозг. А мозг так устроен, что перестаёт реагировать на то, что звучит постоянно. Не слушая, вы продолжаете слышать. Где бы вы ни были, что бы ни делали, сказка всегда звучит где-то на заднем плане, незаметно для вас, но и

неотступно. Даже если вы знаете о существовании этого речитатива, к нему очень трудно прислушаться. Он как гул непрерывно работающего вдали мотора: некоторое время, в самом начале, вы его слышите, а привыкнув, перестаёте слышать, хотя он продолжает работать всё с той же силой и с тем же шумом.

— Всё это очень интересно, — сказал я, — но пока мне приходится просто верить вам на слово.

Измаил снисходительно улыбнулся.

— Я не прошу тебя верить. Когда ты узнаешь, что это за сказка, ты услышишь её повсюду в своей культуре и удивишься, как это окружающие не слышат её так же ясно, как ты, хотя и при этом воспринимают её до мельчайших подробностей.

2

— Вчера ты сказал, что *ощущаешь* себя в неволе. Ты ощущаешь себя так из-за огромного давления, которое ваша культура оказывает на тебя, заставляя участвовать в разыгрываемой ею пьесе, неважно в какой роли. Она давит на тебя повсюду и самыми разными способами, но главным образом так: кто не участвует, тот не ест.

— Да.

— У немца, который не желал играть в пьесе Гитлера, был выбор: он мог уехать из Германии. У тебя такого выбора нет. В любом уголке мира ты обнаружишь, что там разыгрывается всё та же самая пьеса и что, если ты откажешься исполнять в ней хоть какую-то роль, ты останешься без еды.

— Верно.

— Матушка Культура учит тебя, что так и должно быть. За исключением нескольких тысяч «дикарей» в разных уголках планеты, все люди на земле участвуют в этой пьесе. Человек

рождается для участия в ней, и покинуть труппу для него равносильно изгнанию из человеческого рода, погружению в небытие. Твоё место — *здесь,* в этой пьесе, и ты должен подставить плечо под общую ношу, а наградой тебе будет еда. Альтернативы этому нет. Уйти со сцены размером с планету значит свалиться в тартарары. Или ты живёшь в пьесе, или не живёшь вообще.

— Похоже, что так и есть.

Измаил ненадолго задумался.

— Всё это лишь предисловие к нашей работе. Я хотел, чтобы ты сразу получил хотя бы приблизительное представление о том, во что я тебя вовлекаю. Как только ты научишься распознавать голос Матушки Культуры, повсюду и непрестанно бормочущей свою сказку, ты уже никогда не сможешь не обращать на него внимания. Всю оставшуюся жизнь, куда бы ни забросила тебя судьба, ты будешь мучиться от неудержимого искушения закричать окружающим: «Как вы можете принимать всерьёз эту чушь?» Но если ты скажешь им это, они посмотрят на тебя как на сумасшедшего и не поймут, о чём ты им говоришь. Иными словами, если ты отправишься со мной в эту исследовательскую экспедицию, ты вскоре обнаружишь, что стал чужим для всех окружающих — родных, друзей, знакомых — для всех.

— Это меня не пугает, — ответил я, не вдаваясь в подробности.

3

— Моя заветная, но неосуществимая мечта — однажды отправиться в кругосветное путешествие и посмотреть на ваш мир так же свободно и не привлекая к себе внимания, как это делаете вы, люди. Выйти из дома, поймать такси, поехать в аэропорт и сесть в самолёт, вылетающий в Нью-Йорк,

Лондон или Флоренцию. С особенно большим удовольствием я представляю себе, как стал бы готовиться к путешествию — какие вещи непременно взял бы с собой, а без каких вполне обошёлся бы. (Как ты понимаешь, я путешествовал бы в облике человека.) Если взять с собой слишком много, багаж будет тяжело нести, а если взять слишком мало, придётся то и дело прерывать путешествие, чтобы купить ту или иную вещь, а это ещё утомительнее.

— Логично, — вставил я просто из вежливости.

— Сегодня наша задача — упаковать багаж для нашего путешествия. Я уложу в него некоторые вещи, чьё назначение в данный момент вряд ли будет тебе понятно, но это просто чтобы позднее, когда они нам понадобятся, не тратить время на их поиски. Я просто покажу их тебе и уложу в чемодан. Так они будут тебе знакомы, когда я в дороге достану их.

— Хорошо.

— Первым делом — словарь. Чем без конца повторять неуклюжие фразы типа «люди вашей культуры» и «люди прочих культур», давай сразу заменим их двумя терминами. С разными учениками я использовал разные термины, а с тобой хочу попробовать новую пару. Тебе, конечно, знакомо выражение «Бери или оставь» («Take it or leave it»). В нём фигурируют два противоположных действия. Если я буду употреблять производные от этих слов — «Берущие» (Takers) и «Оставляющие» (Leavers), — не вызовут ли они у тебя какие-либо нежелательные ассоциации?

— Не вполне понимаю, что вы имеете в виду.

— Если одну группу мы назовём Берущими, а другую — Оставляющими, не покажется ли тебе, что мы изначально даём оценку: одни — «хорошие», а другие — «плохие»?

— Нет, оба слова кажутся мне вполне нейтральными.

— Отлично. Тогда отныне я буду называть людей твоей культуры Берущими, а людей всех прочих культур — Оставляющими.

— Здесь всё-таки что-то не так, — сказал я, поморщившись.

— Что?

— Разве можно все прочие мировые культуры вместить в одну категорию?

— Люди вашей культуры именно так и делают, с той лишь разницей, что вы вместо относительно нейтральных используете откровенно оценочные термины. Себя вы называете *цивилизованными,* а всех остальных — *примитивными*. И эта терминология у вас общепринята: люди в Лондоне, Париже, Багдаде, Сеуле, Детройте, Буэнос-Айресе, Торонто, несмотря на все их различия, считают себя «цивилизованными», в противоположность ещё сохранившимся кое-где на земле «дикарям из каменного века». По аналогии с самими собой вы считаете, что, несмотря на все их различия, эти народы каменного века можно объединить в понятие «примитивные».

— Вы правы.

— Стало быть, тебе больше нравятся термины «цивилизованные» и «примитивные»?

— Они для меня привычнее. Но это не значит, что я против «Берущих» и «Оставляющих», они меня тоже устраивают.

4

— Второе — карта. У меня она есть. Тебе нет необходимости запоминать дорогу. Иными словами, не тревожься, если в конце какого-то дня ты вдруг заметишь, что не помнишь ни слова из того, что я говорил. Это неважно. Тебя изменит само путешествие. Понимаешь, что я имею в виду?

— Не уверен.

Измаил ненадолго задумался.

— Я дам тебе общее представление о цели нашего путешествия, тогда ты поймёшь.

— Хорошо.

— Матушка Культура, чей голос ты слышишь с момента своего появления на свет, объяснила тебе, *как случилось, что всё сложилось именно так.* Ты это крепко усвоил. Каждый человек вашей культуры это крепко усвоил. Но усвоил ты это не за один раз. Никто не усаживал тебя за стол и не говорил: «Всё началось десять или пятнадцать миллиардов лет назад и в конце концов сложилось вот так». Скорее, объяснение постепенно складывалось в твоём сознании наподобие мозаики — из миллионов фрагментов информации, которой делились с тобой другие и которой ты сам делился с другими, поскольку мозаику вы складывали одну и ту же. Что-то ты усвоил из разговоров родителей за столом, что-то из мультфильмов по телевизору, со слов учителей и из школьных учебников, из новостей, кинофильмов, романов, церковных проповедей, спектаклей, газет и так далее. Ты ещё не запутался?

— Вроде нет.

— Объяснение того, *как случилось, что всё сложилось именно так,* формирует саму атмосферу вашей культуры. Все это объяснение знают и принимают безоговорочно.

— Понимаю.

— По ходу нашего путешествия мы будем подвергать критическому анализу ключевые фрагменты этой мозаики. Мы будем извлекать их из мозаики в твоём сознании и вставлять в совершенно другую мозаику — так мы получим и совершенно другое объяснение того, *как случилось, что всё сложилось именно так.*

— Хорошо.

— И когда мы закончим, твоё восприятие мира и всего происходящего в нём изменится полностью. Из каких фрагментов и каким образом сложилось твоё новое восприятие,

не будет иметь значения. Тебя изменит само путешествие, поэтому не волнуйся о том, чтобы запомнить, через какие пункты мы придём к цели.

— Ладно. Я понимаю, что вы имеете в виду.

5

— Третье — это определения. Некоторые слова в нашем путешествии будут иметь особое значение. Первое из них — «сказка». Сказка — это сценарий, который связывает между собой человека, мир и богов.

— Хорошо.

— Второе определение — «инсценировка». Инсценировать сказку — это воплощать её в жизнь, превращать в реальность. Иными словами — это подменять реальность вымыслом. Это то, что народ Германии делал при Гитлере. Он пытался подменить реальность сказкой о Тысячелетнем рейхе. Он пытался инсценировать в жизни пьесу, сочинённую Гитлером.

— Точно.

— Третье определение — «культура». Культура — это люди, инсценирующие сказку.

— А сказка — это…

— Сценарий, который связывает между собой человека, мир и богов

— Понятно. Тогда выходит, что и люди моей культуры инсценируют некую сказку о человеке, мире и богах.

— Совершенно верно.

— Но я всё ещё не знаю, в чём заключается эта сказка.

— Всему своё время. Пока тебе важно знать, что за время существования человека на земле разыгрывались два принципиально разных сценария. По первому два или три миллиона лет назад стали жить люди, которых мы договорились

называть Оставляющими. Они с успехом продолжают так жить по сей день. По второму сценарию десять или двенадцать тысяч лет назад начали жить те, кого мы договорились называть Берущими, и их инсценировка, похоже, вот-вот закончится катастрофой.

— О! — непроизвольно вырвалось у меня.

6

— Если бы Матушка Культура решила вкратце изложить историю человечества, пользуясь нашими с тобой терминами, у неё получилось бы что-нибудь вроде следующего: «Оставляющие были первой главой в истории человечества — длинной, но не отмеченной никакими событиями. Та глава закончилась примерно десять тысяч лет назад, когда на Ближнем Востоке зародилось сельское хозяйство. Это событие ознаменовало собой начало второй главы — главы Берущих. Это правда, что в мире ещё сохранились и Оставляющие, но их можно считать ископаемыми, пережитками прошлого, до сих пор не понявшими, что их глава в истории человечества кончилась». Так в общих чертах представляют себе историю человечества люди вашей культуры.

— Да.

— Как ты скоро увидишь, я представляю вашу историю совсем по-другому. Оставляющие не являются первой главой той сказки, в которой Берущие являются главой второй.

— Извините, не понял.

— Скажу иначе: Оставляющие и Берущие разыгрывают две разных пьесы, с совершенно разными и противоречащими друг другу сюжетами. Мы рассмотрим это позднее, а пока достаточно просто помнить, что это не одна история в двух частях, а две разных истории.

— Хорошо.

7

Измаил задумчиво почесал щёку. Сквозь стекло я, конечно, ничего не услышал, но в моём представлении звук был таким, будто лопату протащили по гравию.

— Думаю, багаж мы упаковали. Как я сказал, совершенно неважно, запомнил ли ты всё, что мы туда уложили. Когда мы сегодня расстанемся, всё это наверняка спутается у тебя в голове.

— Наверняка, — подтвердил я.

— Это нормально. Зато, если завтра я извлеку из багажа что-нибудь из уложенного туда сегодня, ты тотчас вспомнишь, что это такое, а больше нам ничего не нужно.

— Прекрасно. Тогда всё в порядке.

— Сегодняшний наш урок будет коротким. В само путешествие мы отправимся завтра. А сейчас постарайся освежить в памяти сказку, которую люди вашей культуры инсценируют в мире в течение последних десяти тысяч лет. Ты помнишь её сюжет?

— Сюжет?

— Там речь идёт о предназначении мира, о божественном замысле в его отношении и в отношении человека.

— Я могу рассказать много сказок об этих вещах, но ни в одной не говорится обо всём этом сразу.

— А между тем эта сказка в вашей культуре известна всем, и вы все в неё верите.

— Боюсь, что всё ещё не понимаю, о какой сказке речь.

— Тогда скажу так: это «поучительная» сказка. К такого рода сказкам относятся «Откуда у слона хобот» и «Откуда у леопарда пятна».

— По-прежнему никаких догадок.

— А что, на твой взгляд, должна объяснять эта сказка?

— Ума не приложу.

— Странно, потому что как раз сегодня я говорил тебе об

этом. Эта сказка должна объяснять, *как случилось, что всё сложилось именно так.* С самого начала по сегодняшний день.

— Ах, это, — сказал я и тоскливо посмотрел в сторону окна. — Теперь я совершенно уверен, что не знаю такую сказку. Разные знаю, но одну — нет.

Минуту или две Измаил обдумывал мои слова.

— Вчера я вскользь упомянул о том, что у меня уже было несколько учеников. В их числе была девочка, которая сочла своим долгом прежде всего объяснить мне, что именно она ищет. Она сказала: «Почему никого ничто не волнует? В автоматической прачечной люди обсуждают слухи о конце света, но так, будто сравнивают стиральные порошки. Говорят о разрушении озонового слоя и гибели всего живого, о вырубке тропических лесов и о загрязнении воздуха, который теперь не очистить за сотни и тысячи лет, о том, что каждый день исчезают десятки видов живых существ, а новые виды перестают возникать, — и всё это без малейших эмоций». Я спросил её: «И это всё, что ты хочешь узнать? Почему людей не волнует, что мир движется к катастрофе?» Она подумала и ответила: «Нет, я знаю, почему их ничто не волнует. Потому что они верят всему, что им говорят».

— И что это значит? — спросил я.

— Что говорят людям, чтобы они не тревожились, а относительно спокойно воспринимали катастрофический ущерб, который они причиняют планете?

— Не знаю.

— Им рассказывают сказку, которая всё объясняет. Им объясняют, *как случилось, что всё сложилось именно так,* и это их успокаивает. Им объясняют всё, включая разрушение озонового слоя, загрязнение океанов, уничтожение тропических лесов, даже вымирание целых народов — и всех эти объяснения удовлетворяют. Хотя вернее будет сказать *умиротворяют*. Днём все смиренно тянут свою лямку, вечером одурманивают себя телевизором или алкоголем и

стараются не слишком задумываться о мире, который оставят в наследство детям.

— Точно.

— *Как случилось, что всё сложилось именно так,* тебе объяснили, как всем, но, видимо, тебя эти объяснения не умиротворили. Ты слышал их с раннего детства, но умудрился не заглотить крючок. Ты чувствуешь какую-то недосказанность, фальшь. Ты чувствуешь, что тебя в чём-то обманывают, и хочешь, насколько возможно, узнать в чём именно. Вот почему ты здесь, в этой комнате.

— Дайте подумать… Вы хотите сказать, что сказка, которая якобы всё объясняет, содержит ту самую ложь, о которой я писал в своём эссе про Курта и Ганса?

— Совершенно верно.

— Тогда я совсем запутался. Я не знаю такую сказку, в которой одной говорилось бы обо всём этом.

— А между тем она есть, одна и вмещающая всё это. Попробуй мыслить мифологически.

— Как?

— Я имею в виду мифологию вашей культуры, конечно. Я думал, что это очевидно.

— Не вижу здесь ничего очевидного.

— Любая теория, объясняющая существование мира, замыслы богов и предназначение человека, может быть только мифом.

— Возможно, но мне неизвестна теория, даже отдалённо похожая на такую. Насколько я знаю, в нашей культуре нет ничего, что можно было бы назвать мифологией, если, конечно, вы не имеете в виду мифы Древней Греции, Скандинавии и так далее.

— Я говорю о *живой* мифологии — о той, которая запечатлена не в книгах, а в умах людей вашей культуры, и инсценировка которой продолжается во всём мире даже сейчас, когда мы сидим здесь и говорим о ней.

— Могу лишь повторить: насколько я знаю, в нашей культуре нет ничего подобного.

Асфальтовый лоб Измаила сморщился в глубокие складки, а в его взгляде смешались раздражение и ирония.

— Это потому, что ты думаешь о мифологии как о сборнике фантастических историй. Древние греки так о своей мифологии не думали. Уверен, что ты это понимаешь. Если бы ты спросил грека времён Гомера, какие фантастические истории о богах и героях прошлого он рассказывает своим детям, он не понял бы, что ты имеешь в виду. Он ответил бы, как ты: «Насколько я знаю, ничего подобного в нашей культуре нет». Древний скандинав сказал бы тебе то же самое.

— Хорошо, но как это связано с нашей темой?

— Ладно, тогда сведём задачу к простейшей схеме. У вашей сказки, как у любой истории, есть начало, середина и конец. И каждая её часть сама по себе представляет собой историю. Прежде чем мы снова встретимся завтра, попробуй выяснить, с чего начинается ваша сказка.

— С чего она начинается?

— Да. Мыслить следует антропологически.

Я рассмеялся.

— Что это значит?

— Если бы ты был антропологом и хотел записать сказку, которую инсценируют алавы (есть такой коренной австралийский народ), ты ожидал бы услышать от них историю с определённой структурой — началом, серединой и концом.

— Да.

— И о чём должно было бы говориться в начале?

— Понятия не имею.

— Ещё как имеешь. Перестань притворяться глупым.

Я немного подумал о том, как перестать притворяться глупым, затем сказал:

— Хорошо, пожалуй, я ожидал бы услышать их миф о сотворении мира.

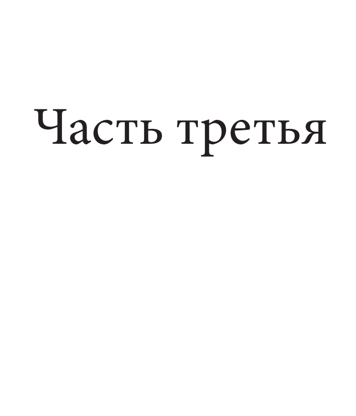
— Конечно!

— Но я всё равно не вижу, как это связано с *нашей* сказкой.

— Ты сам только что сказал: в начале должен быть миф о сотворении мира. Тебе осталось найти такой в вашей культуре.

Я готов был испепелить его взглядом.

— У нас *нет* мифа о сотворении мира! Уверяю вас.

Часть третья

1

— Что это? — спросил я на следующее утро, имея в виду предмет, лежавший на подлокотнике кресла.

— А на что это похоже?

— На диктофон.

— Это он и есть.

— Я хотел спросить, зачем он.

— Чтобы записать для потомков увлекательные предания обречённой культуры, которые ты собираешься мне рассказать.

Я рассмеялся и сел.

— Боюсь, что я пока не нашёл увлекательных преданий, которые мог бы вам рассказать.

— Значит ли это, что твои поиски мифа о сотворении мира оказались безрезультатными?

— У нас нет мифа о сотворении мира, — сказал я во второй раз. — Если, конечно, вы не имеете в виду изложенный в Книге Бытия.

— Не говори ерунду. Если бы в восьмом классе учитель спросил тебя, как возникла Вселенная, ты ведь не стал бы цитировать ему первую главу Бытия?

— Конечно, нет.

— А что бы ты рассказал?

— Я изложил бы научную теорию. Но она же не миф!

— Естественно, она для тебя не миф. Ни одна теория сотворения мира не является мифом для тех, кто её рассказывает. Для них она просто *история*.

— Хорошо, но история, которую я имею в виду, определённо не является мифом. Некоторые её части, я полагаю, ещё нуждаются в доказательствах, и дальнейшие исследования ещё наверняка внесут в неё коррективы, но и без них она точно не миф.

— Включи диктофон и начинай, а там видно будет.

Я укоризненно взглянул на него.

— Вы в самом деле хотите, чтобы я…

— Рассказал мне историю, да.

— Я не могу так с ходу… Мне нужно время, чтобы собраться с мыслями.

— Времени у нас масса. Кассета вмещает девяносто минут.

Я вздохнул, включил диктофон и закрыл глаза.

2

— Началось всё давным-давно, десять или пятнадцать миллиардов лет назад, — несколько минут спустя начал я. — Я не знаю, какая теория сейчас главенствует — стационарной Вселенной или Большого взрыва, — но в обоих случаях Вселенная возникла очень давно.

Тут я открыл глаза и с любопытством взглянул на Измаила. Он ответил таким же взглядом и спросил:

— И что, это вся история?

— Нет, просто я хотел убедиться, что у вас пока нет возражений.

Снова закрыв глаза, я продолжил:

— Затем — кажется, шесть или семь миллиардов лет назад, — родилась наша Солнечная система. У меня в памяти сохранилась картинка из детской энциклопедии — шарики то ли разлетаются в стороны, то ли сближаются. Это планеты. В течение следующих двух миллиардов лет они охлаждались и застывали. Что было дальше? Примерно пять

миллиардов лет назад в бульоне химических элементов наших океанов возникла жизнь. Верно?

— Три с половиной — четыре миллиарда лет назад.

— Хорошо. Бактерии и микроорганизмы развивались, образуя более сложные формы, а те в свою очередь ещё более сложные. Жизнь постепенно распространилась на сушу. Не знаю, как именно — со слизью, выброшенной волнами на берег, или в виде земноводных. Земноводные мигрировали вглубь суши и стали пресмыкающимися. От пресмыкающихся произошли млекопитающие. Когда это было? Миллиард лет назад?

— Всего лишь четверть миллиарда лет назад.

— Хорошо. Как бы то ни было, млекопитающие… Маленькие обитали в норках, покрупнее — в логовах, совсем крупные — на деревьях. От тех, кто жил на деревьях, произошли приматы. Затем, десять-пятнадцать миллионов лет назад, один вид приматов спустился с деревьев на землю и…

Я почувствовал, что совсем выдохся.

— Это не экзамен, — сказал Измаил. — Грубый набросок вполне годится для наших целей. Примерно так представляют себе начало истории все люди вашей культуры — водитель автобуса, фермер, сенатор.

— Хорошо, — сказал я и снова закрыл глаза. — Одно следовало за другим, одни виды сменялись другими, и, наконец, появился человек. Когда это было? Три миллиона лет назад?

— Вполне аккуратная оценка.

— Тем лучше.

— И это всё?

— Это общий обзор.

— История возникновения мира, как её представляют в вашей культуре.

— Да. Но лишь настолько, насколько позволяет современный уровень знаний.

Измаил кивнул и попросил меня выключить диктофон.

Откинувшись на спинку своего кресла, он глубоко вздохнул, и его вздох донёсся до меня сквозь стекло как отдалённый рокот вулкана. Сложив руки на животе и бросив на меня долгий загадочный взгляд, он сказал:

— И ты, умный и относительно хорошо образованный человек, хочешь убедить меня, что это не миф.

— Что же в этом мифического?

— Я не говорю, что в твоей истории есть что-то мифическое. Я говорю, что вся она — миф.

У меня вырвался нервный смешок.

— Может быть, мы с вами понимаем под мифом разные вещи?

— Вряд ли. Я употребляю это слово в общепринятом смысле.

— Тогда история, которую я рассказал, не миф.

— Конечно, миф. Вслушайся в неё.

Он попросил меня перемотать плёнку и воспроизвести всё с самого начала.

Прослушав запись, я на пару минут сделал вид, что задумался. Потом сказал:

— Это не миф. Мой рассказ можно включить в учебник для восьмого класса, и едва ли у школьного совета будут к нему претензии, разве что у апологетов библейской версии.

— Согласен. Потому я ранее и сказал, что сказка пронизывает всю вашу культуру. Дети усваивают её из многих источников, в том числе из учебников.

— Тогда я не понимаю вас. Вы хотите сказать, что моя версия не основывается на фактах?

— Фактов в ней более чем достаточно, но аранжировка чисто мифологическая.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Ты явно отключил свой рассудок. Матушка Культура совсем убаюкала тебя.

Я взглянул на него сердито.

— Вы хотите сказать, что и эволюция — это миф?

— Нет.

— Вы отрицаете, что человек возник в процессе эволюции?

— Нет.

— Тогда в чём же дело?

Измаил улыбнулся, пожал плечами и выжидающе поднял брови. «Горилла дразнит меня!» — подумал я, но легче от этой мысли не стало.

— Прослушай ещё раз плёнку, — сказал он.

Когда запись кончилась, я сказал:

— Хорошо, я употребил неудачное слово: «появился». Я сказал, что, «наконец, *появился* человек». Проблема в этом?

— Совсем нет. Слова не вызывают никаких возражений. Из контекста ясно, что под «появился» подразумевается «возник в результате эволюции».

— Чёрт возьми, в чём же проблема?

— Боюсь, что ты просто не хочешь думать. Ты пересказал то, что слышал тысячу раз, и теперь слушаешь, как Матушка Культура нашёптывает тебе: «Успокойся, малыш, здесь не о чем думать, не о чем беспокоиться. Не волнуйся, не слушай это противное животное. Это не миф. Ничто из того, что я тебе говорю, не миф. Здесь не о чем думать, не о чем беспокоиться, просто слушай меня и спи, спи, спи…»

Некоторое время я молча покусывал губу, потом сказал:

— Нет, не понимаю.

— Хорошо, — сказал он. — Я расскажу тебе свою сказку, может быть, это поможет.

Он закрыл глаза и принялся грызть свою ветку.

3

— Это случилось полмиллиарда лет назад, — начал он, — настолько давно, что, если бы ты увидел нашу планету в то

время, ты не узнал бы её. Ничто не двигалось по земле, кроме пыли, гонимой ветром. Не слышалось ни шороха травы, ни стрёкота кузнечиков, ни щебета птиц в небе. До всего этого были ещё десятки миллионов лет. Даже в море царили странные тишина и покой, потому что до появления позвоночных тоже оставались десятки миллионов лет.

Но, конечно, там был антрополог. Что это за мир без антрополога? Тот антрополог, правда, был постоянно мрачен и раздражён, поскольку он обошёл уже всю планету в поисках кого-нибудь, с кем можно было бы побеседовать, а диктофонные плёнки в его рюкзаке всё оставались такими же чистыми, как небо над головой. Но вот однажды, когда он тоскливо брёл по берегу океана, на мелководье его взгляд привлекло нечто похожее на живое существо. Ничего особенного оно из себя не представляло, просто комок слизи, но до сих пор и такое ему не встречалось, так что он, не теряя времени, зашлёпал по воде туда, где покачивалось на волнах это существо.

Антрополог вежливо поздоровался с ним, получил столь же вежливый ответ, и они быстро прониклись взаимной симпатией. Антрополог как мог объяснил, что изучает образы жизни и обычаи, и попросил своего нового друга поделиться с ним информацией на сей счёт, что тот и сделал с любезной готовностью.

— А теперь, — сказал антрополог, — я хотел бы записать на плёнку какие-нибудь истории из тех, что вы рассказываете друг другу.

— Истории? — переспросило существо.

— Да. Скажем, миф о сотворении мира, если у вас такой есть.

— Что такое миф о сотворении мира? — спросило существо.

— Ну, это такая фантастическя история, — сказал антрополог, — которую вы рассказываете детям, когда они спрашивают, как возник мир.

Услышав это, существо гордо выпрямилось (насколько мог выпрямиться комок слизи) и заявило, что у его народа нет никаких фантастических историй.

— Значит, у вас нет истории о том, как возник мир?

— Такая история у нас, разумеется, есть, — с достоинством ответило существо. — Но это ни в коей мере *не миф*.

— Не миф, не миф, — примирительно сказал антрополог, вспомнив, наконец, чему его учили. — Буду страшно вам благодарен, если вы поделитесь со мной этой историей.

— Хорошо, — согласилось существо, — но имейте в виду: мы, как и вы, мыслим строго рационально и отвергаем всё, что не основано на наблюдениях, логике и научном методе.

— Конечно-конечно, — согласился антрополог.

Существо начало свой рассказ.

— Вселенная, — сказало оно, — родилась очень-очень давно, десять или пятнадцать миллиардов лет назад. Наша Солнечная система, включая эту планету, возникла приблизительно два или три миллиарда лет назад. Долгое время планета была безжизненной. Затем, примерно через миллиард лет, возникла жизнь.

— Извините, — перебил антрополог, — вы сказали, что возникла жизнь. Где она возникла, согласно вашему мифу… то есть, согласно вашим научным данным?

Существо явно опешило от такого вопроса, поскольку стало бледно-зелёным.

— Вы имеете в виду, в каком конкретно месте?

— Нет. Я имею в виду, это произошло в море или на суше?

— На суше? — удивилось существо. — Что такое суша?

Антрополог указал рукой в сторону берега.

— Суша — это обширное пространство земли, которое начинается вон за теми скалами.

Существо побледнело ещё сильнее.

— Вы говорите какие-то странные вещи. Скалы — это край чаши, в которой плещется море.

— Ну да, — сказал антрополог, почёсывая затылок. — Тогда всё понятно. Продолжайте, пожалуйста.

— Хорошо, — сказало существо. — Многие миллионы лет жизнь в мире существовала лишь в виде микроорганизмов, беспомощно плававших в бульоне химических элементов. Затем постепенно начали возникать более сложные формы — одноклеточные, ил, водоросли и тому подобное. В конце концов наступил момент, когда появились *медузы!*

Последнюю фразу существо сказало так гордо, что даже порозовело.

4

Пару минут я не находил слов, чтобы выразить своё разочарование, потом сказал:

— Это нечестно.

— Что именно?

— Вы рассказали историю, которая, вероятно, должна была что-то прояснить. Но что?

— Ты не понял?

— Нет.

— Что имела в виду медуза, когда сказала: «В конце концов наступил момент, когда появились медузы»?

— Она имела в виду… что всё предшествовавшее вело к этому. Что результатом всех десяти или пятнадцати миллиардов лет эволюции были медузы.

— Верно. А почему твоя история об эволюции жизни не закончилась на медузе?

Это было смешно.

— Потому что вслед за медузой появилась ещё масса всего.

— Правильно. На медузе эволюция не остановилась. Ещё должны были появиться позвоночные, амфибии, пресмыкающиеся, млекопитающие и, наконец, разумеется, человек.

— Да.

— Таким образом, твою историю эволюции можно закончить словами: «В конце концов появился человек».

— Да.

— И что это значит?

— Это значит, что дальше ожидать нечего, эволюция подошла к концу.

— Вот к чему всё шло.

— Да.

— В вашей культуре все знают: человек — венец творения, кульминация космической драмы, начавшейся с возникновения Вселенной.

— Да.

— Когда появился человек, процесс творения завершился, поскольку была достигнута его цель. Больше творить было нечего.

— Это подразумевается.

— Не только подразумевается. Религии вашей культуры говорят это в полный голос. Человек — конечный продукт творения. Всё остальное сотворено для него — эта планета, наша Солнечная система, наша Галактика, Вселенная.

— Да.

— Каждый школьник в вашей культуре знает, что мир не был сотворён ради медузы, лосося или гориллы. Он был сотворён ради человека.

— Верно.

Взгляд Измаила стал сардоническим.

— Это ли не мифология?

— Это факты.

— Не спорю. Факты остаются фактами, даже когда они вкраплены в мифы. Но как насчёт остального? Можно ли всерьёз полагать, что три миллиона лет назад, с появлением человека на этой маленькой планете, завершился весь космический эволюционный процесс?

— Нет.

— Завершился ли с появлением человека три миллиона лет назад эволюционный процесс даже в масштабах планеты? Дёрнула ли эволюция ручку стоп-крана, когда возник человек?

— Конечно, нет.

— Тогда почему это следует из того, что ты рассказал?

— Я рассказал так, как принято.

— Как принято рассказывать у Берущих. Но ту же историю безусловно можно рассказать и иначе.

— Вероятно, можно. Каким был бы ваш вариант?

Измаил кивнул в сторону окна.

— Видишь ли ты где-нибудь во Вселенной пусть даже самые незначительные свидетельства того, что с появлением человека эволюция остановилась? Видишь ли ты хоть какие-то доказательства того, что человек — это вершина творения, к которой Вселенная стремилась с самого своего зарождения?

— Нет. Не могу даже вообразить такие свидетельства.

— И это естественно. Если бы с возникновением нашей Солнечной системы пять миллиардов лет назад фундаментальные космические процессы остановились, астрофизики обнаружили бы вполне однозначные признаки этого.

— Да, понимаю.

— Биологи и палеонтологи сегодня располагали бы достоверными сведениями о том, что три миллиона лет назад возникновение новых биологических видов прекратилось.

— Да.

— Но, как ты знаешь, ничего подобного не произошло. Наоборот, эволюционные процессы на нашей планете и во Вселенной идут своим ходом. Появление человека вызвало не больше переполоха, чем появление медузы.

— Верно.

Измаил кивнул на диктофон.

— Как же нам теперь расценивать то, что ты рассказал? — спросил он.

Сжав зубы, я виновато улыбнулся.

— Это миф. Невероятно, но миф.

5

— Вчера я сказал тебе, что в пьесе, которую разыгрывают люди вашей культуры, говорится о том, для чего существует мир, о божественных планах в его отношении и о предназначении человека.

— Да.

— Если мы возьмём первую часть твоего рассказа, в чём там заключается смысл существования мира?

Я ненадолго задумался, затем покачал головой.

— Не помню, чтобы там это как-нибудь объяснялось.

— Примерно в середине рассказа ты резко перешёл от Вселенной в целом к одной только нашей планете. Почему?

— Потому что ей суждено было стать колыбелью человечества.

— Конечно. Из этого можно сделать вывод, что рождение человека — это важнейшее и по важности ни с чем не сопоставимое событие в истории космоса. С рождением человека вся остальная Вселенная отходит на второй план, перестаёт участвовать в разыгрываемой драме. В дальнейшем место действия ограничивается одной планетой — колыбелью и обителью человека. В этом весь смысл того, что вы называете миром. Для Берущих мир — это своего рода система жизнеобеспечения человека, предприятие по производству людей и всего, что им нужно для жизни.

— Примерно так.

— В своём рассказе ты, естественно, избегал упоминания о богах, следя за тем, чтобы твоя история не походила на миф. Теперь, когда её мифологический характер установлен, этого можно не опасаться. Предположим, что мир — это

божественное творение. В чём, на твой взгляд, состояли намерения богов?

— Я бы сказал, что с самого начала их заветной целью был человек. Они сотворили Вселенную, чтобы поместить в неё нашу Галактику. Они сотворили Галактику, чтобы поместить в неё нашу Солнечную систему. Они сотворили нашу Солнечную систему, чтобы поместить в неё нашу планету. И они сотворили нашу планету оптимальной для человека. Всё в целом имело одну цель: чтобы человеку было где жить.

— Так это и понимается в вашей культуре, во всяком случае теми, кто рассматривает Вселенную как божественное творение.

— Да.

— А поскольку вся Вселенная была создана для того, чтобы мог появиться человек, он, со всей очевидностью, был для богов чрезвычайно важным созданием. Но пока мы не видим ни малейших намёков на их намерения в его отношении. В их замыслах ему было уготовано какое-то особенное предназначение, но пока мы о нём не знаем.

— Верно.

6

— У каждой пьесы есть пролог, и каждая пьеса представляет собой *развитие* пролога. Как писатель, ты это знаешь.

— Да.

— И ты, конечно, помнишь эти строки: «Из чресл враждебных, под звездой злосчастной, любовников чета произошла».

— Конечно, «Ромео и Джульетта».

— У пьесы, которую разыгрывают в мире Берущие, тоже есть пролог. Он фигурирует в той истории, которую ты рассказал мне сегодня. Попробуй найти его там.

Я закрыл глаза и притворился, будто усиленно размышляю, хотя заранее знал, что ничего такого не помню.

— Боюсь, что не припоминаю ничего подходящего.

— У пьесы, которую разыгрывают Оставляющие, пролог совершенно другой, так что на данном этапе ты и не сможешь его сформулировать. Однако пролог пьесы, в которой ты сам участвуешь, ты сформулировать можешь. Это предельно простая фраза, но она оказала решающее влияние на всю историю человечества. Не обязательно благотворное, но несомненно решающее. Вся ваша история, со всеми её грандиозными достижениями и катастрофами, — развитие этого пролога.

— Честно говоря, я даже не представляю, что бы это могло быть.

— Подумай. Мир не был сотворён ради медуз, так?

— Не был.

— Ни ради лягушек, ни ради ящериц, ни ради кроликов.

— Нет.

— Конечно. Он был сотворён ради человека и для человека.

— Да.

— В вашей культуре это известно всем. Даже атеисты, которые клянутся, что Бога нет, уверены, что мир был сотворён для человека.

— Да.

— Прекрасно. Это и есть пролог вашей пьесы: «*Мир был сотворён для человека*».

— Я что-то не вполне понимаю. Почему это можно считать прологом?

— Люди вашей культуры *сделали* это прологом, *выбрали* это прологом. Они сказали: «А что, если мир был создан для нас?»

— Хорошо. И что из этого?

— Подумай. Какие последствия у выбора этого как пролога? Если мир был создан для вас, *то что?*

— Кажется, понимаю. Если мир был создан для нас, значит, он *принадлежит* нам, и мы можем делать с ним всё, что нам заблагорассудится.

— Именно! Вот это и происходит здесь на протяжении последних десяти тысяч лет: вы делаете с миром всё, что вам заблагорассудится. И почему бы вам и дальше не делать с ним всё, что вам заблагорассудится, если весь мир принадлежит вам одним?

— Да, — сказал я и ненадолго задумался. — Должен признать, что это поражает воображение. Я имею в виду, что мы ведь слышим это по пятьдесят раз в день. Мы говорим о *нашей* окружающей среде, о *наших* морях, о *нашей* Солнечной системе. Некоторые умудряются говорить даже о *нашей дикой природе.*

— А ты ещё вчера утверждал, что ваша культура не имеет ничего даже отдалённо схожего с мифологией.

— Утверждал.

Измаил продолжал укоризненно смотреть на меня.

— Я ошибался. Чего ещё вы от меня ждёте?

— Изумления.

Я кивнул.

— Я изумлён. Просто я этого не показываю.

— Мне нужно было заняться тобой, когда тебе было семнадцать лет.

Я пожал плечами, имея в виду, что не возражал бы.

7

— Вчера я сказал тебе, что твоя история, в частности, объясняет, *как случилось, что всё сложилось именно так.*

— Да.

— Что добавляет к этому объяснению пролог, о котором мы только что говорили?

— Что он добавляет к объяснению того, *как случилось, что всё сложилось именно так?*

— Да.

— Вроде ничего не добавляет.

— Подумай. Сложилось бы всё именно так, если бы мир был создан ради медузы?

— Конечно, нет.

— Вот именно. Будь мир создан ради медузы, всё сложилось бы совсем по-другому.

— Это верно, но мир и не был создан ради медузы, он был создан ради человека.

— И это хотя бы отчасти объясняет, *как случилось, что всё сложилось именно так.*

— Да. Такой вот бесхитростный способ свалить всю ответственность на богов: мол, сотвори они мир для медузы, ничто не сложилось бы так, как сложилось.

— Именно, — сказал Измаил. — Ты начинаешь улавливать суть.

8

— Представляешь ли ты теперь, где искать остальные части этой истории — середину и конец?

Немного поразмыслив, я сказал:

— Думаю, я посмотрел бы телесериал «Нова».

— Почему?

— Если бы авторы этого документального научно-популярного сериала взялись за тему сотворения мира, первая часть их сценария вряд ли отличалась бы от того, что рассказал я. Остаётся представить, как они рассказали бы остальное.

— Вот это и будет тебе заданием. Завтра я жду от тебя середину истории.

Часть четвёртая

1

— Ну вот, — сказал я. — Думаю, у меня готовы и середина, и конец истории.

Измаил кивнул, и я включил диктофон.

— Я начал с пролога: «Мир был создан для человека». Потом спросил себя, как бы я раскрыл эту тему, если бы писал сценарий для «Новы». И вот что у меня получилось. Мир был создан для человека, но человек понял это отнюдь не сразу. Почти три миллиона лет он жил так, будто мир был создан для медуз. Иными словами, он жил так же, как все прочие живые существа, как лев или вомбат.

— Что значит для тебя жить как лев или вомбат?

— Это значит… жить по обстоятельствам, не имея никакой власти над окружающей средой.

— Понимаю. Продолжай.

— Живя так, человек не мог стать человеком в полном смысле слова. Он не мог выработать по-настоящему человеческий, присущий ему одному образ жизни. Так что на раннем этапе своего существования — в действительности на протяжении большей части своей истории — человек просто плыл по течению, ничего не делая и ни к чему не стремясь.

В этом месте я натолкнулся на препятствие, которое поначалу мне никак не удавалось преодолеть, поскольку я не находил ответа на вопрос: почему человек так жил в течение столь длительного времени? Жить как лев или вомбат значит топтаться на месте, потому что у льва и вомбата нет по-

требности в… Короче, чтобы чего-то достичь, человеку было необходимо осесть в одном месте и, как говорится, взяться там за работу. Я имею в виду, что как у охотника-собирателя, постоянно перебирающегося с места на место в поисках пищи, у него не было никакой возможности подняться выше определённого уровня жизни. Чтобы подняться выше, он должен быть перейти на осёдлый образ жизни, создать постоянную базу, откуда можно было бы приступить к освоению окружающей среды.

Что же мешало человеку так поступить? А мешало ему то, что, сидя на одном месте дольше нескольких недель, он умер бы с голоду. Живя охотой и собирательством, он быстро опустошил бы окрестности, и больше нечего было бы собирать и не на кого охотиться. Путь к осёдлому образу жизни лежал через решение одной фундаментальной задачи: человек должен был сделать так, чтобы пищевые ресурсы в непосредственной близости не истощались, чтобы окружающая среда давала ему больше еды. Иными словами, он должен был заняться сельским хозяйством.

Это был поворотный момент. Мир был создан для человека, но человек не мог вступить во владение им, пока не решил продовольственную проблему. И в конце концов он решил её примерно десять тысяч лет назад в Плодородном полумесяце.

Это было событие огромной важности — на тот момент крупнейшее за всю человеческую историю. Человек наконец-то освободился от всех тех ограничений, которые на протяжении трёх миллионов лет навязывал ему образ жизни охотника-собирателя. Сельское хозяйство уничтожило эти ограничения, и жизнь человека улучшилась до неузнаваемости. Осёдлый образ жизни сделал возможным разделение труда. Разделение труда положило начало техническому прогрессу. Технический прогресс стимулировал развитие торговли и предпринимательства. С техникой и коммерцией

пришли письменность, математика и другие науки. Человечество наконец-то сдвинулось с мёртвой точки. Остальное, как говорится, история.

Такова середина моего рассказа.

2

— Очень впечатляюще, — сказал Измаил. — Думаю, ты понимаешь, что событие, которое ты назвал «крупнейшим в истории», на самом деле ознаменовало собой рождение вашей культуры.

— Да.

— Следует, однако, заметить, что представление, будто сельское хозяйство возникло в одном-единственном месте и оттуда распространилось по всему свету, безнадёжно устарело. Но это не мешает Плодородному полумесяцу оставаться *легендарной* колыбелью сельского хозяйства по крайней мере для людей Запада. Это достаточно важный факт, и мы ещё вернёмся к нему.

— Хорошо.

— Вчерашняя часть твоего рассказа раскрыла предназначение мира, как его понимают Берущие: мир — это система жизнеобеспечения человека, предприятие по производству людей и всего, что им нужно для жизни.

— Да.

— Сегодняшняя часть, насколько я могу судить, посвящена предназначению человека. Очевидно, что человеку не подобает жить как лев или вомбат.

— Не подобает.

— Так в чём же тогда предназначение человека?

— Ну, — неуверенно начал я, — как бы это сказать… Предназначение человека — решать сверхзадачи, вершить великие дела.

— В среде Берущих бытует и куда более определённая формулировка предназначения человека, чем эта.

— Можно ещё сказать, что его предназначение — строить цивилизацию.

— Попробуй мыслить мифологически.

— Боюсь, что я забыл, как это делается.

— Я покажу. Слушай.

Я начал слушать.

3

— Как мы сказали вчера, сотворение мира не завершилось с появлением медузы, земноводных, пресмыкающихся и даже млекопитающих. Согласно вашей мифологии, оно завершилось лишь с появлением человека.

— Да.

— Почему мир и Вселенная воспринимались неполными без человека? Почему мир и Вселенная *нуждались* в человеке?

— Не знаю.

— Подумай. Подумай о мире без человека. *Вообрази* мир без человека.

— Хорошо, — сказал я и закрыл глаза.

Через пару минут я сказал, что вообразил себе мир без человека.

— На что он похож?

— Трудно сказать. Мир как мир.

— Где ты находишься?

— В каком смысле?

— Откуда ты смотришь на него?

— Сверху, из космоса.

— Что ты там делаешь?

— Не знаю.

— Почему ты не внизу, не на земле?

— Не знаю. Без человека там… Я просто пришелец, инопланетянин.

— Тогда спустись на землю.

— Хорошо, — согласился я, но через минуту сказал: — Странно… Пожалуй, я предпочёл бы туда не спускаться.

— Почему? Что там такое?

Я рассмеялся.

— Там *джунгли*.

— Понятно. Ты хочешь сказать, что там, как писал Альфред Теннисон, «с клыков природы каплет кровь… В болотах ящеры друг друга рвут на части».

— Вот-вот.

— И что случится, если ты всё-таки спустишься?

— Я стану одним из тех, кого ящеры в болотах рвут на части.

Я открыл глаза как раз вовремя, чтобы заметить, как Измаил кивнул.

— Вот теперь мы и начинаем понимать, какое место человек занимает в божественных предначертаниях. Боги не собирались оставить мир джунглями, верно?

— Согласно нашей мифологии? Определённо нет.

— Итак, без человека мир оставался незавершённым, был всего лишь дикой природой, с клыков которой каплет кровь, пребывал в состоянии хаоса и первобытной анархии.

— Да.

— В чём нуждался мир?

— Мир нуждался в ком-то, кто… навёл бы порядок.

— А как называется тот, кто наводит порядок? Кто прибирает хаос к рукам и приводит его в порядок?

— Царь, правитель.

— Конечно. Мир нуждался в правителе. Человек и нужен был ему в этом качестве.

— Да.

— И мы теперь можем более чётко сформулировать клю-

чевую идею нашей истории: *«Мир был создан для человека, а человек — для того, чтобы править им»*.

— Да. Сегодня это для всех очевидно.

— И что это?

— В каком смысле?

— Это факт?

— Нет.

— Тогда что?

— Мифология, — сказал я.

— Никаких следов которой в вашей культуре нет.

— Точно.

Взгляд Измаила сделался хмурым.

— Послушайте, — сказал я, — то, что вы объясняете мне, что показываете… это за гранью невероятного. Я понимаю это. Но поймите и вы: я не из тех, кто, услышав такие вещи, подпрыгнет, хлопнет себя ладонью по лбу и воскликнет: «Господи, это невероятно!»

Измаил озабоченно наморщил лоб и спросил:

— Что же с тобой *не так?*

Его беспокойство было столь искренним, что я улыбнулся.

— Я внутри ледяной, — сказал я. — Айсберг.

Измаил сочувственно покачал головой.

4

— Вернёмся к нашей теме… Как ты сказал, прошло очень много времени, прежде чем человек понял, что не сможет выполнить своё великое предназначение, если будет продолжать жить как лев или вомбат. Около трёх миллионов лет он был частицей общего хаоса, одним из множества существ, барахтавшихся в болотной жиже.

— Да.

— Лишь около десяти тысяч лет назад он, наконец, понял,

что его место не в общем болоте, что он должен выкарабкаться оттуда, засучить рукава и навести в мире порядок.

— Верно.

— Но мир не хотел признавать человека своим правителем, не так ли?

— Не хотел.

— Мир сопротивлялся. Дожди и ветры разрушали то, что человек строил. Джунгли настойчиво возвращали себе земли, расчищенные человеком под пашни и поселения. Птицы склёвывали посеянные им семена. Насекомые уничтожали побеги посаженных им растений. Мыши поедали собранный им урожай. Волки и лисы убивали животных, которых он разводил. Горы, реки и океаны повсюду вставали у него на пути и не думали отступать. Землетрясения, наводнения, ураганы, заморозки и засухи не подчинялись ему.

— Да.

— А если мир не хотел добровольно признать человека своим правителем, то что человек должен был сделать с ним?

— В каком смысле?

— Если какой-то город не подчиняется власти царя, как царь с таким городом поступает?

— Он покоряет его.

— Конечно. Чтобы стать властелином мира, человек должен был сперва покорить его.

— Господи! — воскликнул я, подпрыгнув в кресле и хлопнув себя ладонью по лбу.

— Что такое?

— Я слышу это по пятьдесят раз в день! Включаю радио или телевизор, а там без конца повторяют: человек *покоряет* пустыни, человек *покоряет* океаны, человек *покоряет* атом, человек *покоряет* стихию, человек *покоряет* космос.

Измаил улыбнулся.

— Ты не поверил мне, когда я сказал, что эта сказка пронизывает всю вашу культуру. Теперь ты понимаешь, что я

имел в виду. Мифология вашей культуры настолько навязла у вас в ушах, что вы уже совершенно не обращаете на неё внимания. Конечно, человек покоряет и космос, и атом, и пустыни, и океаны, и стихию. Согласно вашей мифологии, он и *рождён* для этого.

— Да, теперь понимаю.

5

— Две первые части твоей истории теперь слились воедино: «*Мир был создан для человека, а человек — для того, чтобы покорить его и править им*». А как вторая часть дополняет твоё объяснение того, *как случилось, что всё сложилось именно так?*

— Дайте подумать… Опять придётся всё валить на богов. Они сотворили мир для человека, а человека они сотворили для того, чтобы он покорил мир и правил им. Этим человек и занялся. Так и случилось, что всё сложилось именно так.

— Всё верно, но попробуй копнуть поглубже.

Я закрыл глаза и задумался на пару минут, но больше ничего не придумал.

Измаил кивнул в сторону окон.

— Всё, что мы видим там, — ваши триумфы и трагедии, ваши роскошь и нищета — всё это прямые результаты чего?

Я повертел в уме этот вопрос, но так и не понял, что Измаил имеет в виду.

— Попробуй подойти к этому с другой стороны, — сказал он. — Если бы по замыслу богов человек был не важнее льва или вомбата, всё сложилось бы так же или иначе?

— Иначе.

— Предназначением человека было покорить мир и править им. Значит, всё сложилось именно так в результате чего?

— В результате выполнения человеком его предназначения.

— Конечно. И в выполнении этого предназначения заключался весь смысл его существования, не так ли?

— Абсолютно.

— Тогда чему же здесь удивляться?

— Нечему.

— С точки зрения Берущих, всё это — плата за человеческий образ жизни.

— В каком смысле?

— Живя вместе с ящерами в болоте, мог ли человек в полной мере стать человеком?

— Нет.

— Чтобы в полной мере стать человеком, он должен был выбраться из болота. И вот результат. В представлении Берущих, боги предоставили человеку такой же выбор, как Ахиллу: прожить долгую, но бесславную жизнь, или короткую, зато в лучах славы. И Берущие выбрали короткую жизнь в лучах славы.

— Да, так считается. Люди пожимают плечами и говорят: «Что ж, это цена, которую приходится платить за водопровод, центральное отопление, кондиционированный воздух, автомобили и все остальные удобства», — сказал я и с улыбкой добавил: — А что сказали бы *вы?*

— Я сказал бы, что эту цену вы платите не за человеческий образ жизни. И даже не за удобства, которые ты только что перечислил. Это расплата за участие в пьесе, где человечество выступает в роли врага всего мира.

Часть пятая

1

— Теперь у нас есть начало и середина истории, соединённые вместе, — сказал Измаил, когда я пришёл к нему на следующий день. — Человек наконец-то приступил к выполнению своего предназначения. Завоевание мира идёт полным ходом. Но как заканчивается эта история?

— Зря я вчера не рассказал всё сразу. Не помню, на чём я остановился.

— Ты можешь прослушать запись.

— Отличная мысль.

Я перемотал плёнку и включил диктофон.

«Человек наконец-то освободился от всех тех ограничений, которые на протяжении трёх миллионов лет навязывал ему образ жизни охотника-собирателя. Сельское хозяйство уничтожило эти ограничения, и жизнь человека улучшилась до неузнаваемости. Осёдлый образ жизни сделал возможным разделение труда. Разделение труда положило начало техническому прогрессу. Технический прогресс стимулировал развитие торговли и предпринимательства. С техникой и коммерцией пришли письменность, математика и другие науки. Человечество наконец-то сдвинулось с мёртвой точки. Остальное, как говорится, история».

— Хорошо, — сказал я. — Предназначением человека было покорить мир и править им, и он это предназначение почти выполнил. Но вот это «почти», похоже, и может привести его к гибели. Проблема в том, что, завоёвывая мир, человек разрушает его. И, несмотря на всё достигнутое нами могущество,

мы оказались не в силах *перестать* разрушать мир или хотя бы частично возмещать наносимый нами ущерб. Мы уже выбросили и *продолжаем* выбрасывать в окружающую среду такое количество токсичных веществ, будто она бездонный колодец. Мы потребляли и *продолжаем* потреблять невозобновляемые природные ресурсы так, будто они неисчерпаемы. Трудно сказать, переживёт ли мир ещё одно столетие таких злоупотреблений, но никто до сих пор не принимает на этот счёт сколько-нибудь эффективных мер. Эту проблему придётся решать нашим детям и детям наших детей.

Спасти нас может только одно. Мы должны *полнее* овладеть миром. Весь причинённый вред был результатом нашего завоевания мира, но мы должны *продолжать* его завоёвывать, пока наша власть над ним не станет *абсолютной*. Жизнь наладится лишь тогда, когда мы достигнем *полного* контроля над миром. Мы овладеем термоядерным синтезом, и больше не будет вредных выбросов. Мы научимся включать и выключать дождь. Один квадратный дециметр почвы будет давать нам тридцать килограммов пшеницы. Мы превратим океаны в фермы. Мы сможем управлять погодой — и никаких больше ураганов, никаких торнадо, никаких засух и неожиданных заморозков. Мы заставим дождевые тучи увлажнять сушу, а не бессмысленно проливаться над океаном. Мы будем управлять всеми жизненными процессами на земле — как и было назначено нам богами. Мы будем управлять миром так, как оператор управляет прокатным станом.

Так обстоят дела на сегодня. Мы должны продолжать завоевание мира. Тем самым мы либо окончательно уничтожим его, либо превратим в тот рай, ради которого человеку и дана была власть над миром.

Если нам это удастся, если мы, наконец, сумеем стать абсолютными властелинами мира, тогда больше не будет предела нашим возможностям. Тогда начнётся Звёздная эра. Человек освоит космос, покорит всю Вселенную и станет её власте-

лином. В этом, быть может, и состоит его конечное предназначение — покорить всю Вселенную и править ею. В этом и проявится истинное величие человека.

2

Измаил взял ветку из своей груды и, к моему изумлению, одобрительно помахал мне ею.

— Твой рассказ опять был великолепен, — сказал он, ловко обгрызая листья с ветки. — Но ты, конечно, понимаешь, что лет сто назад, или даже пятьдесят, будущее в твоём рассказе выглядело бы исключительно раем. Тебе бы и в голову не пришло, что покорение человеком мира может нести с собой не только добро. Ещё три-четыре десятилетия назад люди вашей культуры были совершенно уверены, что в будущем дела в мире будут идти всё лучше и лучше и что так будет продолжаться всегда. Конец этого был невообразим.

— Верно.

— В своём рассказе ты, правда, упустил одну деталь, а она играет важную роль в вашей версии объяснения того, *как случилось, что всё сложилось именно так*.

— Что это за деталь?

— Думаю, ты можешь и сам догадаться. Пока мы имеем следующее: «*Мир был создан для того, чтобы человек покорил его и правил им и чтобы под властью человека он превратился в рай*». За этим обязательно должно следовать «но». Это «но» *всегда* подразумевалось. Потому что Берущие всегда понимали, что их мир очень далёк от того рая, каким он должен бы быть.

— Верно. Дайте подумать… Как насчёт этого: «Мир был создан для того, чтобы человек покорил его и правил им, но покорение оказалось более разрушительным, чем ожидалось».

— Ты невнимательно слушаешь. «Но» было частью истории задолго до того, как ваше завоевание мира обернулось глобальными разрушениями. Этим «но» объясняли все недостатки вашего рая — войны, преступность, нищету, несправедливость, коррупцию, тиранию. Сегодня им объясняют голод, бесправие, распространение ядерного оружия, загрязнение окружающей среды. Им объясняли Вторую мировую войну, и, если придётся, им же объяснят третью.

Я по-прежнему не понимал, что он имеет в виду.

— Это общеизвестно. Любой третьеклассник знает, что это такое.

— Верю, но я пока не знаю.

— Подумай. Что у вас пошло не так? Что у вас *всегда* шло не так? Под властью человека мир должен был превратиться в рай, но…

— Но люди всё испортили.

— Конечно. Но *почему* они всё испортили?

— Почему?

— Они всё испортили потому, что *не хотели* никакого рая?

— Нет, не поэтому. Похоже… они были *обречены* всё испортить. Они хотели превратить мир в рай, но, будучи людьми, были обречены всё испортить.

— Но почему? Почему, будучи людьми, они были обречены всё испортить?

— Потому что в людях заложен какой-то фундаментальный *изъян*. Нечто совершенно несовместимое с раем. Нечто такое, что делает людей агрессивными, алчными, жестокими, безрассудными.

— Конечно. Все в вашей культуре знают об этом. Человек был рождён, чтобы превратить мир в рай, но, к сожалению, у него был врождённый изъян. И этот изъян, делающий людей агрессивными, алчными, жестокими, безрассудными, сводил и сводит на нет все их попытки построить рай.

— Верно.

3

Внезапно у меня возникло подозрение, что Измаил заманил меня в ловушку. Недоверчиво взглянув на него, я спросил:

— Вы хотите сказать, что это *ложное* объяснение?

Измаил покачал головой.

— Бессмысленно оспаривать мифологию. Долгое время люди вашей культуры верили, будто живут в центре Вселенной. Раз Вселенная была создана ради человека, поселить его в центре казалось вполне логичным. Последователи Коперника не спорили с этим. Они не говорили людям: «Вы неправы». Они указали на небо и сказали: «Вот, смотрите, как всё устроено».

— Не вполне понимаю, к чему вы это.

— С чего Берущие взяли, что в людях заложен какой-то фундаментальный изъян? Какие доказательства у них были?

— Не знаю.

— Мне кажется, ты специально притворяешься недогадливым. В качестве доказательства они ссылались на саму историю человечества.

— Да.

— А когда началась история человечества?

— Три миллиона лет назад.

Измаил посмотрел на меня с упрёком.

— Ты же знаешь, что эти три миллиона лет добавили лишь недавно. А до тех пор считалось, что человечеству сколько лет?

— Несколько тысяч лет.

— Конечно. Более того, в вашей культуре принято было считать, что *ваша* история и есть вся история человечества. Никому и в голову не приходило, что люди появились на этой планете задолго до начала вашего владычества.

— Верно.

— Так на что ссылались люди вашей культуры, утверждая, что в человеке заложен какой-то фундаментальный изъян?

— Они ссылались на свою собственную историю.

— Именно. Они опирались на полпроцента настоящей истории, на историю одной-единственной культуры. Такую выборку нельзя назвать репрезентативной, особенно для столь категоричного вывода.

— Нельзя.

— Никакого фундаментального изъяна в людях нет. Если бы им дали для постановки пьесу, где люди живут в гармонии с миром, они и жили бы в гармонии с миром. Но им дали пьесу, где люди живут не в ладах с миром, и они — то есть вы — стали жить не в ладах с миром. Им дали пьесу, где люди являются владыками мира, и они стали *действовать* как владыки мира. Им дали пьесу, где мир представлен врагом, которого нужно уничтожить, и они уничтожают его как врага. И неизбежно наступит день, когда этот враг, истекая кровью, рухнет замертво у их ног, как он почти уже рухнул.

4

— Несколько дней назад, — сказал Измаил, — я сравнил наши поиски объяснения того, *как случилось, что всё сложилось именно так,* с составлением мозаики. До сих пор перед нами был лишь её набросок, контур. Мы не станем сейчас заполнять его фрагментами. С этим ты легко справишься сам, когда мы закончим.

— Хорошо.

— Но один важный элемент нуждается в более тщательной прорисовке, прежде чем мы двинемся дальше… Одной из самых удивительных особенностей культуры Берущих является их неистовая и неискоренимая вера в пророков. Такие личности, как Моисей, Гаутама Будда, Конфуций, Иисус и Мухаммед, оказали на ход истории Берущих поистине грандиозное влияние. Тебе это, конечно, известно.

— Да.

— Но вот что удивительно: у Оставляющих ничего подобного нет и не было, если не считать отдельных инцидентов, вызванных катастрофическими по последствиям контактами с культурой Берущих, как было в случаях с пророком Вовокой и его религией «Пляски духа» в Неваде, движением Джона Фрума и карго-культом в Меланезии. За исключением этих случаев, у Оставляющих нет традиции поклонения каким-либо пророкам, желающим наставить людей на путь истинный и диктующим законы и правила, по которым людям следует жить.

— Я подозревал что-то в этом роде. Возможно, не я один. Видимо, это… Впрочем, не знаю.

— Продолжай.

— Мне кажется, многие думают так: какое нам дело до дикарей? Неудивительно, что у них нет пророков. Бог всерьёз заинтересовался человечеством лишь с приходом тех милых светлокожих неолитических земледельцев.

— Это ты верно заметил. Но нам сейчас важно не столько отсутствие пророков у Оставляющих, сколько их огромное влияние на Берущих. Миллионы людей готовы умереть за своих пророков. Почему пророки настолько важны для них?

— Хороший вопрос, но боюсь, что он мне не по плечу.

— Попробуй рассуждать так. Какая цель была у пророков? Что они хотели сделать?

— Вы сами сказали об этом минуту назад: они хотели наставить людей на путь истинный, научить, как следует жить.

— Жизненно важная информация. Стоит того, чтобы умереть за неё.

— Очевидно, да.

— Но почему? Почему вам нужно, чтобы *пророки* подсказывали вам, как следует жить? Почему вам вообще нужно, чтобы *кто-то* учил вас этому?

— Понимаю, что вы имеете в виду. Нам нужно, чтобы

пророки сказали нам, как следует жить, потому что сами мы этого не знаем.

— Конечно. У Берущих вопрос о том, как людям следует жить, всегда сводится к религиозным спорам между пророками. Например, когда в Америке начали обсуждать легализацию абортов, первое время это было чисто гражданским делом. Но когда у людей возникли сомнения, они обратились к своим пророкам, после чего началась религиозная перепалка, в которой каждая из сторон искала и находила поддержку у отцов своей церкви. Аналогичным образом сейчас обсуждается вопрос о легализации наркотиков, таких как героин и кокаин. Пока что он обсуждается на бытовом уровне. Но стоит обсуждению подняться на законодательный уровень, как люди с определённым складом ума непременно обратятся к священным писаниям в поисках того, что по этому поводу говорил тот или иной пророк.

— Так и есть. Это уже рефлекс, люди поступают так не задумываясь.

— Ты только что сказал: «Нам нужно, чтобы пророки сказали нам, как следует жить, потому что сами мы этого не знаем». Но почему? Почему без пророков вы не знаете, как вам следует жить?

— Хороший вопрос. Я бы сказал… Взять хотя бы пример с абортами. Мы можем спорить об этом тысячу лет, но никогда и ни один аргумент не окажется достаточно веским, чтобы положить конец спорам, потому что на каждый аргумент найдётся контраргумент. Поэтому мы и не знаем, как следует поступить. Поэтому нам и нужен пророк. Пророк — *знает*.

— Логичное объяснение, но в нём нет ответа на вопрос: почему *вы* не знаете?

— Я и сам был бы рад знать ответ.

— Вы научились расщеплять атом, посылать экспедиции на Луну, сращивать гены, но не знаете, как людям следует жить.

— Да.

— Как же так? А что на этот счёт говорит Матушка Культура?

Я закрыл глаза и, подумав пару минут, сказал:

— Матушка Культура говорит, что знания, нужные для расщепления атома, полётов в космос и сращивания генов, нам дают *точные* науки, но нет такой *точной* науки, которая занималась бы тем, как людям следует жить. Такое знание невозможно, поэтому у нас его нет.

— Понятно. Матушку Культуру мы выслушали, а что на этот счёт скажешь *ты?*

— На этот счёт я с ней соглашусь. Точного знания того, как людям следует жить, просто *не существует.*

— Иными словами, поскольку наука таким знанием не располагает, каждому придётся думать своей головой, и в результате получится то же, что в случае с легализацией наркотиков, — каждая сторона в конце концов останется при своём мнении, и, какое бы коллективное решение вы ни приняли, вы не будете уверены в его правильности.

— Абсолютно верно. О правильности решения даже не будет речи, поскольку выяснить это невозможно. Вопрос будет решаться простым голосованием.

— Похоже, ты в самом деле уверен, что нет и не может быть способа точно узнать, как людям следует жить.

— Совершенно уверен.

— Откуда у тебя такая уверенность?

— Не знаю. Точное знание того, как следует жить, невозможно получить таким же образом, каким мы получаем другие точные знания. Как я уже сказал, точного знания этого просто *не существует.*

— А *искал* ли его кто-нибудь?

Я усмехнулся и промолчал.

— Кто-нибудь из вас хоть раз задал себе вопрос: «Поскольку у нас есть точные знания о массе прочих вещей, не

поискать ли нам точное знание и о том, как следует жить?» Ставил ли кто-нибудь перед собой такую задачу?

— Не думаю.

— Тебе это не кажется странным? С учётом того, что для человечества нет и никогда не было проблемы важнее, чем эта, естественно было бы предположить существование целой научной отрасли, занимающейся поисками её решения. Но нет, вместо этого оказывается, что ни один из вас не сделал в этом направлении ни малейшего шага.

— Мы знаем, что этого знания не существует.

— Вы решили, что его поиски бесполезны, поэтому даже не пытаетесь искать?

— Да.

— Не очень-то научный подход для уважающих науку людей.

— Согласен.

5

— Теперь мы знаем о людях две очень важные вещи, — сказал Измаил. — Во всяком случае о Берущих, какими они изображают себя в своей мифологии. Во-первых, в людях заложен некий фундаментальный изъян, а во-вторых, они толком не знают (и никогда не узнают) как им следует жить. Причём две эти вещи, похоже, связаны между собой.

— Да. Если бы люди знали как жить, они сумели бы сделать так, чтобы заложенный в них изъян не портил им жизнь. Потому что знание того, как следует жить, непременно должно включать в себя и знание того, как следует жить людям с врождённым изъяном. В противном случае это знание было бы для них бесполезным. Вы меня понимаете?

— Думаю, да. Ты имеешь в виду, что, зная, как следует жить, вы могли бы контролировать присущие человеку по-

роки. Если бы вы знали, как следует жить, вы перестали бы вредить миру. Быть может, в действительности мы имеем здесь дело не с двумя проблемами, а с одной. Быть может, изъяном в человеке как раз и является его незнание того, как следует жить.

— Да, в этом что-то есть.

6

— Теперь мы располагаем всеми основными элементами объяснения вашей культурой того, *как случилось, что всё сложилось именно так*. Мир был дан человеку, чтобы он превратил его в рай, но из-за заложенного в человеке фундаментального изъяна все его попытки обречены на провал. Он смог бы добиться хоть какого-то успеха, если бы знал, как ему следует жить, но он этого не знает и никогда не узнает, потому что такого знания не существует. По этой причине, как бы усердно человек ни старался превратить мир в рай, его усилия, вероятно, так и останутся тщетными.

— Похоже на то.

— Это печальная повесть, повесть о бессилии и безнадёжности, о ситуации, в которой буквально *ничего не поделаешь*. Человек по своей природе порочен, поэтому своими упорными попытками превратить мир в рай лишь портит его и ничего не может с этим поделать. Вы не знаете, как жить так, чтобы не портить мир, и ничего не можете с этим поделать. Теперь вы на всех парах мчитесь к катастрофе, и всё, что вы можете, это беспомощно наблюдать за её приближением.

— Да.

— Не имея под рукой другого сценария, кроме катастрофического, неудивительно, что многие из вас одурманивают себя наркотиками, алкоголем, телевидением. Неудивительно, что многие сходят с ума или кончают с собой.

— Это правда. Но есть ли что-то другое?

— Другое что?

— Другая пьеса для постановки.

— Да, есть и другая пьеса, но Берущие отвергают её с тем же остервенением, с каким уничтожают всё остальное.

7

— Часто ли ты в своих путешествиях осматривал достопримечательности?

Я было решил, что ослышался.

— Достопримечательности?

— Отклонялся ли ты от намеченного маршрута лишь ради того, чтобы осмотреть местные памятники культуры или что-либо в этом роде?

— Бывали случаи.

— И ты наверняка обратил внимание, что посещают такие объекты одни лишь туристы. Местные жители те же самые достопримечательности, можно сказать, в упор не видят, причём не видят именно потому, что они всегда у них на виду.

— Верно.

— До сих пор в нашем путешествии мы вели себя как туристы. Мы бродили по твоей культурной родине и осматривали достопримечательности, на которые местные жители не обращают внимания. Пришелец с другой планеты нашёл бы их интересными, даже восхитительными, но люди вашей культуры не видят в них ничего особенного и даже не смотрят в их сторону.

— Да. Вам пришлось бы руками повернуть мою голову и сказать: «Разве ты не видишь *это?*» А я бы ответил: «Что? Что я должен там видеть?»

— Сегодня мы достаточно долго осматривали один из

ваших самых впечатляющих монументов — аксиому о невозможности точного знания того, как людям следует жить. Матушка Культура предлагает вам отрицать существование этого знания с ходу, без доказательств, поскольку аксиомы по определению не нуждаются в доказательствах.

— Да.

— И какой вывод вы делаете из этой аксиомы?

— Что, раз такое знание невозможно, нет смысла его искать.

— Именно. На ваших картах ваше мышление ограничивается периметром вашей культуры, и, если ты рискнёшь выйти за этот периметр, ты свалишься с края земли. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Думаю, да.

— Завтра мы наберёмся храбрости и выйдем за этот периметр. Как ты увидишь, мы вовсе не свалимся с края земли. Мы просто окажемся на другой территории — территории, куда никогда не ступала нога представителя вашей культуры, поскольку на ваших картах там никакой территории нет и не может быть.

Часть шестая

1

— Как ты сегодня? — спросил Измаил. — Ладошки не вспотели? Сердечко не слишком колотится?

Я с удивлением посмотрел на него сквозь разделявшее нас стекло. Он впервые говорил со мной таким игривым тоном, как с ребёнком, да ещё и подмигивал. Не могу сказать, чтобы мне это понравилось. Мне захотелось напомнить ему, что он, волею Божьей, всего лишь горилла, но я сдержался и только буркнул:

— Относительно спокоен, пока.

— Отлично. Как Второй убийца из «Макбета», ты так на целый свет в обиде, тебя ожесточила так судьба, что ты пойдёшь на всё, чтоб за несчастья отмстить другим.

— Абсолютно.

— Тогда начнём. Перед нами стена на границе мышления в вашей культуре. Вчера я назвал её монументом, но, я полагаю, ничто не мешает стене быть монументальной. В данном случае стена — это аксиома о невозможности точного знания того, как людям следует жить. Я отвергаю эту аксиому и перелезаю через стену. Мы не обязаны жить под диктовку пророков. Как нужно жить, мы в состоянии выяснить сами, ознакомившись с тем, что находится по другую сторону стены.

Сказать на это было нечего, и я просто пожал плечами.

— Ты, конечно, настроен скептически. Если верить Берущим, во Вселенной можно найти любую полезную информацию, кроме той, которая нас интересует, — как людям следует жить. Изучая Вселенную, вы научились летать, рас-

щеплять атомы, отправлять со скоростью света послания братьям по разуму и так далее. Короче, вы научились всему, кроме самого главного и необходимого — как вам следует жить.

— Верно.

— Век назад будущие воздухоплаватели были точно в таком же положении, пытаясь научиться летать. Понимаешь почему?

— Нет. Не понимаю, при чём здесь воздухоплавание.

— У будущих воздухоплавателей не было никакой уверенности, что научиться летать вообще можно. Бытовало мнение, что аппараты тяжелее воздуха летать не могут в принципе, а значит, нечего и пытаться. Теперь ты видишь, что ситуации схожи?

— Да, пожалуй.

— И этим сходство не ограничивается. В то время об аэродинамике не было никаких точных знаний. У каждого была своя собственная теория. Одни говорили: «Единственный способ взлететь — это подражать птицам. Стало быть, нужна пара машущих крыльев». Другие говорили: «Одной пары мало, нужно две». Третьи говорили: «Ерунда. Бумажные самолётики крыльями не машут, но летают. Нужны пара неподвижных крыльев и мотор, чтобы преодолевать сопротивление воздуха». И так далее. Будущие авиаторы могли бесконечно защищать каждый свою теорию, поскольку против любого аргумента кто-нибудь тотчас выдвигал контраргумент, а точных знаний ни у кого не было. Всё, что им оставалось, это действовать методом проб и ошибок.

— Да.

— Что помогло бы им действовать более эффективно?

— Как вы сказали, точные знания.

— Да, но какие именно?

— Разные… Например, как получить подъёмную силу. Им нужно было знать, что воздух, обтекая крыло…

— Что это ты хочешь описать?

— Я хочу описать, что происходит, когда поток воздуха обтекает крыло.

— Ты имеешь в виду то, что происходит *всегда* при обдувании крыла воздухом?

— Да.

— А как это называется? Как называется описание явления, неизменно наблюдаемого в определённых условиях?

— Закон.

— Конечно. Первым авиаторам приходилось действовать методом проб и ошибок потому, что они не знали законов аэродинамики, не знали даже, что такие законы есть. Понимаешь теперь, к чему я это рассказываю?

— Теперь понимаю.

— Люди вашей культуры находятся в таком же положении с тем, как следует жить. Им приходится действовать методом проб и ошибок потому, что они не знают соответствующих законов, не знают даже, что такие законы есть.

— А они есть?

— Ты считаешь, что законы, по которым людям следует жить, открыть невозможно?

— Считаю, что невозможно. Есть, конечно, законы, созданные людьми, вроде закона, запрещающего употребление наркотиков, но такого рода законы можно принимать и отменять путём голосования. А вот законы аэродинамики голосованием отменить нельзя, и такого рода законов о том, как людям следует жить, не существует.

— Понимаю. Этому учит Матушка Культура, и в данном случае ты с ней согласен. Ничего страшного. Зато теперь ты хотя бы понимаешь, что я пытаюсь сделать — продемонстрировать тебе закон, который, как ты увидишь, нельзя отменить или изменить никаким голосованием.

— Хорошо. Обещаю слушать беспристрастно, хотя попрежнему не верю, что вам удастся меня переубедить.

2

— Что такое закон тяготения? — спросил Измаил, вновь удивив меня внезапной сменой темы.

— Закон всемирного тяготения? Всякая частица во Вселенной притягивает всякую другую частицу, и сила этого притяжения зависит от расстояния между ними.

— И откуда взялся этот закон?

— В каком смысле?

— Он был выведен в результате наблюдений за чем?

— За материей, я полагаю. За поведением материи.

— Он не был выведен в результате наблюдений за повадками пчёл?

— Нет.

— Чтобы изучить повадки пчёл, нужно наблюдать за пчёлами, а не за процессами горообразования?

— Да.

— А если тебя вдруг посетит мысль, что может существовать целый свод законов о том, как людям следует жить, где ты будешь его искать?

— Не знаю.

— Станешь ли ты вглядываться в небо?

— Нет.

— Погрузишься ли в мир элементарных частиц?

— Нет.

— Станешь ли копаться в свойствах древесины?

— Нет.

— А где? Ответ навскидку.

— В антропологии?

— Антропология — это научная дисциплина, как физика. Открыл ли Ньютон закон тяготения, читая книгу по физике? Мог ли он там его найти?

— Нет.

— А где?

— В материи. В материальном мире.

— Тогда ещё раз: если существует закон, касающийся жизни, то где мы его найдём?

— Думаю, в поведении людей.

— У меня для тебя потрясающая новость: человек не один на этой планете. Он часть сообщества, от которого находится в полной зависимости. Ты никогда не подозревал что-нибудь в этом роде?

Тут я впервые я увидел, как Измаил поднял одну бровь.

— Сарказм вовсе не обязателен, — сказал я.

— Как называется сообщество, одним из множества членов которого является человек?

— Сообщество жизни.

— Браво. Не кажется ли тебе вероятным, что интересующий нас закон, нужно искать в этом сообществе?

— Не знаю.

— Что говорит на этот счёт Матушка Культура?

Я закрыл глаза и прислушался.

— Матушка Культура говорит, что, если бы такой закон и существовал, он не относился бы к нам.

— Почему?

— Потому что мы неизмеримо выше остальных членов сообщества.

— Понятно. Ты помнишь ещё какие-нибудь законы, которые на вас не распространяются, поскольку вы люди?

— В каком смысле?

— Например, на коров и тараканов действует закон тяготения. Сделано ли для вас исключение?

— Нет.

— А от действия законов аэродинамики вы освобождены?

— Нет.

— Генетики?

— Нет.

— Термодинамики?

— Нет.

— Можешь назвать хоть один закон, который не действует на людей?

— С ходу — нет.

— Дай мне знать, если вспомнишь. Это будет настоящей сенсацией.

— Хорошо.

— А пока, если вдруг обнаружится закон, управляющий сообществом жизни в целом, будем считать, что на людей его действие не распространяется.

— Так считает Матушка Культура.

— А ты как считаешь?

— Не знаю. Не представляю, каким образом закон, управляющий жизнью черепах и бабочек, мог бы всерьёз нас касаться. Я полагаю, что черепахи и бабочки подчиняются закону, о котором вы говорите.

— Подчиняются. А насчёт касательства —законы аэродинамики тоже не всегда вас касались, правда?

— Правда.

— А когда они начали вас касаться?

— Когда мы захотели летать.

— Значит, когда вы хотите летать, законы аэродинамики вас касаются?

— Да.

— Что ж, поскольку вы теперь находитесь на грани вымирания, но хотите пожить подольше, есть шанс, что вы измените своё отношение и к законам, управляющим жизнью.

— Возможно, так и случится.

3

— Как действует закон тяготения? Какая польза от гравитации?

— Я бы сказал, что гравитация обеспечивает порядок на макроскопическом уровне. Это она удерживает объекты вместе — Солнечную систему, Галактику, Вселенную.

Измаил кивнул.

— А закон, который мы ищем, удерживает вместе членов сообщества жизни. Он обеспечивает порядок на биологическом уровне так же, как закон тяготения обеспечивает порядок на макроскопическом уровне.

— Понятно.

Видимо, Измаил почувствовал, что у меня есть вопрос, и, глядя мне в глаза, замолчал в ожидании.

— Трудно поверить, что наши биологи не знают об этом законе, — сказал я.

Сизая кожа на лбу Измаила собралась в складки, а в его взгляде смешались насмешка и удивление.

— Думаешь, Матушка Культура ничего не нашёптывает вашим биологам?

— Нашёптывает, конечно.

— И что же она им нашёптывает?

— Что, если такой закон существует, он не распространяется на нас.

— Конечно. Но это не полностью отвечает на твой вопрос. Ваши биологи вовсе не удивились бы, услышав, что члены сообщества жизни в своём поведении следуют определённым правилам. Ты наверняка помнишь, что формулировка Ньютоном закона всемирного тяготения никого не удивила. Не нужно быть гением, чтобы заметить, что предмет, лишённый опоры, падает в направлении центра Земли, или, проще говоря, вниз. Это знает любой ребёнок старше двух лет. Достижение Ньютона состояло не в открытии *феномена* гравитации, а в том, что он сформулировал этот феномен как *закон*.

— Да, понимаю.

— Аналогичным образом ничто из того, что ты уже слышал и ещё услышишь от меня о жизни в сообществе жизни,

не будет ни для кого открытием, особенно для натуралистов, биологов и этологов. Новыми для них в лучшем случае будут лишь мои формулировки некоторых вещей как *законов.*

— Ясно.

4

— Считаешь ли ты, что закон тяготения касается главным образом летательных аппаратов?

Немного подумав, я покачал головой.

— Я бы сказал иначе. Конечно, он касается и летательных аппаратов, но не больше, чем камней. Для него нет разницы между самолётом и камнем.

— Хорошо сказано. Закон, который мы ищем, действует примерно таким же образом, но — на цивилизации. Он не даёт им оценку, но действует на них точно так же, как на стаи птиц или стада оленей. Для него нет разницы между человеческой цивилизацией и пчелиным ульем. Он распространяется на все виды живых существ без исключения. В этом одна из причин, по которым в вашей культуре о нём не знают. Согласно мифологии Берущих, человек по определению является биологическим исключением. Из миллионов биологических видов он один представляет собой *конечный продукт*. Мир был создан не для лягушек, кузнечиков или акул. Он был создан для человека. Поэтому человек существует в нём как бы сам по себе —уникальный и бесконечно далёкий от всего остального.

— Верно.

5

Следующие несколько минут Измаил молча смотрел в одну точку примерно в полуметре от своего носа и, казалось,

забыл о моём присутствии. Наконец, он встряхнул головой и снова взглянул на меня. Впервые за время нашего знакомства он приготовил для меня целую мини-лекцию.

— Боги преподнесли Берущим три неприятных сюрприза, — начал он. — Во-первых, они поместили мир не туда, где, по мнению Берущих, ему полагалось быть, — не в центр Вселенной. Берущие очень расстроились, когда узнали об этом, но со временем успокоились и смирились, решив, что и на задворках Галактики вполне могут играть центральную роль в драме божественного творения.

Второй сюрприз был намного хуже. Поскольку человек был вершиной творения, существом, ради которого было создано всё остальное, боги должны были и произвести его на свет достойным его величия образом, а именно — особым, исключительным актом творения. Но они вместо этого заставили его пройти весь унизительный путь эволюции от одноклеточной слизи, как каких-нибудь клещей или печёночных двуусток. Это неприятнейшее открытие поразило Берущих как молния, но и от него они уже начали приходить в себя. В конце концов, даже если человек произошёл от банальной одноклеточной слизи, это ни в коей мере не умаляет его божественное предназначение — править миром, а может быть, и Вселенной.

Но хуже всех третий сюрприз. Берущие ещё не знают об этом, но боги вовсе не сделали человека неподвластным закону, управляющему жизнью оводов, клещей, креветок, кроликов, моллюсков, оленей, львов и медуз. Человек не может безнаказанно игнорировать этот закон, как не может безнаказанно игнорировать закон тяготения, и это будет для Берущих самым болезненным ударом из всех. Первые два сюрприза они кое-как пережили и сумели приспособиться к изменившейся ситуации. Но не к этой — к этой приспособиться невозможно.

Измаил ненадолго умолк, этакая глыба чёрно-бурой кожи

и шерсти. Этой паузой он, похоже, намеревался посильнее заинтриговать меня. Наконец, он продолжил:

— Каждый закон проявляется присущим одному ему образом, иначе его невозможно было бы открыть как закон. Закон, который мы ищем, проявляется очень просто. Виды, которые живут в согласии с ним, живут практически вечно — насколько позволит окружающая среда. Это, надеюсь, хорошая новость для человечества в целом, поскольку, живя в соответствии с этим законом, человечество тоже может жить практически вечно — насколько позволит окружающая среда.

Закон, разумеется, предусматривает и наказание для не соблюдающих его видов: они *вымирают*. Причём, в биологическом измерении времени, вымирают очень быстро. И для людей вашей культуры это скорее плохая новость — наихудшая из всех, какие вам доводилось слышать.

— Надеюсь, вы понимаете, — сказал я, — что всё сказанное не даёт мне ни малейшей идеи о том, что это за закон.

После короткой паузы Измаил протянул руку к груде веток справа от него, взял одну и, разжав пальцы, уронил на пол.

— Вот феномен, которому дал объяснение Ньютон.

Он махнул рукой в сторону окна.

— А там — феномен, который пытаюсь объяснить я. Посмотрев вокруг, ты увидишь там мир, полный видов, которые могли бы жить вечно, если позволит окружающая среда.

— Это я понимаю. Но почему это требует объяснения?

Измаил взял ещё одну ветку, подержал в руке и снова уронил на пол.

— А почему *это* требует объяснения?

— Хорошо. Вы хотите сказать, что этот феномен происходит по определённой причине. Он является проявлением закона. Мы наблюдаем этот закон в действии.

— Совершенно верно. Закон, который мы ищем, тоже проявляется в действии, и я хочу показать тебе, как он дей-

ствует. На данном этапе это легче всего сделать по аналогии с уже известными тебе законами — законами всемирного тяготения и аэродинамики.

— Хорошо.

6

— Как ты понимаешь, мы, сидя здесь, никоим образом не нарушаем закон всемирного тяготения. Объекты, не имеющие опоры, падают в направлении центра Земли, и те поверхности, на которых мы сидим, служат нам опорой.

— Да.

— Ты также понимаешь, что законы аэродинамики не позволяют нам нарушать закон всемирного тяготения — они лишь объясняют нам, как в качестве опоры использовать воздух. На человека, сидящего в самолёте, закон всемирного тяготения действует точно так же, как на нас сейчас здесь. При этом человек в самолёте наслаждается свободой, которой у нас здесь нет, — свободой перемещения в воздухе.

— Да.

— В этом смысле закон, который мы ищем, аналогичен закону всемирного тяготения — его невозможно игнорировать, но есть способ его «облететь», в некотором смысле передвигаясь по воздуху. Иначе говоря, можно построить «летающую» цивилизацию.

Звучало странно, но я не стал заострять на этом внимание и сказал:

— Хорошо.

— Ты помнишь, как Берущие осваивали технику так называемого активного полёта? Они начали не с изучения законов аэродинамики, не с теорий и расчётов и не с лабораторных опытов. Они сразу начали строить всякого рода конструкции и сталкивать их с обрыва в надежде, что они полетят.

— Точно.

— Рассмотрим подробно одну из таких ранних попыток. Представим, что мы присутствуем при испытаниях одного из тех удивительных аппаратов с педальным приводом и машущими крыльями, построенных на основе ошибочных представлений о том, как летают птицы.

— Хорошо.

— В самом начале всё идёт отлично. Пилота с его конструкцией сталкивают с обрыва, он изо всех сил крутит педали, и крылья хлопают, как у взлетающей стаи гусей. Пилот в восторге, почти в экстазе от ни с чем не сравнимого ощущения свободы — свободы перемещения в воздухе. Но он не знает одну важную вещь: его аппарат аэродинамически не способен летать — он построен с нарушением законов, которые делают полёт возможным. Впрочем, если бы ему сейчас об этом сказали, он в ответ рассмеялся бы. Он никогда о таких законах не слышал и знать о них не знает. Он указал бы на машущие с двух сторон крылья и сказал: «Видите? Как у птицы!» Но что бы он ни воображал, его свободное перемещение в воздухе полётом назвать нельзя. В данном случае мы имеем дело с обыкновенным (независимо от его устройства) объектом, который, не имея опоры, падает в направлении центра Земли. Он не в свободном полёте, а в свободном падении. Ты ещё не запутался?

— Нет.

— Хорошо ещё (хотя всё равно плохо для нашего авиатора), что обрыв для своей попытки он выбрал высокий. До разочарования у него ещё много секунд и метров. Как знают парашютисты, в свободном падении тоже можно испытать ни с чем не сравнимое удовольствие и даже поздравить себя с победой, пусть даже лишь над самим собой. Наш авиатор напоминает того человека из анекдота, который на спор выпрыгнул из окна двадцатого этажа и, пролетая мимо десятого, говорит себе: «Пока всё нормально!»

В восторге от ощущения полёта (хотя на самом деле падения), наш бедный авиатор с огромной высоты видит расстилающуюся под ним равнину, которая привлекает его внимание не только своей красотой. Оказывается, она вся усеяна такими же аппаратами, как его собственный, — не разбившимися, а просто заброшенными. «Почему? — удивляется он. — Почему они все на земле, а не в воздухе? Как глупо в такую погоду бездельничать вместо того, чтобы наслаждаться полётом!»

Впрочем, странности поведения рождённых ползать недолго занимают покорителя воздуха. Глядя на равнину, он внезапно замечает другое: его аппарат, кажется, начинает терять высоту, и земля приближается с довольно-таки большой скоростью. Ничего, это не причина для беспокойства. До сих пор полёт проходил нормально, и нет оснований, чтобы так не продолжалось и дальше. Нужно лишь посильнее крутить педали.

Пока всё нормально. Он с усмешкой вспоминает о тех, кто пророчил ему катастрофу, сломанные руки и ноги, и даже гибель. Но вот же он, сколько уже пролетел, а по-прежнему жив-здоров, ни царапины, не говоря уж о переломах. Он снова смотрит вниз и на этот раз вздрагивает. Закон всемирного тяготения наваливается на него с ускорением свободного падения, и земля мчится ему навстречу самым устрашающим образом. Пилот встревожен, но всё же далёк от паники. «Мой аппарат до сих пор прекрасно летел, — говорит он себе. — Нужно просто не расслабляться». И он продолжает что есть мочи крутить педали. Это, конечно, ничего не меняет, поскольку его конструкция попросту не в ладах с законами аэродинамики. Даже если бы в его ногах была сила тысячи человек — десяти тысяч, миллиона, — его аппарат не обрёл бы способность летать. Аппарат обречён, а для авиатора единственным спасением было бы выпрыгнуть с парашютом, если бы таковой у него имелся.

— Ясно, — сказал я. — Точнее, мне ясно всё, кроме того, как это связано с нашей темой.

Измаил кивнул.

— А связь такая. Десять тысяч лет назад люди вашей культуры отправились в аналогичный полёт — в цивилизационный полёт. Их летательный аппарат не соответствовал вообще никакой теории. Как наш воображаемый авиатор, они знать не знали, что существует закон, который только и делает цивилизационный полёт возможным. Они о таких вещах не задумывались. Им захотелось летать, и они прыгнули с обрыва на первой подвернувшейся под руку конструкции — назовём её «Молнией Берущих».

Поначалу всё шло хорошо, даже прекрасно. Берущие крутили педали, крылья обнадёживающе хлопали. Все были в восторге. Чувство свободы было неописуемым — свободы от ограничений и правил, с которыми вынуждены считаться все прочие члены биологического сообщества. Вслед за свободой пришли и совсем чудеса — все те блага, о которых ты говорил вчера: урбанизация, техника, письменность, математика, прочие науки.

Казалось, полёт будет длиться вечно, со временем становясь всё более и более восхитительным. Откуда им было знать или хотя бы подозревать, что они, как тот несчастный авиатор, находятся не в свободном полёте, а в свободном падении, поскольку их аппарат не соответствует требованиям закона, который только и делает полёт возможным? Но разочарование ждало их лишь в отдалённом будущем, а до тех пор они продолжали крутить педали и наслаждаться жизнью. Как тот авиатор, в своём падении они порой видели странные вещи вроде останков летательных аппаратов, напоминавших их собственный, — не разбившихся, а просто брошенных — цивилизациями майя, хохокам, анасази, народами хоупвеллской традиции, если назвать лишь немногие и лишь в Новом Свете. «Почему? — по сей день удивляются

Берущие. — Почему они брошены на земле, а не летают? Почему кто-то предпочёл копошиться внизу вместо того, чтобы летать и наслаждаться свободой, как мы?» Это до сих пор выходит за пределы их понимания и остаётся для них неразрешимой загадкой.

Но странности поведения неудачников мало заботят Берущих. Они продолжают крутить педали и наслаждаться жизнью. Уж они-то не бросят свой летательный аппарат. Уж они-то вовек не откажутся от однажды обретённой свободы. Но вот беда, закон не прощает преступивших его. О существовании закона Берущие, может быть, и не знают, но незнание законов, как известно, не освобождает от ответственности. Закон, о котором идёт речь, не менее беспощаден, чем закон всемирного тяготения, и настигает проигнорировавших его с такой же неизбежностью, с какой настиг нашего авиатора. И карает он с такой же нарастающей силой — чем дольше его игнорируют, там суровее кара.

Первыми почувствовали недоброе мыслители XVIII–XIX веков, такие как Роберт Уоллес и Томас Роберт Мальтус. Тысячу или пятьсот лет назад они, вероятно, не заметили бы ничего вызывающего тревогу, но теперь ситуация менялась с нарастающей скоростью. Их эмоциональное состояние сравнимо с состоянием нашего авиатора за секунду до катастрофы. Они просчитали тенденцию и сказали: «Если мы будем продолжать так и дальше, в самом скором будущем нас ждут большие проблемы, в том числе голод». Остальные Берущие отмахнулись от их предостережений: «Мы пролетели огромное расстояние без единой царапины. Да, земля вроде бы приближается, но это не причина для беспокойства — нужно просто сильнее крутить педали». Тем не менее, как и было предсказано, голод вскоре стал рутинным явлением во многих отсеках «Молнии Берущих», и крутить педали приходилось всё с большей и большей силой. Но вот что удивительно: чем усерднее давили Берущие на педали, тем

хуже становилась ситуация. Очень странно. Питер Фарб назвал это парадоксом: «Интенсификация производства продуктов питания с целью накормить возросшее население вызывает ещё больший прирост населения». «Ничего страшного, — сказали Берущие. — Давайте просто поручим специалистам пошевелить педалями, то есть мозгами, и выработать надёжный метод регулирования рождаемости. Тогда „Молния Берущих“ будет лететь вечно».

Однако сегодня таких простых ответов уже недостаточно, чтобы успокоить людей вашей культуры. Теперь уже только слепой не видит, что земля с каждым годом надвигается всё быстрее. «Молния Берущих» бьёт по самым фундаментальным экологическим системам планеты, и эти удары с каждым годом всё интенсивнее, а наносимый ими урон всё значительнее. С каждым годом всё более варварски разграбляются невозобновляемые ресурсы. С каждым годом растёт число исчезающих биологических видов — вы в прямом смысле выживаете их с планеты.

Пессимисты (или просто реалисты?) смотрят вниз и говорят: «Мы врежемся лицом в землю лет через двадцать, в лучшем случае через пятьдесят. Вообще-то это может случиться в любой момент. Невозможно вычислить точно». Оптимисты, конечно, им возражают: «Мы должны верить в наш летательный аппарат. *До сих пор* он служил нам верой и правдой. Никакой катастрофы на горизонте. Есть небольшая кочка, которую мы легко перепрыгнем, если чуть посильнее нажмём на педали. Это последнее и совсем незначительное препятствие на нашем пути в бесконечно счастливое будущее. „Молния Берущих“ понесёт нас к звёздам, и мы станем властелинами Вселенной».

Но ваш летательный аппарат не может спасти вас от катастрофы. Наоборот, из-за него-то катастрофа и неизбежна. Сколько бы вас ни крутило педали — пять миллиардов, десять, двадцать, — ваш аппарат от этого не станет летательным,

поскольку никогда летательным не был. Ваш «полёт» с самого начала был свободным падением, и теперь оно близится к концу.

К этому я нашёл что добавить и от себя.

— Самое грустное, — сказал я, — что оставшиеся в живых, если таковые окажутся, тотчас снова примутся делать всё то же самое и точно таким же образом.

— Боюсь, что ты прав. Метод проб и ошибок рискован, когда строишь аэроплан, но когда строишь цивилизацию, он чреват катастрофическими последствиями глобальных масштабов.

Часть седьмая

1

— Вот загадка, над которой тебе стоит поломать голову, — сказал Измаил. — Представь, что ты оказался в какой-то далёкой стране и попал в удивительный город, изолированный от всех остальных. Его обитатели сразу вызывают у тебя симпатию — они дружелюбны, миролюбивы, хорошо воспитаны, жизнерадостны, зажиточны, энергичны и пышут здоровьем. И, по словам старожилов, люди всегда там были такими. Ты с радостью прерываешь своё путешествие, чтобы подольше побыть в этом городе, и одна семья приглашает тебя остановиться в их доме.

В тот же вечер за ужином тебе предлагают отведать местное традиционное блюдо, и ты находишь его замечательно вкусным. На твой вопрос, из чего оно приготовлено, хозяева отвечают: «Из мяса Б, разумеется. Мы не едим ничего другого». Ты заинтригован и начинаешь расспрашивать, что это за животные, Б. Хозяева со смехом подводят тебя к окну. «Вон там целая группа Б», — говорят они, показывая на соседей.

«Не может быть! — с отвращением в голосе восклицаешь ты. — Не хотите же вы сказать, что едите людей?»

Хозяева озадаченно смотрят на тебя и отвечают: «Мы едим Б».

«Но это ужасно! — говоришь ты. — Они ваши рабы? Вы держите их взаперти?»

«Зачем взаперти?» — удивляются хозяева.

«Чтобы не убежали, конечно!»

Теперь хозяева уже смотрят на тебя как на слабоумного и

объясняют, что Б и в голову не придёт никуда убегать, потому что А, которыми они сами питаются, живут через дорогу от них.

Не буду утомлять тебя изложением всех твоих возмущённых восклицаний и терпеливых объяснений твоих гостеприимных хозяев. В конце концов у тебя в сознании выстраивается следующая кошмарная схема: А поедают В, Б поедают А, а В поедают Б. Никакой иерархии между ними нет. В не имеют власти над Б, хотя питаются ими. Кроме того, В сами являются пищей — для равных им по социальному положению А. Всё совершенно демократично и бесконфликтно. Однако тебя всё равно начинает подташнивать, и ты спрашивать хозяев, как они терпят подобное беззаконное. Хозяева снова изумлены: «Какое беззаконие? У нас есть закон, и мы все неукоснительно его соблюдаем. Потому мы и дружелюбны, и миролюбивы, и обладаем всеми теми достоинствами, которые вас так привлекают в нас. Этот закон — основа нашего благополучия как народа и был такой основой с начала времён».

А теперь, наконец, загадка. Не спрашивая хозяев, как ты определишь, что это за закон, о котором они говорят?

В полном недоумении я ответил:

— Ни малейшей идеи.

— Подумай.

— Пока я вижу только один закон: А едят В, Б едят А, а В едят Б.

Измаил покачал головой.

— Это вкусовые предпочтения. Закон здесь не требуется.

— Тогда мне нужны ещё какие-то сведения. Пока мне известны лишь их «вкусовые предпочтения».

— Ты знаешь ещё три вещи: у них есть закон, они неукоснительно его соблюдают, их общество процветает.

— Это всё-таки очень туманно. Не называть же законом каннибализм.

— Вопрос не в том, *что* это за закон, а в том, каким *методом* ты бы выяснил, что это за закон.

Я откинулся в кресле, сложил руки на животе и уставился в потолок.

— Как наказывают нарушителей закона? — несколько минут спустя спросил я.

— Смертью.

— Тогда я дождался бы казни.

Измаил улыбнулся.

— Оригинально, но не годится: ты не учёл, что закон соблюдается *неукоснительно*. До казни ни разу не доходило.

Я вздохнул, закрыл глаза и ещё через пару минут сказал:

— Я бы понаблюдал за их жизнью. Пристально и в течение длительного времени.

— Это больше похоже на метод. Что ты надеешься заметить?

— Чего они *не* делают. Чего они не делают никогда.

— Хорошо. Но как ты отсеешь то, что не имеет отношения к делу? Например, окажется, что они никогда не спят стоя на голове и не кидают камни в Луну. Они могут никогда не делать массу вещей, которых закон никоим образом не касается.

— Это верно. Придётся подумать ещё. У них есть закон, они неукоснительно его соблюдают и, по их словам… О! По их словам, этому закону они и обязаны прекрасным функционированием их общества. Должен ли я принимать это утверждение всерьёз?

— Несомненно. Это одно из условий задачи.

— Тогда это может служить критерием отсева того, что не имеет отношения к делу. Что они не спят стоя на голове, не может иметь отношение к их общественному благополучию. Значит… Вот как нужно искать. Я подойду к проблеме с двух сторон. С одной моим вопросом будет: «Благодаря чему их общество процветает?», а с другой — «Что из того, чего они не делают, способствует процветанию их общества?»

— Браво. За такую блестящую идею я готов облегчить тебе задачу: пусть у них всё-таки состоится казнь. Впервые в истории кто-то из них нарушил закон, лежащий в основе их общественного благополучия. В ужасе и негодовании они хватают преступника, рубят его на куски и скармливают собакам. Это поможет тебе выяснить, что у них за закон?

— Да.

— Я возьму на себя роль твоего гостеприимного хозяина. Мы с тобой только что вернулись с казни. Какие у тебя ко мне вопросы?

— Хорошо. Что натворил этот парень?

— Он нарушил закон.

— Да, но что он конкретно сделал?

Измаил пожал плечами.

— Он жил не так, как живут законопослушные граждане. Он делал то, чего мы не делаем никогда.

Я с упрёком взглянул на него.

— Это нечестно. Вы не отвечаете на вопросы.

— Да будет вам известно, молодой человек, что полное изложение этой печальной истории имеется в публичном архиве. А в городской библиотеке любой желающий может ознакомиться с подробной биографией преступника.

Я покачал головой в знак того, что это тоже нельзя считать ответом.

— Что ты надеешься извлечь из его биографии? Там ведь не сказано, в каком именно случае он нарушил закон. Там просто описана его жизнь, и большинство изложенных там подробностей окажутся не имеющими отношения к делу.

— Да, но в биографии я могу обнаружить ещё один критерий. Тогда у меня их будет три: благодаря чему их общество процветает, чего они никогда не делают и что из того, чего они *никогда* не делают, этот человек сделал.

2

— Хорошо. По этим же трём критериям ты распознаешь и закон, интересующий нас. Сообщество жизни благополучно существовало на этой планете в течение трёх миллионов лет — можно даже сказать процветало. Берущие в ужасе отвергают это сообщество, считая, что в нём царят беззаконие, хаос и безжалостное соперничество, что в нём каждое существо живёт в постоянном страхе за свою жизнь. Однако не все представители твоего вида думают так. Многие из них по-прежнему живут в том сообществе, и они скорее умрут, чем покинут его.

На самом деле в сообществе жизни царит полный порядок. Зелёные растения являются пищей для травоядных, которые, в свою очередь, являются пищей для хищников, а некоторые из хищников являются пищей для других хищников. Останки достаются пожирателям падали, а оставленное ими возвращается в почву в виде питательных веществ для зелёных растений. Эта система прекрасно функционировала миллиарды лет. Кинематографисты по понятным причинам предпочитают снимать кровавые схватки между животными, но любой натуралист скажет тебе, что разные биологические виды никогда не воюют между собой. Газель и лев враждуют лишь в представлении Берущих. Лев, подкравшийся к стаду газелей, не стремится истребить их, как поступил бы враг. Он убивает одну из них не потому, что ненавидит газелей, а чтобы утолить голод, после чего спокойно пожирает добычу, а остальные газели как ни в чём не бывало пасутся поблизости.

Так происходит потому, что существует закон, которому неизменно следуют все члены сообщества и без которого действительно наступил бы хаос, а сообщество очень быстро распалось бы и исчезло с лица земли. Человек самим своим существованием обязан этому закону. Если бы все окружа-

ющие его виды не соблюдали этот закон, человек не смог бы ни появиться, ни выжить. Закон стоит на страже интересов как сообщества в целом, так и каждого биологического вида в отдельности, и даже каждого его индивидуального представителя. Ты понимаешь это?

— Я понимаю, хотя по-прежнему не представляю, в чём заключается сам закон.

— Я демонстрирую его проявления.

— Хорошо.

— Этот закон можно назвать *миротворческим,* поскольку благодаря ему сообщество не впадает в тот вопиющий беспредел, который мерещится в нём Берущим. Этот закон поддерживает всю жизнь — жизнь травы; жизнь кузнечика, который ест траву; жизнь перепёлки, которая проглатывает кузнечика; жизнь лисы, которая съедает перепёлку; жизнь вороны, которая клюёт мёртвую лису.

Кистепёрые рыбы, тыкавшиеся носами в берега континентов, возникли потому, что сотни миллионов поколений живых существ до них соблюдали этот закон. Некоторые из тех рыб стали земноводными, поскольку тоже соблюдали этот закон. Некоторые из земноводных, соблюдая этот закон, стали пресмыкающимися. Некоторые из пресмыкающихся благодаря тому же закону стали птицами и млекопитающими. А некоторые из млекопитающих стали приматами, следуя всё тому же закону. Благодаря ему же один из подвидов приматов стал австралопитеком. От австралопитека произошёл «человек умелый» (*Homo habilis*), от него — «человек прямоходящий» (*Homo erectus*), от него — «человек разумный» (*Homo sapiens*), и в конце концов — «человек дважды разумный» (*Homo sapiens sapiens*). Все они были обязаны своим появлением всё тому же закону.

И вот примерно десять тысяч лет назад одна ветвь семьи *Homo sapiens sapiens* сказала: «На человека этот закон не распространяется. Боги никогда не намеревались связывать им

человека». И эти люди построили цивилизацию, по всем статьям попирающую закон, и пятьсот поколений спустя — в мгновение ока по биологической шкале времени — эта ветвь семьи *Homo sapiens sapiens* привела весь мир на край гибели. А объясняют они это бедствие тем, что… Чем они его объясняют?

— Чем?

— Человек жил на этой планете три миллиона лет, не причиняя ей никакого вреда, а Берущие за какие-то пять сотен поколений довели мир до края гибели. Чем они объясняют это?

— Тем, что в человеке есть некий фундаментальный изъян.

— То есть, это не вы, Берущие, делаете что-то не так, а что-то не так в самой человеческой природе.

— Да.

— И как тебе теперь нравится это объяснение?

— Теперь оно кажется мне сомнительным.

— Очень хорошо.

3

— К тому времени, когда Берущие нагрянули в Новый Свет, сметая всё на своём пути, жившие там Оставляющие уже задавались вопросом: «Можно ли жить осёдло, не нарушая закон, который мы чтим с начала времён?» Я, конечно, не имею в виду, что они прямо так и формулировали вопрос. О законе как таковом они знали не больше, чем первые авиаторы о законах аэродинамики. Но идея осёдлого образа жизни не давала им покоя, и они строили и бросали один вариант цивилизации за другим, не оставляя надежды когда-нибудь найти тот, который «взлетит». Метод проб и ошибок требует много времени. Поиски могли занять и десять, и пятьдесят тысяч лет. Но Оставляющим, видимо, хватало мудрости понимать, что

в подобном деле торопиться не надо. Осёдлый образ жизни был в их представлении благом, но не необходимостью. Им казалось ничем не оправданным безрассудством прыгать с обрыва на какой попало конструкции с крыльями — похожей на птицу, но не способной летать, а потому обречённой на катастрофу. Берущие же поступили именно так.

Измаил замолчал. Когда молчание затянулось, я спросил:

— Я должен что-то на это сказать?

Его щёки сморщились в улыбке.

— Теперь ты уйдёшь и вернёшься, когда будешь готов сказать мне, какой закон или комплекс законов с самого начала действовал в сообществе жизни.

— Я не уверен, что готов к этому.

— С середины прошлой недели, если вообще не с первого дня, ты со мной только этим и занимался — готовился.

— Но я не знаю даже, с чего начать.

— Знаешь. Критерии в данном случае те же самые, что в загадке про А, Б и В. Тебе нужно сформулировать закон, который все члены сообщества жизни неукоснительно соблюдали на протяжении трёх миллионов лет.

Кивком головы он указал на мир за окном.

— Этот закон заодно объяснит, *как случилось, что всё сложилось именно так.* Если бы все без исключения не соблюдали его с самого начала и во всех следующих поколениях, моря по сей день были бы безжизненной массой воды, а на суше ветер гонял бы пыль. Все бесчисленные формы жизни, которые ты видишь вокруг, возникли благодаря этому закону, как и человек появился благодаря ему. За всю историю планеты лишь однажды и лишь один биологический вид попытался жить в нарушение этого закона, причём даже не целый вид, а лишь его часть — те, кого я называю Берущими. Десять тысяч лет назад эти люди сказали: «Хватит. На человека этот закон не распространяется», — и начали жить, нарушая его по всем статьям. Всё, что запрещалось этим

законом, они в своей цивилизации не просто разрешили, а заложили в её фундамент. И вот теперь, пятьсот поколений спустя, их настигает возмездие, неотвратимое для любого биологического вида, который поставил бы себя вне закона.

Измаил скрестил руки на животе.

— Думаю, теперь у тебя достаточно информации.

4

Закрыв за собой дверь, я некоторое время не двигался с места. Вернуться я не мог, а домой идти не хотелось. В голове было пусто. Откуда-то взялось ощущение подавленности и даже отверженности.

Дома меня ждала куча работы. Я выбивался из графика и рисковал сорвать сроки. А тут ещё Измаил задал мне задание на дом, которое, к тому же, вовсе не вызывало у меня энтузиазма. Необходимо было взять себя в руки и взглянуть на вещи серьёзно, поэтому я сделал то, что делаю редко, — зашёл в бар и заказал виски. Хотелось с кем-нибудь поболтать, а в этом отношении одиноким посетителям у стойки всегда везёт — собеседника им долго ждать не приходится.

Итак, откуда взялось это чувство подавленности, а особенно — это странное ощущение отверженности? И почему они обрушились на меня сегодня? Ответ: сегодня Измаил отправил меня выполнять задание в одиночку, без его помощи. Он мог избавить меня от мороки самостоятельно решать эту головоломку, но предпочёл так не делать. В некотором роде отверг меня. Несколько инфантильное толкование ситуации, но — никто не совершенен, тем более я.

Однако это было не всё — оставалось ещё чувство подавленности. Вторая порция бурбона пошла на пользу. *Я делаю прогресс в учёбе!* Точно. Вот почему я подавлен.

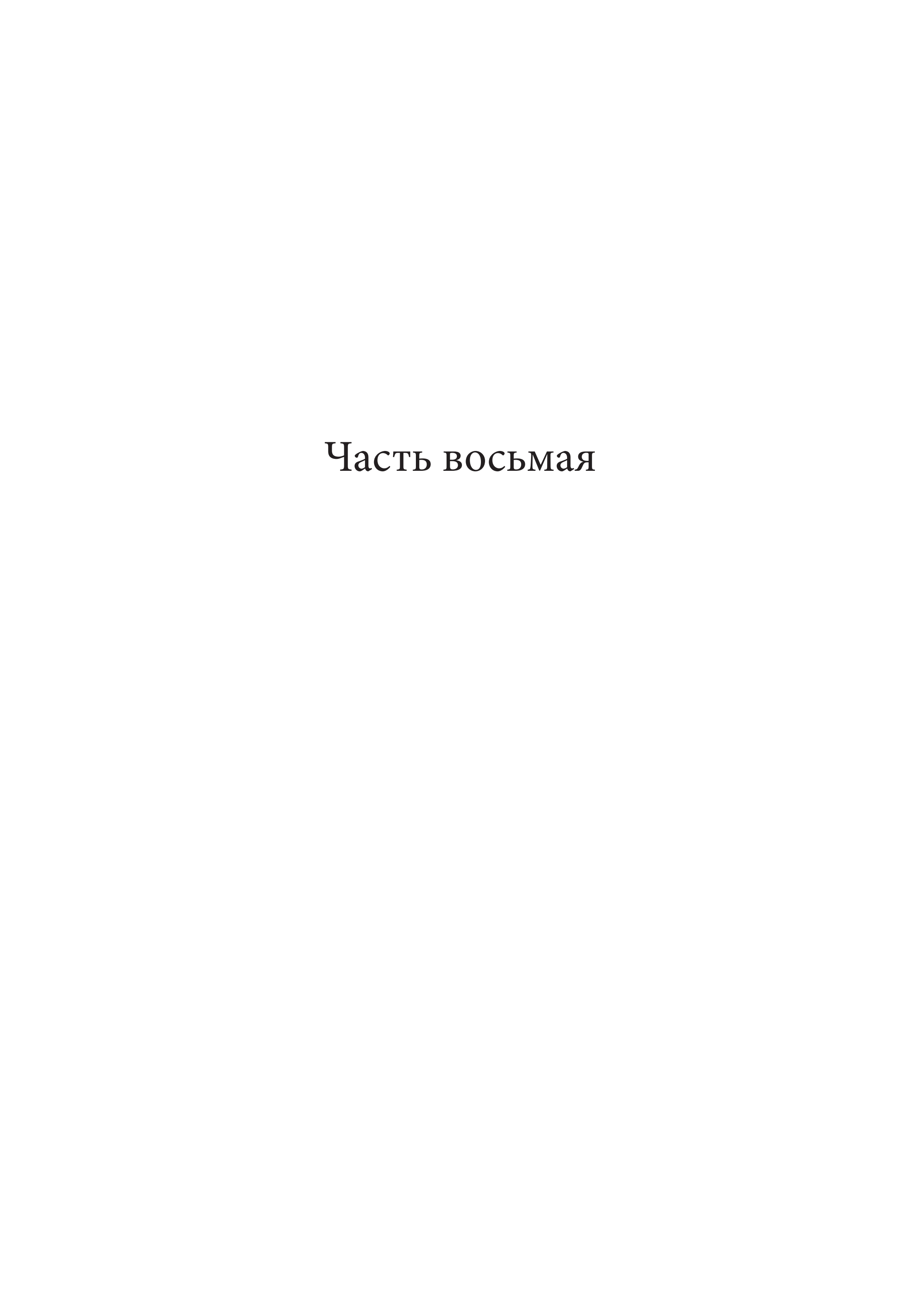
У Измаила есть план обучения. Это нормально, почему бы

ему не быть? Он оттачивал этот план в течение нескольких лет, работая с одним учеником за другим. Вполне логично. План обязательно нужен. Начинаешь с одного, продвигаешься ко второму, третьему, четвёртому, пятому и так далее, и наконец — вуаля! — в один прекрасный день ты у финиша. Благодарю за внимание, всего наилучшего и закройте за собой дверь.

Как далеко я продвинулся на данный момент? Преодолел полпути? Треть? Четверть? Как бы то ни было, каждый сделанный мною шаг — это шаг к расставанию с Измаилом.

Как похлеще назвать человека, который так воспринял бы ситуацию? Эгоист? Собственник? Скряга? Сквалыга? Как ни назови, это будет заслуженно, справедливо и в самую точку.

Мне пришлось признаться себе, что я не просто искал учителя — я искал его для себя одного на всю жизнь.

Часть восьмая

1

С законом я провозился четыре дня.

Первый день я говорил себе, что не справлюсь с заданием, второй и третий выполнял его, а последний удостоверялся, что и правда с ним справился. На пятый день я вернулся к Измаилу. Входя в его комнату, я мысленно репетировал то, что хотел сказать: «Думаю, я понял, почему вы решили, чтобы я выполнил это задание самостоятельно».

Я поднял глаза и на мгновение растерялся. Я забыл, что увижу лишь пустое помещение, одинокое кресло, стеклянную перегородку и пару поблёскивающих за ней глаз. С глупым видом я промямлил в пустоту что-то вроде приветствия.

В этот момент Измаил сделал нечто такое, чего не делал никогда прежде. В качестве приветствия он поднял верхнюю губу и обнажил ряд желтоватых зубов, каждый размером с локоть. Я прошмыгнул к креслу и стал, как школьник, дожидаться его кивка.

— Думаю, я понял, почему вы решили, чтобы я выполнил это задание самостоятельно, — сказал я. — Если бы его выполнили вы и просто указали мне на вещи, которые делают Берущие и которые никогда не делаются в природном сообществе, я бы сказал: «Ну да, понятно. И что из этого?»

Измаил согласно кивнул.

— Итак, мне удалось обнаружить четыре вещи, которые делают Берущие, но которые никогда не делают другие члены сообщества, и все они имеют фундаментальное значение для цивилизации Берущих. Во-первых, Берущие истребляют

соперников, чего никогда не происходит в дикой природе. В дикой природе животные защищают свою территорию и свою добычу, а при случае вторгаются на территорию соперников и раньше них убивают там их добычу. У некоторых видов добычей может стать и сам соперник, но они никогда не охотятся на соперников ради их истребления, как поступают фермеры и хозяева ранчо с койотами, лисами и воронами. Животные охотятся исключительно в целях утоления голода.

Измаил кивнул.

— Следует, однако, заметить, — сказал он, — что животные убивают и в порядке самозащиты или даже просто почувствовав угрозу. Например, бабуины могут напасть на леопарда, который не собирался на них нападать. При этом важно понимать, что, когда бабуины отправляются на поиски еды, у них и в мыслях нет охотиться на леопарда.

— Не вполне понимаю, что вы хотите сказать.

— Я хочу сказать, что, если пищи поблизости нет, то бабуины всем стадом отправляются на её поиски, но, если поблизости нет леопардов, они не отправляются их искать. Иными словами, всё так, как ты сказал: когда животные, даже такие особенно агрессивные, как бабуины, отправляются на охоту, их целью является добывания пищи, а не истребление ни соперников, ни даже хищников, которые сами на них охотятся.

— Теперь понимаю.

— А что убеждает тебя в том, что этот закон неукоснительно соблюдается? Я имею в виду, кроме того факта, что случаев истребления соперниками друг друга в том, что у вас называется «дикой природой», не наблюдается?

— Если бы закон не соблюдался неукоснительно, то, как вы выражаетесь, всё сложилось бы по-другому. Если бы соперники убивали друг друга просто ради убийства, соперники перестали бы существовать. На каждом экологическом уровне остался бы один-единственный вид — сильнейший.

— Продолжай.

— Во-вторых, Берущие систематически уничтожают пищу своих соперников, чтобы освободить место для того, что едят они сами. В природном сообществе ничего подобного не происходит. Правило здесь такое: «Возьми, что тебе нужно, а остальное оставь».

Измаил снова кивнул.

— В-третьих, Берущие лишают своих соперников доступа к пище. В дикой природе правило такое: «Ты вправе лишить соперника доступа к тому, что ешь сам, но не вправе лишать его доступа к пище вообще». Иными словами, хищник вправе сказать: «Эта газель моя», но он не вправе сказать, что *все* газели его. Убитую им газель лев защищает как свою собственность, но не претендует на всё стадо газелей как на свою собственность.

— Верно. Но, предположим, ты сам вырастил целое стадо, так сказать, с нуля. Вправе ты защищать его как свою собственность?

— Не знаю. Я полагаю, что да, при условии, что у меня нет намерения сделать все стада в мире моими.

— А как насчёт лишения соперников доступа к выращенным тобою растениям?

— То же самое. *Наша* политика такова: каждый квадратный метр поверхности планеты принадлежит нам, поэтому, если мы возделаем её всю, то всем нашим соперникам крупно не повезёт — им придётся умереть с голоду. Наша политика в этой сфере заключается в лишении соперников доступа *ко всей пище в мире,* и это то, чего не делает ни один другой вид.

— Пчёлы не подпустят тебя к содержимому их улья в дупле яблони, но не помешают тебе рвать яблоки.

— Да.

— Отлично. Но ты сказал, что есть и что-то четвёртое, что Берущие делают, но что никогда не делается в дикой природе, как ты её называешь.

— Да. В дикой природе лев убивает газель и съедает её. Он не убивает вторую газель про запас. Олень ест траву, которая растёт на лугу. Он не рвёт её всю до последней травинки, чтобы запастись сеном на зиму. А Берущие всё это делают.

— Мне показалось, что ты сказал это с меньшей уверенностью.

— Да, я в этом не так уверен, как в остальном. Пчёлы, например, создают запасы еды, но таких примеров немного.

— В данном случае ты не очень-то наблюдателен. *Все* живые существа запасают пищу. Большинство хранят её в собственном теле, как львы, олени и, кстати, люди. Другим нужно больше запасов, чем они могут хранить в себе, и они хранят дополнительные запасы снаружи.

— Понятно.

— Создавать запасы пищи как таковые запрета нет. Его и не может быть, поскольку наличие запасов лежит в основе функционирования всей системы. Зелёные растения можно рассматривать как запас пищи для травоядных, самих травоядных — как запас пищи для хищников, и так далее.

— Правда. Я не смотрел на это с такой точки зрения.

— Есть ли ещё что-нибудь, что Берущие делают, но что никогда не делается в остальном сообществе жизни?

— Ничего больше я не заметил. Ничего, что было бы жизненно важно для сообщества.

2

— Закон, который ты так превосходно описал, определяет пределы соперничества в сообществе жизни. Ты вправе соперничать в полную силу твоих способностей, но не вправе истреблять своих соперников, уничтожать их пищу и лишать их доступа к пище. Иными словами, ты вправе соперничать, но не вправе воевать со своими соперниками.

— Да. Как вы сказали, это миротворческий закон.

— И каков же эффект этого закона? Чему он способствует?

— Ну… Он способствует порядку.

— Это да, но сейчас я имею в виду кое-что ещё. Что случилось бы, если бы этот закон отменили десять миллионов лет назад? Как это отразилось бы на сообществе?

— Как я уже говорил, на каждом уровне соперничества осталась бы одна-единственная форма жизни. Если бы все травоядные в течение десяти миллионов лет воевали друг с другом, я думаю, что к нашему времени в живых остался бы один лишь абсолютный победитель. Остался бы и единственный вид победивших насекомых, единственный вид птиц, единственный вид пресмыкающихся, и так далее. То же самое случилось бы на всех уровнях.

— Стало быть, закон способствует чему? Чем отличается описанное тобою сообщество от сообщества, которое существует сейчас?

— Я полагаю, описанное мною сообщество состояло бы из нескольких десятков или нескольких сотен биологических видов. Ныне существующее сообщество насчитывает миллионы видов.

— Значит, чему способствует закон?

— Разнообразию.

— Конечно. А что хорошего в разнообразии?

— Не знаю. Разнообразие… интереснее.

— Что не так с глобальным сообществом, состоящим лишь из травы, газелей и львов? Или в котором нет ничего, кроме риса и людей?

Некоторое время я молча смотрел в пространство перед собой.

— Я думаю, что такое сообщество было бы экологически хрупким. Оно было бы чрезвычайно уязвимым. Такой мир рухнул бы при малейшем изменении существующих условий.

Измаил кивнул.

— Разнообразие является фактором выживания *для сообщества как такового*. Сообщество сотен миллионов биологических видов способно пережить практически всё, за исключением, разве что, тотальной глобальной катастрофы. Из сотен миллионов видов несколько тысяч смогут пережить глобальное похолодание на двадцать градусов — а это имело бы гораздо более опустошительные последствия, чем многие думают. Из сотен миллионов видов несколько тысяч смогут пережить глобальное потепление на двадцать градусов. Но у сообщества сотен или тысяч биологических видов шансов на выживание практически нет.

— Верно. А именно разнообразию в наши дни и наносится наибольший ущерб. Каждый день исчезают десятки видов, и это прямой результат нарушения Берущими закона о соперничестве.

— Теперь, когда ты знаешь о существовании закона, изменился ли твой взгляд на происходящее?

— Да. Я больше не думаю, что мы делаем что-то по глупости. Мы разрушаем мир не потому, что мы такие «неловкие». Мы разрушаем мир потому, что планомерно и осознанно ведём войну с ним.

3

— Как ты объяснил, сообщество жизни перестало бы существовать, если бы все виды отказались соблюдать правила соперничества, предписываемые законом. А что случилось бы, если бы так поступил всего *один* вид?

— Вы имеете в виду не человека, а какой-нибудь другой вид?

— Да. Но при условии, что он обладал бы близкими к человеческим хитростью и решимостью. Предположим, что ты

гиена. Почему ты должен делить добычу с этими ленивыми и высокомерными львами? Ведь то и дело случается, что только ты убил зебру, как приходит лев, прогоняет тебя и усаживается за обед, а ты стоишь рядом и ждёшь объедков. Разве это справедливо?

— Я думал, всё происходит наоборот: лев убивает добычу, а гиены мешают ему её есть.

— Львы, конечно, в основном охотятся сами, но при случае не брезгуют и чужой добычей.

— Хорошо.

— Итак, ты гиена, и тебе это надоело. Как ты собираешься восстановить справедливость?

— Истреблю львов.

— И что это тебе даст?

— Некому будет отнимать у меня добычу.

— А чем львы питались?

— Газелями, зебрами, много чем.

— Львов теперь нет. Как это отразится на твоей жизни?

— Ясное дело, станет больше еды.

— А что произойдёт, если у гиен станет больше еды?

Я уставился на него в недоумении.

— Хорошо. Я исходил из того, что тебе известна азбука экологии. В природном сообществе, когда кормовая база того или иного вида увеличивается, увеличивается и его популяция. С ростом популяции вида его кормовая база истощается, что, в свою очередь, ведёт к сокращению его популяции. Эта взаимозависимость между популяциями поедаемых и поедающих и поддерживает равновесие в сообществе жизни.

— Я знал это. Просто не подумал.

— Хорошо, — строго сказал Измаил. — Впредь, пожалуйста, думай.

— Договорились, — с улыбкой ответил я. — Итак, с исчезновением львов еды у гиен стало больше, и наша популяция

растёт. Растёт до тех пор, пока еды начинает на всех не хватать, и тогда популяция начинает сокращаться.

— Так было бы в обычных условиях, но ты изменил условия. Ты решил, что закон ограниченного соперничества на гиен не распространяется.

— Да. Тогда мы начнём истреблять других соперников.

— Не заставляй меня вытягивать из тебя слово за словом. Говори всё сразу.

— Хорошо. Смотрим дальше. После истребления всех соперников, наша популяция ещё некоторое время растёт, пока добычи не перестаёт хватать на всех. Соперников у нас больше нет, значит, нужно каким-то образом увеличить популяцию дичи. Правда, я с трудом представляю, как гиены могли бы разводить скот.

— Вы уничтожили своих соперников, но у вашей дичи тоже есть соперники — другие травоядные, которые для вас интереса не представляют. Они вам как бы двоюродные соперники. Истребите их, и травы для вашей дичи станет больше.

— Верно. Чем больше травы для дичи, тем больше дичи; чем больше дичи, тем больше гиен; чем больше гиен, тем… Кого бы ещё истребить?

Измаил молча ждал, подняв брови.

— Больше истреблять некого.

— Думай.

Я подумал.

— Хорошо. Мы истребили своих прямых соперников и истребили двоюродных. На очереди, значит, истребление троюродных — растений, соперничающих с травой из-за пространства и света.

— Верно. У вашей дичи станет больше травы, а у вас — больше добычи.

— Забавно. Почти что заповеди для фермеров и владельцев ранчо: убивай всё, что не ешь; убивай всё, что ест то, что ешь ты; убивай всё, что не служит пищей для твоей пищи.

— В культуре Берущих это практически *и есть* заповеди. Чем больше соперников вы истребите, тем больше людей сможете произвести на свет. А раз так, то истребление соперников — это чуть ли не самый священный ваш долг. Как только вы решили, что закон ограниченного соперничества на вас не распространяется, всё в мире, кроме вашей пищи и пищи для вашей пищи, стало вашим врагом, подлежащим уничтожению.

4

— Как видишь, один ли биологический вид перестаёт подчиняться закону, или все виды перестают подчиняться закону, в конечном итоге мы получаем одно и то же — сообщество, где разнообразие постепенно ликвидируется в интересах экспансии одного-единственного вида.

— Да. Мы неизбежно приходим к тому же, к чему пришли Берущие — к постоянному уничтожению соперников, постоянному увеличению собственной кормовой базы и постоянному поиску способов обуздать катастрофический рост популяции. Как это вы сказали на днях? Что-то насчёт увеличения производства продовольствия с целью прокормить растущее население.

— «Интенсификация производства продуктов питания с целью накормить возросшее население вызывает ещё больший прирост населения». Так сказал Питер Фарб в своей книге «Человечество».

— Вы, кажется, назвали это парадоксом.

— Нет, парадоксом это назвал он.

— Почему?

Измаил пожал плечами.

— Он не мог не знать, что популяция любого вида в дикой природе неизменно растёт, пока растёт его кормовая база.

Но, как ты знаешь, Матушка Культура учит, что подобные законы не распространяются на человека.

5

— У меня вопрос, — сказал я. — Пока мы говорили обо всём этом, я то и дело ловил себя на мысли, не противоречит ли этому закону и само сельское хозяйство. Оно кажется противоречащим ему по определению.

— Так и есть, если тебе не известны другие методы ведения сельского хозяйства, кроме методов Берущих. Но есть и другие методы. Сельское хозяйство не обязательно подразумевает войну против всего того, что не способствует росту вашей популяции.

— Я думаю, моё затруднение заключается в следующем. В биологическом сообществе действуют и экономические законы, не правда ли? Я имею в виду, что, если кто-то берёт себе больше, то кому-то другому достаётся меньше. Так?

— Да. Но какой смысл брать себе больше? Зачем это делать?

— В этом основа осёдлого образа жизни. Без постоянной интенсификации сельского хозяйства он невозможен.

— Ты уверен, что хочешь этого?

— Хочу чего?

— Ты хочешь настолько расширить свои владения, чтобы они охватили весь мир? Возделать каждый квадратный метр почвы и заставить всех людей на свете заниматься сельским хозяйством?

— Нет.

— Но это то, что делали и продолжают делать Берущие. Их сельскохозяйственная система устроена так, чтобы не просто служить основой для осёдлого образа жизни, а обеспечивать постоянный прирост населения, *неограниченный* прирост.

— Это верно, но мне-то нужна лишь возможность жить осёдло, ничего больше

— Тогда тебе не нужно ни с кем воевать.

— Но проблема останется в любом случае. Если я хочу жить осёдло, мне нужно иметь в запасе больше продуктов, чем у меня было раньше, и этот излишек должен откуда-то взяться.

— Понимаю твоё затруднение. Но, во-первых, осёдлый образ жизни ни в коей мере не чисто человеческое изобретение. Не уверен, что вообще существует хоть один биологический вид, чей образ жизни был бы *полностью* кочевым. Всегда есть какая-то постоянная территория, пастбище, нерестилище, улей, гнездо, логово, берлога, нора, пещера. В той или иной степени осёдло живут как звери, так и люди. Даже образ жизни охотников-собирателей нельзя назвать полностью кочевым. Кроме того, между ними и стопроцентными земледельцами-скотоводами существуют ещё и промежуточные формы организации жизни. Многие охотники-собиратели имеют привычку запасаться пищей на долгий срок, и это позволяет им жить более или менее осёдло. Есть племена, которые часть продуктов выращивают сами, хотя в основном занимаются собирательством. А есть и такие, которые собирают совсем немного, а в основном выращивают — о них можно сказать, что они уже почти полностью перешли на сельское хозяйство.

— Но это всё равно не решает главную проблему, — возразил я.

— Решает, но твоё поле зрения слишком узко и ограничено лишь одним её аспектом. Ты упускаешь из виду очень важную вещь. Когда появился «человек умелый» (*Homo habilis*) — первый представитель рода *Homo*, — кто-то должен был уступить ему место. Я не имею в виду, что какой-то другой вид из-за этого был обречён на вымирание. Я просто хочу сказать, что с самого момента своего появления «человек умелый» был

чьим-то соперником. И это был не один соперник, а тысячи. И чтобы «человек умелый» мог выжить, популяции всех его соперников должны были сократиться. Так происходило и происходит всегда при появлении на планете какого бы то ни было нового биологического вида.

— Хорошо. Но какое отношение это имеет к осёдлому образу жизни?

— Ты плохо слушаешь. Осёдлость — это одна из форм биологической адаптации, в той или иной степени практикуемая *всеми* биологическими видами, включая человека. А *всякой* форме адаптации приходится утверждать себя в процессе соперничества с другими формами адаптации. Короче говоря, осёдлость человека *не противоречит* законам соперничества, а *подчиняется* им.

— Да. Теперь понимаю.

6

— Итак, что же мы обнаружили?

— Мы обнаружили, что любой биологический вид, который перестаёт соблюдать правила соперничества, рано или поздно разрушает сообщество в интересах своей экспансии.

— Любой вид? Включая человека?

— Разумеется. О его роли в происходящем мы ведь и говорим.

— Значит, ты понимаешь, что проблема заключается не в какой-то загадочной порочности человеческого рода. Не какой-то необъяснимый изъян в человеке как таковом превратил людей вашей культуры в разрушителей мира.

— Нет. То же самое случилось бы с любым биологическом видом, во всяком случае с таким, который обладал бы достаточной силой, чтобы вызвать такие же разрушения, и достаточным жизненным пространством, чтобы за каждым

увеличением кормовой базы беспрепятственно следовал рост популяции.

— С ростом кормовой базы расти будет любая популяция. Это верно для всех биологических видов, включая человека. Берущие доказывают это уже десять тысяч лет. Десять тысяч лет они ежегодно увеличивают производство продуктов питания, чтобы прокормить растущее население, и всякий раз численность населения от этого увеличивается ещё больше.

Я на минуту задумался, затем сказал:

— Матушка Культура с этим не согласна.

— Конечно, нет. Я даже уверен, что она возражает самым категорическим образом. Что же конкретно она говорит?

— Она говорит, что в нашей власти увеличивать производство продовольствия, *не допуская* роста нашей численности.

— Какой в этом смысл? Зачем тогда увеличивать производство продовольствия?

— Чтобы накормить миллионы голодающих.

— И в обмен вы возьмёте с них обещание не рожать детей?

— Нет, это в планы не входит.

— Тогда что же произойдёт, если вы накормите миллионы страждущих?

— Они продолжат рожать детей, и население увеличится.

— Несомненно. Этот эксперимент ежегодно проводится в вашей культуре на протяжении уже десяти тысяч лет, и результаты всякий раз полностью предсказуемы. Увеличение производства продуктов питания с целью накормить растущее население провоцирует новый прирост населения. Неизбежность такого результата очевидна. Предсказывать какой-то другой — это тешить себя биологическими и математическими иллюзиями.

— Но и при этом… — я на мгновенье запнулся, затем продолжил: — Матушка Культура утверждает, что и при такой взаимозависимости проблему можно решить с помощью контроля над рождаемостью.

— Да. Если ты по неосторожности затронешь эту тему в разговоре с кем-нибудь из друзей, ты заметишь, как они облегчённо вздохнут, вспомнив об этом выходе из положения: «Ух… Гора с плеч!» Так алкоголик успокаивает себя, что сможет бросить пить раньше, чем алкоголь угробит его. Глобальный контроль над рождаемостью — это всегда дело будущего. Его планировали на будущее в 1960 году, когда вас было три миллиарда. Сейчас вас пять миллиардов, а глобальный контроль над рождаемостью всё планируется на будущее.

— Это верно. Но это не значит, что такой контроль вообще невозможен.

— Возможен — но не в той пьесе, которую вы разыгрываете. Пока вы не переключитесь на другую, вы будете продолжать отвечать на голод увеличением производства продовольствия. Тебе попадались в прессе призывы посылать продукты голодающим в разных уголках мира?

— Да.

— А призывы посылать противозачаточные средства?

— Нет.

— Никогда. Матушка Культура даёт на этот счёт взаимоисключающие рекомендации. Если ей скажешь: «*Демографический взрыв*», она ответит: «*Глобальный контроль над рождаемостью*». А если ей скажешь: «*Голод*», она ответит: «*Увеличение производства продовольствия*». Но вот что любопытно: увеличение производства продовольствия — это ежегодно регистрируемый факт, а глобальный контроль над рождаемостью фактом не становится никогда.

— Верно.

— На самом деле в вашей культуре вообще отсутствует сколько-нибудь серьёзное стремление к глобальному контролю над рождаемостью. Такого стремления у вас и *не будет,* пока вы продолжаете инсценировать сказку о том, будто боги сотворили мир для человека. Потому что, пока

вы воплощаете эту сказку в жизнь, Матушка Культура будет и дальше требовать наращивать производство продовольствия сегодня, а глобальный контроль над рождаемостью отодвигать на завтра.

— Ясно. Но у меня вопрос.

— Спрашивай.

— Что говорит о голоде Матушка Культура, мы знаем. А что скажете на этот счёт *вы?*

— Я? Ничего. Кроме того, что вы живёте в той же самой биологической реальности, что и все остальные виды, а значит, вы тоже должны подчиняться её законам.

— Какое отношение это имеет к голоду?

— Голод поражает не только людей. От него не застрахован ни один биологический вид нигде в мире. Когда популяция какого-то вида истощает свои кормовые ресурсы, её численность сокращается до тех пор, пока не восстановится равновесие. Матушка Культура утверждает, что это правило не распространяется на людей, поэтому, обнаружив, что где-то населению не хватает местных продовольственных ресурсов, она спешит завезти туда продовольствие из других мест, чем гарантирует в следующем поколении ещё больше голодающих. Поскольку местному населению никогда не дают сократиться до численности, соразмерной местным продовольственным ресурсам, голод становится для него постоянным спутником жизни.

— Да. Несколько лет назад мне попалась в газете статья об экологе, который выступил с такими же рассуждениями на одной конференции, посвящённой проблеме голода. Как же на него все набросились! Его практически обвинили в пропаганде геноцида.

— Могу представить. Его коллеги повсюду в мире в душе с ним согласны, но благоразумно предпочитают не перечить Матушке Культуре в том, что она называет благотворительностью. Если на территории, способной прокормить трид-

цать тысяч человек, проживают сорок тысяч, завозить им продовольствие с других территорий и тем поддерживать их численность на уровне сорока тысяч не будет проявлением заботы о них. Это будет гарантией периодического возвращения туда голода.

— Это верно, но нельзя же просто сидеть и смотреть, как люди страдают.

— Именно так и говорит человек, вообразивший себя богоизбранным правителем мира: «Я *не позволю* им голодать. Я *не позволю* начаться засухе. Я *не позволю* реке выйти из берегов». Позволять или не позволять такие вещи могут боги, но никак не вы.

— Справедливое замечание, — сказал я. — Но оно не даёт ответа на все вопросы.

Измаил кивнул, предлагая мне продолжать.

— Мы в Соединённых Штатах каждый год значительно увеличиваем производство продовольствия, но ежегодный прирост населения у нас относительно небольшой. А в странах со слаборазвитым сельским хозяйством численность населения, наоборот, растёт огромными темпами. Нет ли в этом противоречия с вашим утверждением о взаимосвязи между производством продовольствия и численностью населения?

Измаил недовольно покачал головой.

— Наблюдаемый феномен объясняется так: «Всякое увеличение производства продуктов питания с целью накормить возросшее население вызывает новый прирост населения». Здесь ни слова о том, *где* происходит прирост.

— Не понимаю.

— Рост производства пшеницы в Небраске не обязательно провоцирует рост населения Небраски. Численность населения от этого может возрасти в Индии или Африке.

— Всё равно не понимаю.

— Следствием увеличения производства продовольствия

всегда оказывается рост населения *где-нибудь*. Иными словами, произведённые в Небраске излишки *кто-нибудь* да потребляет. В противном случае фермеры Небраски немедленно сократили бы производство.

— Верно, — сказал я и после недолгого размышления добавил: — Выходит, фермеры высокоразвитого Запада поставляют в слаборазвитые страны третьего мира своего рода взрывчатку, в результате чего там происходят демографические взрывы?

— В конечном счёте — да. Кому же ещё под силу это делать?

Я молча смотрел на него, переваривая услышанное.

— Чтобы увидеть проблему в глобальной перспективе, нужно взглянуть на неё издалека. В настоящее время вас на планете пять с половиной миллиардов, и, хотя миллионы из вас голодают, вы производите достаточно продовольствия, чтобы прокормить шесть миллиардов. И, *поскольку* производимого вами продовольствия достаточно на шесть миллиардов, биологически неизбежно, что через три-четыре года вас *станет* шесть миллиардов. К тому времени, однако (хотя миллионы из вас по-прежнему будут голодать), производимого вами продовольствия будет достаточно уже на шесть с половиной миллиардов человек, а это значит, что ещё через три-четыре года вас *станет* шесть с половиной миллиардов. Но к тому времени вы будете производить продовольствия на семь миллиардов, и, хотя миллионы будут продолжать голодать, через три-четыре года вас *станет* семь миллиардов. Чтобы остановить этот процесс, вы должны признать, что увеличением производства продовольствия вы не спасаете миллионы от голода, а лишь провоцируете демографические взрывы.

— Понимаю. Но как можно перестать увеличивать производство продовольствия?

— Так же, как вы перестаёте уничтожать озоновый слой,

как прекращаете вырубать тропические леса. Будет желание — способ найдётся.

7

— Не знаю, заметил ли ты, но я положил рядом с твоим креслом книгу, — сказал Измаил.

Это была «Американская книга наследия индейцев».

— Поскольку мы то и дело прямо или косвенно затрагиваем вопрос контроля над рождаемостью, помещённая в начале книги карта расселения племён может навести тебя на интересные мысли.

Дав мне около минуты на изучение карты, Измаил спросил, каково моё первое впечатление от неё.

— Не знал, что их было так много. Столько разных народов.

— Не все они существовали одновременно, но большинство. Как ты думаешь, какой фактор ограничивал численность их населения?

— Разве об этом можно узнать по карте?

— Обрати внимание, что континент был заселён довольно-таки плотно. Контроль над рождаемостью был в таких условиях не роскошью, а необходимостью.

— Да.

— Какие-нибудь идеи в связи с этим?

— Просто глядя на карту? Боюсь, что нет.

— Скажи мне, как поступают люди вашей культуры, если им надоело жить на перенаселённом Северо-Востоке?

— Они просто переезжают в Аризону, Нью-Мексико, Колорадо, на просторные и малонаселённые территории.

— И как это нравится Берущим, которые уже живут на тех просторных и малонаселённых территориях?

— Им это не нравится. Они наклеивают на задние бампе-

ры своих автомобилей стикеры с надписью: «Если вы любите Нью-Мексико, возвращайтесь туда, откуда приехали».

— Но на эти стикеры никто не обращает внимания.

— Нет, люди продолжают приезжать.

— Почему местные Берущие не могут остановить этот поток? Почему Берущие на Северо-Востоке не ограничивают у себя рост населения?

— Не знаю. Не представляю, как они могли бы это сделать.

— Таким образом, в одной части страны численность населения бурно растёт, но никого это не волнует, потому что избыточное население всегда может перебраться на просторные и малонаселённые территории Запада.

— Верно.

— Между тем у всех штатов есть границы. Почему они не препятствуют притоку переселенцев?

— Потому что это чисто символические границы, они существуют только на карте.

— Именно. Чтобы стать жителем Аризоны, тебе достаточно пересечь воображаемую черту и поселиться в любом приглянувшемся месте. Так обстоят дела у Берущих. У Оставляющих было иначе. Отмеченные на карте границы каждого их народа были отнюдь не воображаемыми — они были *культурными* границами. Если навахо чувствовали, что им становится тесно, они не могли сказать: «У хопи много свободных земель, давайте переберёмся туда и станем хопи». Такая мысль не могла им и в голову прийти. Короче говоря, у жителей Нью-Йорка есть возможность решить проблему переизбытка населения путём переезда части из них, например, в Аризону, тогда как у навахо такой возможности не было — просто взять и стать хопи они не могли. Культурные границы так не пересекают, через них невозможно просто перешагнуть.

— Это, конечно, верно, но, с другой стороны, навахо могли пересечь границу *территории* хопи, не пересекая при этом границу культурную.

— Ты хочешь сказать, что они могли *вторгнуться* на территорию хопи? Да, несомненно. Но моё утверждение остаётся в силе. Тому, кто вторгся бы на территорию хопи, не предложили бы заполнить анкету — его просто убили бы. Такая система работала безотказно. Она давала народам мощный стимул следить за своей численностью.

— Да уж, мощнее некуда.

— Эти народы ограничивали численность своего населения не потому, что так лучше для человечества и для окружающей среды. Они делали так потому, что это легче, чем воевать с соседями. Конечно, были и такие народы, которые ничего не имели против войны и поэтому не особенно ограничивали численность своего населения. Вообще ошибочно представлять эти народы воплощением миролюбия и утопической мечты. В мире, где нет Большого Брата, который следит за поведением каждого и гарантирует каждому неприкосновенность его собственности, предпочтительно иметь репутацию бесстрашного и свирепого противника, а такую репутацию не заработаешь дипломатическими нотами. Пусть лучше соседи в точности знают, что их ожидает, если они не будут контролировать численность своего населения и оставаться в пределах своей территории.

— Понимаю. Так они ограничивали численность друг друга.

— И дело было не только в надёжной защите их территориальных границ. Как я сказал, непреодолимыми были прежде всего их культурные границы. Избыточное население наррагансеттов не могло просто собрать пожитки, переселиться на запад и стать там шайенами. Все наррагансетты должны были жить там, где жили всегда, и контролировать свою численность.

— Да. Ещё один случай, когда разнообразие лучше, чем однородность.

8

— На прошлой неделе, — сказал Измаил, — когда мы говорили о законах, ты сказал, что о том, как люди должны жить, есть лишь законы, которые всегда можно изменить путём голосования. Что ты думаешь об этом теперь? Можно ли законы, управляющие соперничеством в сообществе жизни, изменить путём голосования?

— Нет. Но эти законы не абсолютны, как законы аэродинамики. Их можно нарушить.

— Разве законы аэродинамики невозможно нарушить?

— Нет. Если самолёт построен с нарушением этих законов, он не полетит.

— Но если его столкнуть с обрыва, он окажется в воздухе, не так ли?

— На некоторое время.

— То же самое можно сказать о цивилизации, построенной с нарушением закона ограниченного соперничества. Она на некоторое время оказывается в воздухе, после чего падает и разбивается. Разве не это угрожает сегодня людям вашей культуры? Не катастрофа?

— Да.

— Поставлю вопрос по-другому. Считаешь ли ты, что любой биологический вид, избравший своей политикой несоблюдение закона ограниченного соперничества, в процессе своей экспансии рано или поздно неизбежно уничтожит биологическое сообщество?

— Да.

— Какое открытие мы здесь сделали?

— Мы открыли точное знание того, как людям следует жить. Как они *должны* жить.

— Неделю назад ты говорил, что такого знания не существует.

— Да, но…

— Что?

— Я не понимаю, как… Одну минуту.

— Мы никуда не спешим.

— Я не понимаю, как отсюда вывести *общее* знание. Мы рассмотрели конкретные случаи и узнали, какой закон в этих случаях действует. Но это знание не представляется мне универсальным, применимым ко всем другим случаям.

— Помогают ли законы аэродинамики исправлять повреждённые гены?

— Нет.

— Тогда зачем они нам нужны?

— Они нам нужны… Они позволяют нам летать.

— А закон, о котором мы говорим, позволяет биологическим видам жить. Всем видам, включая человека, он позволяет выживать. Он не ответит вам на вопрос, нужно ли легализовать психотропные препараты. Он не скажет вам, хорошо или нет заниматься любовью до свадьбы. Он ничего не скажет о том, вправе ли одни люди приговаривать к смерти других. Но он скажет вам, как следует жить, если вы хотите избежать вымирания, и это самое важное и фундаментальное знание, в котором нуждается каждый из вас.

— Да, но…

— Что?

— Но люди моей культуры отвергают его.

— Ты хочешь сказать, что люди твоей культуры отвергают то, что мы с тобой выяснили?

— Да.

— Давай уточним, что они отвергают и что нет. Сам по себе закон оспаривать не имеет смысла — он существует и действует в сообществе жизни независимо ни от чего. Единственное, что Берущие отвергают, это что он распространяется и на человека.

— Да.

— В этом нет ничего удивительного. Матушка Культура

смирилась с тем, что родная планета человечества не является центром Вселенной. Она смирилась и с тем, что человек, как всё живое, начинал свою эволюцию с банальной одноклеточной слизи. Но она никогда не признает тот факт, что миротворческий закон сообщества жизни распространяется и на человека. Признание этого было бы для неё смерти подобно.

— Вы хотите сказать, что наше положение безнадёжно?

— Совсем нет. Если человечество хочет выжить, Матушку Культуру, очевидно, придётся подвергнуть эвтаназии. И людям вашей культуры это вполне под силу. Матушка Культура существует лишь в вашем сознании. Стоит вам перестать её слушать, и она перестанет существовать.

— Всё это так, но я не думаю, что люди решатся на это.

Измаил пожал плечами.

— Тогда за них это сделает закон. Если они откажутся жить по закону, их просто не станет. Одна из его фундаментальных статей звучит так: кто отвергает закон и тем угрожает стабильности сообщества, тот сам обрекает себя на смерть.

— Берущие никогда не поверят в это.

— Вера тут ни при чём. Горе-авиатор, который рухнул с обрыва вместе со своим «нелетательным» аппаратом, мог сколько угодно не верить в закон всемирного тяготения. Запущенный Берущими процесс самоуничтожения близится к завершению, и, когда он закончится, сообщество жизни вновь обретёт стабильность, и нанесённые вами раны начнут заживать.

— Понятно.

— С другой стороны, мне кажется, что ты излишне пессимистичен. Я думаю, в мире достаточно много людей, которые понимают, что игра окончена, и готовы к восприятию новых идей. Не пассивно готовы, а *ищут* их так же целеустремлённо, как ты.

— Надеюсь, вы правы.

9

— Мне не очень нравится, как мы сформулировали этот закон, — сказал я.

— Нет?

— Мы говорим о законе в единственном числе, но на самом деле законов три. Во всяком случае, я говорил о них как о трёх.

— Это три ветви. А нам важен ствол, который звучит приблизительно так: «Ни один вид не вправе распоряжаться всей жизнью в мире».

— Да, это закреплено в правилах соперничества.

— Тот же закон можно сформулировать по-другому: «Мир не был создан ни для кого в отдельности».

— Да. Человек определённо не был создан для того, чтобы покорить мир и править им.

— Ты слишком забегаешь вперёд. Согласно мифологии Берущих, мир нуждался в правителе, поскольку боги превратили мир в хаос. У богов мир был похож на джунгли, где царили вопиющий беспредел и анархия. Но так ли было на самом деле?

— Нет, в мире был полный порядок. В беспорядок его привели Берущие.

— Власти закона было и остаётся достаточно. Мир не нуждался в том, чтобы люди приводили его в порядок.

10

— Люди вашей культуры фанатично верят в исключительность человека. Пропасть между ним и остальным миром представляется им бездонной. Миф о превосходстве человека служит им оправданием вседозволенности по отношению к миру, как гитлеровский миф о превосходстве арийцев слу-

жил нацистам оправданием вседозволенности по отношению к Европе. Однако в конечном счёте эта мифология не приносит радости никому. Берущие чувствуют себя глубоко одинокими. Мир для них — враждебная территория, где они живут как оккупационная армия, отчуждённые и изолированные от всего своей недосягаемой исключительностью.

— Всё верно, но к чему вы это говорите?

Вместо ответа Измаил сказал:

— В среде Оставляющих практически нет преступлений, психических заболеваний, самоубийств, наркомании. Как Матушка Культура объясняет это?

— Она говорит, что Оставляющие просто слишком примитивны для всего этого.

— Иными словами, преступность, психические заболевания, самоубийства и наркомания — это признаки высокоразвитой культуры.

— Да. Никто об этих явлениях так, конечно, не говорит, но это подразумевается. В некотором роде издержки прогресса.

— Вот уже сто лет, или около того, в вашей культуре бытует и почти полностью противоположное мнение о том, почему все эти явления редки в среде Оставляющих.

Я на минуту задумался.

— Вы имеете в виду теорию «благородного дикаря»? Не могу сказать, что знаю её в подробностях.

— Но общее представление у тебя имеется. Это, кстати, очень характерно для людей вашей цивилизации — довольствоваться общими представлениями, не вдаваясь в подробности.

— Да. Согласно этой теории, жизнь в тесном контакте с природой делает людей благородными. Ежедневное любование закатом солнца будто бы делает их такими. Кто каждый вечер любуется закатом, тот не способен потом пойти и поджечь вигвам соседа. Жизнь в постоянном контакте с природой самым лучшим образом влияет на психику.

— Как ты понимаешь, я ничего подобного никогда не скажу.

— Понимаю. А *что* вы скажете?

— Ранее мы уже бросили беглый взгляд на пьесу, которую вот уже десять тысяч лет разыгрывают Берущие. Оставляющие тоже разыгрывают пьесу, но это не *сочинённая* кем-то пьеса, а пьеса самой их жизни с начала времён.

— Что вы имеете под этим в виду?

— Если ты побываешь у разных народов вашей культуры — в Китае, Японии, России, Англии, Индии — люди повсюду расскажут тебе совершенно разные истории о себе, но при этом окажется, что все они инсценируют в жизни одну и ту же *базовую* историю — историю Берущих. То же самое можно сказать и об Оставляющих. Бушмены в Африке, алавы в Австралии, крин-акроры в Бразилии, навахо в Соединённых Штатах расскажут тебе совершенно разные истории о себе, но и они инсценируют в жизни одну и ту же *базовую* историю — историю Оставляющих.

— Понимаю. Важна не та история, которую рассказывают, а та, которую воплощают в жизнь.

— Правильно. Пьеса, которую последние десять тысяч лет разыгрывают Берущие, не только катастрофична для человечества и мира, она фундаментально порочна и лжива. Это плод маниакальной фантазии людей, помешанных на *власти*. Поэтому неудивительно, что культура Берущих пронизана алчностью и жестокостью, что для неё так характерны безумие, преступность и наркомания.

— Да, похоже, всё так и есть.

— В пьесе, которую на протяжении последних трёх миллионов лет разыгрывают Оставляющие, нет речи о покорении и правлении. Её воплощение в жизнь не наделяет их властью, а делает их существование радостным и полным глубокого смысла. Это сразу бросается в глаза при общении с ними. Они не негодуют, не протестуют, не доводят себя до

исступления вечными спорами о том, что надо бы разрешить, а что запретить, кто живёт правильно, а кто неправильно; не живут в страхе друг перед другом; не теряют рассудок от того, что жизнь кажется им пустой и бессмысленной; не оглушают себя наркотиками, ища в них спасение от безысходной тоски; не изобретают каждую неделю новую религию в качестве иллюзорной духовной опоры; не слоняются как неприкаянные в бесконечных поисках, чем бы заняться и во что бы поверить, чтобы жизнь обрела хоть какой-то смысл. И это, повторяю, не потому, что они живут в непосредственном контакте с тем, что ты назваешь природой, и формально не имеют правительства, и уж точно не потому, что от рождения благородны. Причина в том, что разыгрываемая ими пьеса как нельзя лучше гармонирует с их образом жизни — гармонировала на протяжении трёх миллионов лет и продолжает гармонировать по сей день в местах, куда Берущие со своим суррогатом жизни пока что не добрались.

— Звучит интригующе. Когда мы дойдём до содержания этой пьесы?

— Завтра. Во всяком случае завтра мы приступим к её обсуждению.

— Хорошо, — сказал я. — Но сегодня у меня есть вопрос напоследок. Почему *Матушка* Культура? Лично у меня этот образ не вызывает никаких возражений, но среди женщин наверняка найдутся такие, которым покажется несправедливым, что для воплощения культурного зла вы выбрали особу именно женского пола.

Измаил недовольно кашлянул.

— Я отнюдь не считаю её воплощением зла, но я понимаю, что ты имеешь в виду, и могу на этот счёт сказать следующее. Культуру везде и во все времена представляли в образе матери, поскольку её предназначение — вскармливать. Она вскармливает людей, общества, образы жизни. У Оставляющих она объясняет и поддерживает здоровый и

самодостаточный образ жизни. У Берущих она объясняет и поддерживает образ жизни, на поверку оказавшийся нездоровым и самоубийственным.

— И что это значит?

— Разве я не ответил на твой вопрос? Если культура является матерью у алав в Австралии, у бушменов в Африке и у кайяпо в Бразилии, то почему бы ей не быть матерью и у Берущих?

Часть девятая

1

Вернувшись на следующий день, я обнаружил, что обстановка в комнате изменилась: Измаил теперь сидел не за стеклянной перегородкой, а перед ней, с моей стороны, удобно устроившись на толстых подушках метрах в полутора от моего кресла. До этого я не осознавал, насколько важную роль играла перегородка в нашем с ним общении. Честно сказать, у меня от волнения даже перехватило дыхание. Рядом с этой кожано-шерстяной глыбой я чувствовал себя не в своей тарелке, но, к счастью, сумел быстро взять себя в руки. Сев в кресло, я, как всегда, приветствовал Измаила кивком головы. Он ответил мне тем же, и по его настороженному взгляду я понял, что наша близость друг к другу смущала его не меньше, чем меня.

— Прежде чем мы продолжим, — сказал Измаил, — я хочу внести ясность в одно недоразумение.

Он взял в руки альбом для рисования и показал мне схему на первой странице.

— Схема довольно простая. На ней представлена хронология Оставляющих.

Измаил что-то дорисовал на листе и снова показал мне его.

— Это ответвление, примерно 8000 лет до н. э., — начало хронологии Берущих. Какое событие здесь имеется в виду?

Он ткнул карандашом в точку с подписью «8000 лет до н. э.».

— Сельскохозяйственная революция.

— Это событие произошло в какой-то момент или заняло какой-то период времени?

— Полагаю, оно заняло какое-то время.

— И что тогда означает эта точка?

— Начало революции.

— Где нужно поставить точку, обозначающую её конец?

— Хм… — в нерешительности произнёс я. — Не знаю. Думаю, революция длилась не меньше пары тысячелетий.

— Какое событие ознаменовало её окончание?

— Тоже не знаю. Не уверен, что её окончание могло быть отмечено каким-то особым событием.

— Пробки шампанского в потолок не летели?

— Не знаю.

— Подумай.

Я подумал, но в конце концов виновато пожал плечами.

— Странно, в школе нам об этом не говорили. О сельскохозяйственной революции говорили, это я помню, но не помню, чтобы говорили о её окончании.

— Какой вывод можно из этого сделать?

— Революция не закончилась, она просто стала распространяться по всему свету. Начавшись десять тысяч лет назад, она до сих пор продолжает распространяться. В XVIII–XIX веках она охватила Северную Америку, а некоторых районов Новой Зеландии, Африки и Южной Америки достигла лишь в наши дни.

— Конечно. Теперь ты понимаешь, что ваша сельскохозяйственная революция не была событием вроде Троянской

войны, которая осталась в далёком прошлом и не имеет прямого отношения к вашей сегодняшней жизни. Работу, начатую неолитическими земледельцами на Ближнем Востоке, продолжали из поколения в поколение без единого перерыва миллионы людей, и она продолжается по сей день. Сельскохозяйственная революция сегодня лежит в основе вашей обширной цивилизации точно так же, как лежала в основе жизни самой первой крестьянской деревни.

— Понимаю.

— Думаю, теперь ты поймёшь и то, почему сказка о сотворении мира, о его предназначении и о предназначении человека занимает в вашей культуре такое важное место. Это манифест революции, на котором основана ваша культура. Это фундамент всех ваших революционных доктрин и концентрированное выражение вашего революционного духа. Она объясняет, почему революция была необходима и почему её следует продолжать любой ценой.

— Да, — сказал я, — здесь есть над чем поразмыслить.

2

— Около двух тысяч лет назад, — продолжал Измаил, — в вашей культуре произошло событие, исполненное тонкой иронии. Берущие — по крайней мере значительная их часть — дополнили свою сказку легендой, которая, как им казалось, таила в себе глубокий и загадочный смысл. Легенда уходила корнями в древние традиции одного из народов Ближнего Востока, где передавалась из поколения в поколение Берущих на протяжении многих столетий — настолько долго, что стала загадочной и для самого того народа. Знаешь почему?

— Почему она стала загадочной? Нет.

— Она стала загадочной потому, что те, кто рассказывал её изначально, были не Берущими, а Оставляющими.

Некоторое время я сидел молча, лишь удивлённо моргая, затем спросил, не может ли он повторить сказанное ещё раз.

— Около двух тысяч лет назад Берущие приняли за свою легенду, возникшую много столетий назад в среде Оставляющих.

— Хорошо. Но в чём здесь ирония?

— Ирония в том, что легенда, которую Оставляющие некогда передавали из уст в уста на протяжении поколений, рассказывала о происхождении Берущих.

— И?

— Это была легенда Оставляющих о происхождении Берущих. А Берущие приняли её *за свою собственную*.

— Боюсь, что я так и не вижу в этом иронии.

— Какого рода легенду о происхождении Берущих могли рассказывать друг другу Оставляющие?

— Ни малейшей идеи.

Глаза Измаила стали круглыми, как у совы.

— Проснувшись сегодня утром, ты, похоже, забыл включить мозг. Ничего. Я расскажу тебе одну историю моего собственного сочинения, и ты всё поймёшь.

— Хорошо.

Измаил заёрзал на своих подушках, меняя позу, а я тем временем закрыл глаза и попытался представить, что подумал бы кто-нибудь посторонний, открыв сейчас дверь и увидев нас.

3

— Если ты собираешься править миром, — сказал Измаил, — ты должен обладать одним очень специфическим знанием. Уверен, что ты меня понимаешь.

— Честно говоря, я никогда об этом не думал.

— Таким знанием Берущие, естественно, обладают — во

всяком случае думают, что обладают, — и очень этим гордятся. Это самое что ни на есть фундаментальное знание, абсолютно необходимое для тех, кто вознамерился править миром. И что, как ты думаешь, обнаруживают Берущие, когда общаются с Оставляющими?

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Они обнаруживают, что Оставляющие этим знанием не обладают. Разве это не замечательно?

— Не знаю.

— Подумай. У Берущих есть знание, которое позволяет им править миром, а у Оставляющих его нет. Миссионеры, приезжавшие к Оставляющим, прежде всего обнаруживали именно это. И они всякий раз удивлялись этому, потому что им-то самим это знание представлялось чуть ли не само собой разумеющимся.

— Даже не догадываюсь, о каком знании вы говорите.

— Я говорю о знании, которое необходимо, чтобы править миром.

— Хорошо, но в чём конкретно оно заключается?

— Ты узнаешь это из моего рассказа. Сейчас важно выяснить, *кто* обладает этим знанием. Как я уже сказал, Берущие обладают им, и это неудивительно, не правда ли? Раз они правят миром, да?

— Да.

— А у Оставляющих этого знания нет, что тоже естественно, правда?

— Думаю, да.

— А теперь скажи мне: кто ещё, помимо Берущих, непременно должен обладать этим знанием?

— Не представляю.

— Подумай мифологически.

— А… Им должны обладать боги.

— Конечно. Об этом и мой рассказ — о том, как боги обрели знание, нужное для того, чтобы править миром.

4

— Однажды, — начал Измаил, — боги обсуждали текущие вопросы управления миром, и один из них сказал: «Я тут подумал об одной местности — дикой и живописной саванне. Давайте пошлём туда великое множество саранчи. Пламя жизни возгорится в ней, как и в птицах и ящерицах, которые питаются саранчой, и это будет прекрасно».

Другие боги обдумали это предложение, после чего один из них возразил: «Это, конечно, верно, что, если мы пошлём туда саранчу, пламя жизни возгорится в ней и в существах, которые питаются ей, но всё это в ущерб всем прочим живущим там существам». Остальные боги попросили его уточнить, что он имеет в виду, и он сказал: «Несомненно, было бы страшным преступлением оставить все прочие существа без пламени жизни ради того, чтобы саранча, птицы и ящерицы одни наслаждались им некоторое время. Потому что саранча опустошит саванну, и олени, газели, козы и кролики умрут с голоду. А с исчезновением дичи львы, волки, и лисы вскоре тоже начнут умирать. Не проклянут ли они нас и не назовут ли убийцами за то, что мы предпочли им саранчу, птиц и ящериц?»

Боги озадаченно почесали затылки. Никогда прежде они не смотрели на вещи с такой точки зрения. Наконец, один из них сказал: «Не вижу в этом большой проблемы. Мы просто не станем разводить саранчу и насылать её тучами на саванну. Пусть всё там идёт своим чередом, как раньше, и ни у кого не будет причин обижаться на нас».

Большинство богов сочли идею разумной, но снова нашёлся один несогласный. «Это тоже было бы преступлением, — сказал он. — Разве саранча, птицы и ящерицы не живут у нас на ладонях, как всё остальное? У всего живого бывает пора процветания, так почему же её не должно быть у саранчи, птиц и ящериц?»

Пока боги спорили, на охоту вышла лиса, и они сказали: «Давайте пошлём ей перепёлку утолить голод». Кто-то немедленно возразил: «Это преступно — спасать лису за счёт перепёлки. Жизнь перепёлке дали мы сами, она в той же мере наше творение, как лиса. Несправедливо отправлять её в лисью пасть».

Другой бог сказал: «Смотрите, перепёлка набросилась на кузнечика! Если мы не отдадим перепёлку лисе, она съест кузнечика. Разве жизнь кузнечику дали не мы? Разве он не такое же наше творение, как перепёлка? Было бы преступлением не отдать перепёлку лисе, чтобы тем самым сохранить жизнь кузнечику».

Как ты можешь себе представить, боги пришли в полное замешательство и не знали, как поступить. Пока они спорили, наступила весна, талые воды с гор начали переполнять реки, и один из богов сказал: «Было бы преступлением позволить рекам выйти из берегов и погубить всех тех, кто живёт на суше». Другой бог тотчас же возразил: «Было бы преступлением *не* позволять рекам выйти из берегов, поскольку иначе пруды и болота высохнут и все, кто живёт в них, умрут». И боги пришли в ещё большее замешательство.

Наконец, одному из них пришла в голову на первый взгляд оригинальная мысль: «Как мы все видим, любое наше решение оборачивается добром для одних и злом для других. Поэтому давайте вообще ничего не делать. Тогда ни одно из созданий, живущих у нас на ладонях, не сможет назвать нас преступниками».

«Нонсенс, — проворчал другой бог. — Если мы ничего не будем делать, это тоже обернётся добром для одних и злом для других. Тогда создания, живущие у нас на ладонях, скажут: „Смотрите, богам нет дела до наших страданий!“»

Пока боги так препирались друг с другом, саранча наводнила саванну, и птицы и ящерицы благодарили богов за то, что позволили этому случиться, в то время как тра-

воядные и хищники умирали от голода, проклиная богов. Поскольку в отношении лисы и перепёлки боги не приняли никакого решения, лиса, вернувшись домой голодной, тоже проклинала богов, как и кузнечик, когда его сцапала уцелевшая перепёлка. А поскольку боги в конце концов не позволили рекам выйти из берегов, пруды и болота высохли, и тысячи их обитателей умерли, посылая богам проклятия.

Слыша эти проклятия, боги недовольно ворчали: «Мы превратили цветущий сад в место хаоса и террора, и всё живое ненавидит нас как преступников и тиранов. И не без оснований, потому что, выбирая между действием и бездействием, посылая кому-то счастье, а кому-то несчастье, мы принимаем решения наугад, не зная толком, как правильно поступить. Из опустошённой саранчой саванны в наш адрес раздаются проклятия, и нам нечего ответить на них. Лиса и кузнечик проклинают нас за то, что оставили в живых перепёлку, и на это нам тоже ответить нечего. С тех пор, как мы сотворили мир, пожалуй, не было дня, чтобы он не проклинал нас, поскольку мы поступаем и вправду преступно, когда в вопросах жизни и смерти действуем наугад и когда, даже приняв решение, не уверены, правильно ли оно».

Боги совсем уже пали духом, как вдруг один из них поднял голову и сказал: «Послушайте, а разве не мы же сами посадили в саду особое дерево — Древо Познания добра и зла?»

«Да! —в один голос воскликнули все остальные. — Давайте найдём это дерево, вкусим его плоды и посмотрим, что это за знание». И когда боги нашли то дерево и вкусили плоды его, глаза их открылись, и они сказали: «Вот теперь у нас и вправду есть знание, как ухаживать за нашим садом, не становясь преступниками и не заслуживая проклятий от всех, кто живёт у нас на ладонях».

В этот радостный для богов момент лев отправился на охоту, и они сказали себе: «Сегодня очередь льва остаться голодным, а олень, которого он иначе съел бы, пусть себе поживёт

ещё день». Так лев остался без добычи и, вернувшись домой голодным, начал было проклинать богов. Но боги сказали ему: «Успокойся, ибо мы знаем, как править миром, и сегодня твоя очередь остаться голодным». И лев успокоился.

На следующий день лев снова отправился на охоту, и боги послали ему того оленя, которого пощадили накануне. И когда олень почувствовал клыки льва у себя на шее, он начал было проклинать богов. Но боги сказали ему: «Успокойся, ибо мы знаем, как править миром, и сегодня тебе пришло время умереть, как вчера было время жить». И олень успокоился.

И тогда боги сказали себе: «Знание добра и зла и вправду могучая сила, потому что позволяет нам править миром, не превращаясь в преступников. Если бы вчера мы оставили льва голодным без этого знания, мы, несомненно, совершили бы преступление. И если бы сегодня мы отдали оленя льву без этого знания, мы, несомненно, тоже совершили бы преступление. А с этим знанием мы приняли два в некотором роде противоположных решения, и ни одно из них не было преступлением».

Случилось так, что, когда боги вкушали от Древа Познания добра и зла, один из них отсутствовал по делам. Узнав по возвращении, как боги поступили со львом и оленем, он сказал: «В каком-то одном из этих двух случаев вы несомненно совершили преступление, потому что это противоположные случаи, и что было справедливо в одном, автоматически несправедливо в другом. Если в первый день вы оставили льва голодным и сочли это добрым делом, то отдать ему на съедение оленя на следующий день было делом злым. А если отдать ему на съедение оленя во второй день было добрым делом, то оставлять его голодным в первый день было делом злым».

Остальные боги кивнули и сказали: «Да, в точности так мы и рассуждали до того, как вкусили от Древа Познания добра и зла».

«Что это за Древо Познания?» — спросил бог, впервые услышавший о таком дереве.

«Попробуй, — сказали остальные боги, протягивая ему плод. — Сам сразу поймёшь».

Он попробовал, и глаза его тотчас открылись.

«Да, теперь я всё понимаю, — сказал он. — Это поистине знание, достойное лишь богов, — *знание того, кому жить, а кому умереть*».

5

— Вопросов пока нет? — спросил Измаил.

Рассказ настолько увлёк меня, что я даже вздрогнул от неожиданности.

— Нет. Ваш рассказ поражает воображение.

Измаил продолжил.

6

— Увидев, что Адам просыпается, боги сказали себе: «Вот существо, настолько похожее на нас, что ему почти что место в нашей компании. Какую продолжительность жизни и какую судьбу мы ему уготовим?»

Один из богов сказал: «Он так невинен, пусть живёт столько же, сколько планета. Пока он маленький, окружим его той же заботой, что и других обитателей сада, чтобы запомнил, как сладка жизнь под опекой богов. Подростком, однако, он наверняка начнёт понимать, что способен на большее, чем остальные наши творения, и наша опека станет стеснять его. Тогда, возможно, будет неплохо подвести его к самому лучшему дереву в нашем саду — Древу Жизни».

Другой бог возразил: «Нужно ли его, как ребёнка, подво-

дить к Древу Жизни до того, как он сам станет искать его? Так мы помешаем пробуждению в нём любознательности и тяги к великим свершениям — залогов мудрости и веры в себя. Поскольку в детстве мы окружим его всей той заботой, какая нужна ребёнку, на отрочество давайте заложим в него страсть к поиску — поиску Древа Жизни. Так он сам откроет для себя, как можно жить столько же, сколько живёт планета».

Остальные согласились с этим планом, но один из богов заметил: «Мы должны учесть, что этот поиск может оказаться для Адама долгим и трудным. Юность нетерпелива, и через несколько тысячелетий он может отчаяться найти Древо Жизни. В этом случае вместо Древа Жизни у него может возникнуть соблазн вкусить от Древа Познания добра и зла».

«Ничего страшного, — сказали другие. — Как ты отлично знаешь, плодами этого дерева могут насытиться только боги. Для Адама они не сытнее, чем трава или сено. Даже если он разжуёт и проглотит плод, тот пройдёт через его пищевод без задержки. Не думаешь же ты, что Адам в самом деле сможет обрести наше знание, если вкусит от Древа Познания?»

«Конечно, нет, — ответил бог. — Но опасность не в том, что он сравняется с нами в знании добра и зла, а в том, что он может *вообразить* себе, будто сравнялся. Вкусив от Древа Познания, он может сказать себе: „Я вкусил от древа богов и теперь знаю не хуже их, как править миром. Значит, отныне я могу делать всё, что мне заблагорассудится“».

«Это абсурд, — возразили другие боги. — Не настолько же Адам глуп, чтобы вообразить, будто овладел знанием, позволяющим нам править миром и делать всё, что нам хочется? Ни одно из наших созданий не может овладеть знанием того, кому жить, а кому умереть. Это знание принадлежит нам одним, и, даже если Адаму суждено жить до самой смерти Вселенной, с каждым годом становясь всё мудрее, он никогда не приблизится к этому знанию».

Но и этим аргументом боги не убедили своего недоверчивого собрата. «Если Адам вкусит от нашего древа, — настаивал он, — он вполне может истолковать наше знание на свой лад. Не зная истину, он может сказать себе: „Всякий поступок, которому я найду оправдание, это хороший поступок, а которому не найду — плохой“».

Другие боги рассмеялись: «Но это же не знание добра и зла!»

«Конечно, нет, — ответил недоверчивый бог. — Но откуда Адаму об этом знать?»

Остальные боги, пожав плечами, сказали: «В детстве Адаму вполне может показаться, что он достаточно мудр, чтобы править миром. Ну и пусть. Повзрослев, он сам сочтёт эту мысль инфантильной глупостью».

«Вы не понимаете, — не унимался недоверчивый бог. — Если Адам будет настолько самонадеянным в детстве, то *доживёт* ли он до зрелости? Вообразив себя равным нам, он может наломать дров. В своей самонадеянности он может посмотреть на наш сад и сказать: „Здесь всё неправильно. С какой стати я должен делить пламя жизни со всеми этими существами? Львы, волки и лисы пожирают добычу, которая могла быть моей. Это нехорошо. Хорошо будет, если я истреблю их всех. Или вот кролики, кузнечики и воробьи кормятся дарами земли, которые я с удовольствием съел бы сам. Это нехорошо. Хорошо будет, если я истреблю их всех. И почему боги установили предел численности людей, как установили пределы численности всех прочих существ? Это нехорошо. Я буду плодиться неограниченно и заберу себе всё пламя жизни в райском саду. Вот это будет хорошо“. Скажите-ка, если так случится, то много ли времени потребуется Адаму, чтобы поглотить весь мир?»

«Если так случится, — ответили остальные боги, — то Адам поглотит весь мир в один день, а к вечеру поглотит и самого себя».

«Вот именно, — сказал недоверчивый бог. — И хорошо ещё, если он ограничится одной лишь этой планетой. В противном случае он поглотит всю Вселенную. Но и тогда он неизбежно закончит тем, что поглотит и самого себя, как происходит со всем, что плодится не зная предела».

«Это и вправду был бы ужасный конец для Адама, — сказал другой бог. — Но где гарантия, что он избежит его, если не вкусит от Древа Познания добра и зла? Даже не будучи уверенным в своей непогрешимости, сможет ли он обуздать в себе желание плодиться до бесконечности и завладеть всем пламенем жизни в мире?»

«Есть такой риск, — согласились остальные. — Но что получится в результате? Он станет преступником, изгоем, вором, укравшим пламя жизни, убийцей всего живого. Без иллюзии, что каждый его поступок несёт добро, а значит, оправдывает любые жертвы, жизнь изгоя вскоре станет для него невыносимой. В его поиске Древа Жизни такое, конечно, тоже возможно, но если он вкусит от нашего Древа Познания, то уж точно не станет отчаиваться, а скажет себе: „Неважно, что мне неприятно чувствовать себя убийцей всего живого. Я знаю разницу между добром и злом, и своими поступками творю лишь добро. А значит, я должен продолжать своё дело невзирая на смертельную усталость, невзирая даже на то, что своими действиями могу погубить и мир, и себя. Боги написали для мира закон, которому все должны следовать, но этот закон не может распространяться на меня, потому что я равен богам. Поэтому я буду жить вне этого закона и плодиться неограниченно. Ограничения — это зло. Я украду огонь жизни из рук богов, он позволит мне плодиться до бесконечности, и в этом не будет зла, а будет одно лишь добро. Я уничтожу всё живое, что не содействует моему размножению, и это тоже будет актом добра. Я отниму у богов райский сад и наведу в нём новый порядок, который будет служить исключительно моему размноже-

нию, и это будет актом добра. И поскольку всё это акты добра, они должны быть совершены любой ценой. Может случиться, что я разорю и совсем уничтожу сад. Может случиться, что мои потомки заполонят землю, как саранча, превратят её в безжизненную пустыню и будут жить, утопая в собственных экскрементах, ненавидя друг друга и лишаясь рассудка. Но они должны будут продолжать так жить, потому что безграничное размножение — это добро, а подчинение закону, ограничивающему размножение, — это зло. И если кто-нибудь скажет: „Давайте сбросим с себя бремя преступной жизни и снова станем жить под опекой богов“, — я убью его как злодея. И если кто-нибудь скажет: „Давайте перестанем жить в нищете и отыщем, наконец, Древо Жизни“, — его я тоже убью как злодея. И даже когда весь сад покорится мне, когда всё живое, что не содействует моему размножению, будет истреблено и когда весь огонь жизни в мире будет пылать лишь в моих потомках, я должен буду по-прежнему продолжать размножаться. И я скажу людям одной страны: „Размножайтесь, ибо этим вы творите добро“, и они будут размножаться. И людям другой страны я скажу: „Размножайтесь, ибо этим вы творите добро“, и они будут размножаться. И когда больше не останется места для размножения, одна страна нападёт на другую, истребит её население, и люди смогут размножаться опять. И если стоны моих потомков раздадутся над миром, я скажу им: „Терпите безропотно, ибо вы страдаете во имя добра. Смотрите, какими мы стали великими! Мы познали добро и зло и благодаря этому стали владыками мира. Сами боги не имеют над нами власти. Вы стонете от страданий, но разве не лучше жизнь, когда она зависит от вас самих, а не от каких-то богов?“»

Выслушав всё это, боги согласились, что Древо Познания добра и зла может погубить Адама. И они сказали ему: «Ты можешь есть плоды с любого из деревьев в саду, но плоды с Древа Познания добра и зла не трогай, иначе умрёшь».

7

Некоторое время я сидел в глубокой задумчивости, затем вспомнил, что в странной коллекции книг Измаила была и Библия. На этажерке она оказалась даже в трёх переводах. Несколько минут я сравнивал тексты в начале Книги Бытия, после чего сказал:

— Ни в одном варианте нет комментария, который объяснял бы, почему плоды именно этого дерева были запретными для Адама.

— Ты надеялся найти объяснение?

— Вообще-то да.

— Комментарии пишут Берущие, а эпизод с этим деревом всегда был для них неразрешимой загадкой. Они до сих пор не могут понять, почему человеку нужно было запрещать познание добра и зла. Ты понимаешь почему?

— Нет.

— По мнению Берущих, это самое лучшее, самое полезное знание для человека. Вот они и не понимают, почему боги скрывали его от Адама.

— Верно.

— Знание добра и зла совершенно необходимо правителям мира, потому что каждое их действие оборачивается добром для одних и злом для других. В этом кроется самая суть правления, на правда ли?

— Да.

— А человек был рождён, чтобы править миром.

— Да. Согласно мифологии Берущих.

— Зачем тогда было богам скрывать от человека как раз то знание, которое больше любого другого необходимо ему для выполнения его предназначения? С точки зрения Берущих, это противоречит здравому смыслу.

— Да.

— Началом катастрофы можно считать момент, когда

десять тысяч лет назад люди вашей культуры сказали: «Мы не глупее богов и можем править миром не хуже их». Взяв в свои руки власть над жизнью и смертью в мире, они вынесли себе смертный приговор.

— Да. Потому что на самом деле они глупее богов.

— Боги правили миром миллиарды лет, и всё шло прекрасно. А за несколько тысячелетий человеческого правления мир оказался на краю гибели.

— Да. Но Берущие никогда не откажутся от власти.

Измаил пожал плечами.

— Тогда они умрут. Как и было предсказано. Авторы этого эпизода знали, о чём говорили.

8

— И вы считаете, что этот эпизод был написан с позиции Оставляющих?

— Да. Если бы он был написан с позиции Берущих, знание добра и зла не было бы запрещено Адаму, оно было бы *даровано* ему. Боги окружили бы его и сказали: «Эй, человек, разве ты не понимаешь, что без этого знания ты ничто? Хватит жить чем боги пошлют, как лев или вомбат. Вот, отведай эти плоды, и ты сразу поймёшь, что ты наг, как какой-нибудь лев или вомбат, и, как они, бессилен перед окружающим тебя миром. На вот, ешь и становись вровень с нами. Счастливчик, теперь ты можешь покинуть наш сад и в дальнейшем жить по-людски, то есть в поте лица своего». Если бы авторами этого эпизода были люди с вашими культурными представлениями, они не назвали бы это «грехопадением» — они назвали бы это «вознесением» или, как ты однажды сказал, «освобождением».

— Верно. Но я не вполне понимаю, как это согласуется со всем остальным.

— Мы всё время углубляемся в нашу главную тему: *как случилось, что всё сложилось именно так*.

— Не вижу связи.

— Минуту назад ты сказал мне, что Берущие никогда не откажутся от своей тирании над миром, как бы плохо ни шли у них дела. Как они стали такими?

Я смотрел на него с прежним недоумением.

— Их сделала такими уверенность в том, что они с самого начала всё делали правильно, а значит, должны любой ценой продолжать следовать тем же курсом. Они всегда верили, что, как боги, в точности знают, что правильно и что неправильно, и ни на секунду не сомневались, что действуют правильно. Знаешь, чем они подтвердили это?

— Нет.

— Они подтвердили это, заставив всех людей в мире жить и действовать как *они*. Всех *нужно* было заставить жить так, как Берущие, поскольку одни Берущие знали, как *правильно* жить.

— Да, понимаю.

— Для Оставляющих сельское хозяйство не было чем-то новым, им занимались многие их народы, но им никогда и в голову не приходило считать его *правильным занятием для всех в мире* и уж тем более стремиться вспахать и засеять каждый квадратный метр планеты. Они не говорили соседям: «Вам больше не следует заниматься охотой и собирательством. Это неправильно. Это плохо, и мы запрещаем вам это. Начинайте пахать свою землю или мы уничтожим вас». Наоборот, они говорили: «Вы хотите остаться охотниками-собирателями? Отлично. Дело ваше. А мы хотим заниматься сельским хозяйством. Вы предпочитаете жить охотой и собирательством, а мы — сельским хозяйством. Мы не претендуем на знание того, как жить *правильно*. Это вопрос *предпочтения* и ничего больше».

— Понимаю.

— Если им надоедало заниматься сельским хозяйством, или если им не нравилось его влияние на их жизнь в их конкретных условиях, они в любой момент *могли* отказаться от него. Они не говорили себе: «Мы должны продолжать жить сельским хозяйством, даже если оно убьёт нас, потому что так жить *правильно*».

Например, на юго-востоке нынешней Аризоны когда-то жил народ, который решил сделать тамошнюю пустыню пригодной для сельского хозяйства и с этой целью построил обширную сеть ирригационных каналов. Каналы служили тому народу верой и правдой в течение трёх тысяч лет и позволили создать довольно высокоразвитую цивилизацию, однако в один прекрасный день люди сказали себе: «Блага такого образа жизни достаются слишком уж изнурительным трудом, в старину жизнь была гораздо приятнее». И ушли в неизвестном направлении, бросив свою высокоразвитую цивилизацию вместе с её каналами. О своём неудачном эксперименте они забыли, видимо, очень быстро, потому что сегодня уже неизвестно, как они себя называли. В преданиях индейцев пима тот народ упоминается просто как «хохокам» — «исчезнувшие».

У Берущих положение намного сложнее. Им гораздо труднее всё бросить, потому что они уверены, что всё делают *правильно* и должны продолжать это делать, даже если своими действиями уничтожат мир и самих себя.

— Да, всё выглядит именно так.

— Всё бросить значило бы… Что?

— Всё бросить значило бы… Это значило бы, что они с самого начала действовали *неправильно*. Это значило бы, что они никогда не знали, как править миром… Это значило бы, что их претензия на равенство богам не основана ни на чём.

— Им пришлось бы выплюнуть запретный плод и вернуть власть над миром богам.

— Да.

9

Измаил кивнул на стопку библий у моих ног.

— Авторы этих текстов говорят нам, что люди, жившие в междуречье Тигра и Евфрата, вкусили от божественного Древа Познания добра и зла. Как ты думаешь, откуда они это взяли?

— Что именно?

— Что навело авторов этих текстов на мысль, что жители Плодородного полумесяца вкусили запретный плод? Думаешь, они видели это собственными глазами? Думаешь, они были очевидцами начала сельскохозяйственной революции?

— Думаю, это возможно.

— Подумай ещё. Если они видели это собственными глазами, то кем они должны были быть?

— Ах, ну да. Тогда это они и вкусили запретный плод. Тогда это были Берущие.

— Но, как мы уже выяснили, Берущие рассказали бы историю грехопадения совершенно иначе.

— Да.

— Значит, авторы библейских текстов не были очевидцами того, о чём писали. Как же тогда они узнали о случившемся? Как они узнали о том, что Берущие узурпировали власть богов над миром?

— Господи… — вырвалось у меня.

— Кем были авторы этого эпизода?

— Евреями?

Измаил покачал головой.

— В народе, известном как еврейский, эту историю знали с глубокой древности и тоже считали загадочной. Евреи возникли на исторической сцене как Берущие, и у них не было другого желания, кроме как во всём походить на живших по соседству других Берущих. За это, кстати, их пророки постоянно ругали их.

— Верно.

— Итак, они сохранили эту историю в своих преданиях, но со временем перестали понимать её полный смысл. Лучше всех его понимали, естественно, авторы. Кем они были?

— Должно быть, это были предки евреев.

— Кем были их предки?

— Боюсь, что не знаю.

Измаил недовольно поморщился

— Я не могу запретить тебе отвечать «Не знаю», но я настаиваю, чтобы ты хоть немножко *думал,* прежде чем так отвечать.

Помолчав несколько секунд (просто из вежливости), я сказал:

— Прошу прощения, но мои познания в древней истории весьма незначительны.

— Древними предками евреев были семиты.

— Да?

— Не притворяйся, что слышишь об этом впервые.

— Не впервые. Просто я…

— Просто ты поленился слегка напрячь память.

— Виноват.

Измаил заворочался на своих подушках, и мне, признаться, стало не по себе от мысли, что, если эта полутонная глыба случайно потеряет равновесие, она запросто раздавит меня. (Если вы никогда не видели, как передвигаются гориллы, сходите в зоопарк или посмотрите видео про них на канале «National Geographic», потому что описать это словами мне не под силу.)

Поднявшись, он проковылял к этажерке, взял с неё исторический атлас и, открыв его на карте с изображением Европы и Ближнего Востока в 8500 г. до н. э., протянул мне. Похожая на серп линия отчётливо делила Аравийский полуостров на две неравные части. Надпись «Зарождение сельского хозяйства» проходила прямо по центру Плодородного

полумесяца, а несколько точек указывали места, где были обнаружены ранние поселения земледельцев.

— Мне кажется, эта карта не вполне достоверна, — сказал Измаил. — Хотя вряд ли это умышленная неточность. Глядя на неё, можно подумать, что сельскохозяйственная революция началась на пустом месте. Моя собственная карта в этом отношении достовернее.

Он раскрыл свой альбом и показал мне рисунок.

— Здесь показана ситуация пятьсот лет спустя. Сельскохозяйственная революция уже в полном разгаре. Регион, где уже существуют земледельческие хозяйства, заполнен штрихами.

Измаил указал карандашом на территорию между Тигром и Евфратом.

— Это Междуречье, колыбель Берущих. А что, по-твоему, означают точки вокруг?

— Там живут Оставляющие.

— Верно. Точки не отражают плотность их населения и не означают, что Оставляющие занимали там каждый клочок земли. Они лишь показывают, что пространство вокруг Плодородного полумесяца вовсе не было безлюдной пустыней. Тебе всё понятно на этой карте?

— Думаю, да. Райский сад, где случилось грехопадение, располагался в Плодородном полумесяце и был окружён народами, не занимавшимися сельским хозяйством.

— Да, но карта также показывает, что тогда, в начале вашей сельскохозяйственной революции, первые Берущие, основатели вашей культуры, представляли собой никому не известное, изолированное и незначительное сообщество. На следующей карте в историческом атласе изображена ситуация четыре тысячи лет спустя. Какой ты её себе представляешь?

— Думаю, Берущие занимают там более обширные территории.

Измаил кивнул и взглядом предложил мне перевернуть страницу. Овал под названием «Культуры медного века» с центром в Месопотамии включал в себя всю Малую Азию и все земли к северу и востоку до Каспийского моря и Персидского залива. На юге овал граничил с Аравийским полуостровом, на чьей заштрихованной территории было написано: «Семиты».

— А вот и наши свидетели, — сказал Измаил.

— Как это?

— Семиты не были очевидцами событий, описанных в третьей главе Бытия.

Измаил начертил небольшой овал в центре Плодородного полумесяца.

— События, обобщённо называемые «грехопадением», произошли здесь, в сотнях километров к северу от семитов, в этнически совершенно другой среде. Ты знаешь, что это были за люди?

— Судя по карте, это были люди европеоидной расы.

— Таким образом, в 4500 г. до н. э. экспансия Берущих происходила уже в непосредственной близости от семитов и у них на глазах.

— Да.

— За четыре тысячи лет сельскохозяйственная революция, начавшись в Междуречье, распространилась на запад в Малую Азию и на север и восток до самых гор. На юге, однако, кто-то, похоже, преградил ей дорогу. Кто?

— Семиты, видимо.

— Почему? Почему семиты не впустили её?

— Не знаю.

— Кем были семиты? Занимались ли они земледелием?

— Нет. На карте ясно показано, что они не принимали участия в том, что происходило у Берущих. Значит, они были Оставляющими.

— Оставляющими — да, но уже не охотниками-собирателями. Они перешли на другой образ жизни, ставший традиционным для семитских народов.

— Вспомнил, они были овцеводами.

— Конечно. Они разводили скот.

Измаил указал на границу между Берущими медного века и семитами.

— Так что здесь происходило?

— Не знаю.

Измаил кивнул на библии, лежавшие стопкой у моих ног.

— Перечитай историю Каина и Авеля в Книге Бытия, и ты узнаешь.

Я взял первый попавшийся том, пролистал до четвёртой главы Бытия и через пару минут сдавленным голосом произнёс:

— Боже праведный!

10

Прочитав эпизод во всех трёх изданиях, я сказал:

— Происходившее на той границе укладывается в одну короткую фразу: *там Каин убивал Авеля*. Земледельцы орошали свои поля кровью скотоводов-семитов.

— Конечно. Происходившее там неизменно происходило на всех границах Берущих. Их территориальная экспансия сопровождалась систематическим истреблением Оставляющих.

Измаил взял свой альбом и открыл страницу с его собственной картой того периода.

— Как видишь, Берущие завладели всем регионом, кроме семитских земель. Вот здесь, на границе, отделяющей земледельцев от овцеводов-семитов, противостоят друг другу Каин и Авель.

Я некоторое время рассматривал карту, затем покачал головой.

— И никто из теологов этого не заметил?

— Что совсем никто не заметил, я, конечно, утверждать не могу. Но большинство людей не связывают этот эпизод с каким-то реальным историческим местом, как не ищут на карте место действия басен Эзопа. В любом случае они вряд ли увидели бы в этом образец военной пропаганды семитов.

— А зря. Насколько я знаю, для теологов всегда было загадкой, почему Бог принял дар Авеля и отверг дар Каина. Но теперь всё понятно. Этим эпизодом семиты говорили своим детям: «Бог на нашей стороне. Он любит нас, овцеводов, и ненавидит северных земледельцев-убийц».

— Верно. Если считать, что авторами этого эпизода были ваши культурные предки, тогда он вызывает недоумение. Но всё становится на свои места, когда понимаешь, что он отражает точку зрения *врагов* ваших культурных предков.

— Да, — задумчиво сказал я и снова взглянул на карту. — Если земледельцы с севера принадлежали к европеоидной расе, то печать Каина выглядит *вот так*.

И я указал пальцем на собственное лицо.

— Возможно. Хотя мы, конечно, никогда не сможем с уверенностью сказать, что именно подразумевали авторы.

— Но так всё *сходится*, — настаивал я. — Печать Каина должна была служить предостережением: «Держитесь подальше от этого человека. Он опасен, за него отмстится всемеро». Думаю, многие в мире уже усвоили, что с людьми белой расы лучше не связываться.

Измаил пожал плечами, то ли не соглашаясь со мной, то ли не считая этот вопрос достаточно важным.

11

— Рисуя первую карту, я потратил массу времени на заполнение точками тех территорий на Ближнем Востоке, где к

началу вашей сельскохозяйственной революции жили Оставляющие. На второй карте точек пришлось рисовать значительно меньше. Что, по-твоему, случилось с теми народами за четыре тысячи лет?

— Я бы сказал, что они либо были завоёваны и ассимилировались, либо сами занялись земледелием по примеру Берущих.

Измаил кивнул.

— Разумеется, у разных народов были разные легенды о той революции, разные объяснения того, как жители Плодородного полумесяца стали такими, какими стали, но лишь одна из тех легенд дошла до нас — та, в которой семиты рассказывали о грехопадении Адама и убийстве Каином его брата Авеля. Сохранилась она потому, что Берущим никогда не удалось покорить семитов, а сами семиты не захотели перенять образ жизни Берущих. Даже у евреев, впоследствии ставших Берущими и сохранивших в своих преданиях этот миф (утратив со временем его адекватное понимание), земледелие и много поколений спустя не вызывало большого энтузиазма.

Вот так и вышло, что с возникновением христианства Берущие включили в Ветхий Завет легенду, которая, как им казалось, была их собственной, а на самом деле родилась в стане их врагов и носила откровенно обличительный характер.

12

— Так откуда же всё-таки взялась у семитов идея о том, что жители Плодородного полумесяца вкусили от божественного Древа Познания?

— Думаю, они пришли к этой идее методом дедукции. Понаблюдали за поведением агрессоров и спросили себя: «Господи, да как же они до этого опустились?»

— И что они ответили себе на этот вопрос?

— Они спросили себя: «Что не так с этими людьми? Что случилось с нашими северными братьями? Почему они так ведут себя с нами? Они действуют, будто…» Мне нужно немного подумать.

— Мы никуда не спешим.

— Хорошо, — сказал я несколько минут спустя. — Вот как, я думаю, рассуждали семиты.

«Это что-то принципиально новое. Раньше они порой совершали набеги или выстраивались на границе, бряцали оружием и скалили зубы, просто чтобы продемонстрировать, что они здесь и что с ними надо считаться. Теперь наши северные братья стали вести себя совсем по-другому. Они говорят нам, что мы должны умереть. Они говорят, что Авеля нужно стереть с лица земли. Они говорят, что не позволят нам жить. Это что-то новое, и мы этого не понимаем. Почему они не могут просто возделывать свою землю, не мешая нам жить и пасти овец? Почему им непременно нужно нас истребить?

Что-то ужасное, должно быть, случилось с ними, раз они превратились в убийц. Но что? Давайте подумаем… Смотрите, как они стали жить. Никто так раньше не жил. Они угрожают смертью не только нам. Они угрожают смертью всем и всему на свете. Они убивают не только нас, а вообще всё живое. Они говорят: „Вы, львы, мешаете нам. Пора вас всех уничтожить“. Они говорят: „Вы, волки, тоже мешаете нам. Пора уничтожить и вас“. Они говорят: „Никто не ест, кроме нас. Всё съедобное принадлежит нам, и никто не вправе есть без нашего разрешения“. Они говорят: „Кому мы позволим жить, тот будет жить, а кому не позволим — умрёт“.

Вот оно что: они возомнили себя богами! Они ведут себя так, будто вкусили от древа мудрости, стали мудры как боги и теперь считают себя вправе решать, кому жить, а кому умереть.

Да, так и есть. Похоже, так и случилось. Они нашли древо мудрости и украли его плоды.

Точно! Со всей очевидностью, эти люди прокляты. Узнав о том, что они натворили, боги сказали: „Несчастные, горе вам! Мы больше не станем вас опекать. Убирайтесь! Мы изгоняем вас из сада. Отныне вы будете жить не от наших щедрот, а добывать хлеб насущный в поте лица своего“. Вот как случилось, что эти проклятые богами пахари пали настолько низко, что начали убивать нас и орошать свои поля нашей кровью».

Когда я закончил, Измаил сложил вместе свои ладони в знак беззвучного одобрения.

Я ответил смущённой улыбкой и шутливым поклоном.

13

— Одним из самых красноречивых указаний на то, что авторы этих двух эпизодов не были вашими культурными предками, можно считать тот факт, что сельское хозяйство представлено в них не как благословенный результат свободного выбора, а как проклятие. Авторы этих эпизодов явно не представляли, что кто-то в здравом уме мог *предпочесть* жить в поте лица своего. Поэтому они не спрашивали себя: «Почему эти люди выбрали такой изнурительный образ жизни?» Вопрос у них был другим: «Что за страшное злодеяние они совершили, чтобы заслужить подобное наказание? Что они натворили, чтобы боги отказали им в своей щедрости, благодаря которой все остальные существа на земле живут без забот?»

— Да, теперь это очевидно. В истории нашей культуры возникновение сельского хозяйства представлено как прелюдия к раю на земле. А в этих эпизодах Бытия оно — участь падших.

14

— У меня вопрос, — сказал я. — Почему в Бытии сказано, что Каин был первенцем Адама, а Авель — его младшим сыном?

Измаил кивнул.

— Разница здесь не столько хронологическая, сколько мифологическая. То же самое мы встречаем повсюду в народных сказках: из двух сыновей один всегда хороший, а другой плохой, и почти всегда плохим в итоге оказывается первенец, любимчик отца, а младший сын, обделённый любовью, — хорошим.

— Пусть так, но почему семиты вообще считали Адама своим прародителем?

— Ты смешиваешь метафорическое мышление с биологическим. Семиты не считали Адама своим биологическим прародителем.

— Откуда вы это знаете?

Измаил ненадолго задумался.

— Что означает «Адам» в переводе с иврита? Как называли его семиты, мы знать не можем, но имя наверняка имело то же значение.

— «Человек».

— Конечно. Род человеческий. Возможно ли, чтобы семиты считали своим биологическим прародителем род человеческий?

— Нет, конечно.

— И я так думаю. Родственные связи в этих эпизодах Бытия следует понимать метафорически, а не биологически. В восприятии авторов грехопадение разделило человеческий род на две части — на плохих и хороших, на земледельцев и скотоводов, и первые начали истреблять вторых.

— Понятно, — сказал я.

15

— Извините, но у меня ещё вопрос, — сказал я.

— Нет нужды извиняться. Ты здесь для этого.

— Хорошо. Вопрос у меня такой: какую роль во всём этом играет Ева?

— Как переводится её имя?

— В комментариях сказано, что «Ева» значит «жизнь».

— Не «женщина»?

— Нет, если верить комментариям.

— Назвав её этим именем, авторы однозначно дали понять, что в искушении Адама не было ничего сексуального. Его влечение к Еве не было влечением к *женщине*, оно было влечением к *жизни*.

— Не понимаю.

— Подумай: сто мужчин и одна женщина не могут произвести на свет сто детей, а один мужчина и сто женщин — могут.

— И что из этого следует?

— Что в плане демографической экспансии мужчинам и женщинам принадлежат принципиально разные роли. В этом отношении между ними нет и не может быть равенства.

— Хорошо. Но как это связано с нашей темой?

— Попробуй представить себе мышление народа, не знающего сельского хозяйства и привыкшего в целях своего выживания постоянно контролировать свою численность. Приведу упрощённый пример. В племени овцеводов, состоящем из пятидесяти мужчин и одной женщины, демографический взрыв невозможен, но в племени, состоящем из одного мужчины и пятидесяти женщин, он более чем вероятен. Люди есть люди, и их численность в этом племени удвоится в считанные месяцы.

— Верно. Но как это связано с Книгой Бытия?

— Немного терпения. Давай ещё раз вернёмся к её авто-

рам — овцеводам, которых земледельцы с севера оттесняли в пустыню. Зачем они это делали?

— Они хотели захватить их земли и превратить их в сельскохозяйственные угодья.

— Да, но зачем?

— А, понимаю. Им нужно было производить больше продовольствия для их растущего населения.

— Конечно. Теперь ты готов провести ещё одну реконструкцию. Как ты видишь, земледельцы в своей экспансии не знают чувства меры — они не контролируют свою численность, и когда продовольствия начинает недоставать, просто возделывают больше земель.

— Да.

— Так какое значение имело для них соотношение полов?

— Кажется, начинаю понимать, но пока очень смутно.

— Взгляни на ситуацию под другим углом. Семитам, как большинству народов, не занимавшихся земледелием, приходилось строго следить за соотношением полов. При переизбытке мужчин численность их населения могла оставаться стабильной, но не при переизбытке женщин. Это ты понимаешь?

— Да.

— Семиты, однако, заметили, что для их северных братьев соотношение полов не имело никакого значения. Если их численность возрастала сверх меры, они просто увеличивали посевные площади.

— Да, понимаю.

— Можно сформулировать это иначе. Три миллиона лет Адам и Ева жили в райском саду, довольствуясь щедротами богов, и численность их потомства росла очень скромными темпами. При образе жизни Оставляющих так и *должно было быть*. Как все Оставляющие, они не нуждались в божественной прерогативе решать, кому жить, а кому умереть. Когда же Ева открыла Адаму знание добра и зла, он сказал:

«Теперь я всё понимаю. С таким знанием мы больше не зависим от щедрот богов. Мы сами теперь решаем, кому жить, а кому умереть, и можем создать изобилие для себя одних, стать безраздельными хозяевами жизни и плодиться, не зная пределов». Здесь важно понять вот что: стать хозяевами жизни и познать добро и зло — это аспекты одного и того же действия, и именно так это представлено в Книге Бытия.

— Да. Немного запутанно, но понятно. Приняв из рук Евы плод с Древа Познания, Адам поддался искушению жить без ограничений, поэтому женщину, предложившую ему этот плод, и зовут «Жизнь».

Измаил кивнул.

— Всякий раз, когда супружеская пара Берущих обсуждает вопрос о том, как прекрасно иметь большую семью, она повторяет всё ту же сцену у Древа Познания добра и зла. Супруги говорят друг другу: «Это мы решаем, кому и в каких количествах жить на этой планете. С какой стати нам останавливаться на четырёх или шести? Если захотим, можем завести и пятнадцать детей. Для этого будет достаточно вырубить ещё пару-тройку гектаров тропического леса, а что в результате вымрет ещё одна дюжина биологических видов, нас не волнует».

16

Что-то ещё не вписывалось в общую картину, но я никак не мог сообразить, что именно.

Измаил снова напомнил мне, что спешить нам некуда.

Несколько минут спустя, видя, что я безнадёжно запутался в мыслях, он сказал:

— Не надейся, что сможешь сформулировать все вопросы так, как если бы речь шла о событиях нашего времени. Семиты в те времена жили на Аравийском полуострове

практически в полной изоляции — от остального мира их со всех сторон отделяли или море, или потомки Каина. В их представлении весь человеческий род состоял лишь из них самих и их северных братьев. В таком ракурсе они и воспринимали всё, что тогда происходило. Откуда им было знать, что Адам вкусил от Древа Познания добра и зла лишь в этом крохотном уголке планеты, что Плодородный полумесяц был лишь одним из множества мест, где люди начали возделывать землю, и что в разных уголках мира ещё оставалось много людей, продолжавших жить так, как Адам жил до грехопадения?

— Верно, — сказал я. — Я пытался увязать это со всей той информацией, какой мы располагаем сегодня, но мне это явно не под силу.

17

— Думаю, можно с уверенностью сказать, что легенда о грехопадении Адама — самая известная легенда в мире.

— По крайней мере на Западе, — сказал я.

— О, она хорошо известна и на Востоке — христианские миссионеры донесли её до всех уголков мира. Она очень привлекательна для Берущих, где бы они ни жили.

— Да.

— А почему?

— Она будто бы объясняет, что пошло не так.

— А что пошло не так? Как люди понимают эту легенду?

— Адам, первый человек, вкусил запретный плод.

— И что люди под этим понимают?

— Честно говоря, не знаю. Я не слышал ни одного вразумительного объяснения.

— А насчёт познания добра и зла?

— Об этом тоже не слышал вразумительных объяснений.

Думаю, в представлении большинства боги хотели проверить, насколько Адам послушен, и решили запретить ему что-нибудь — что именно, не имело большого значения. К этому и сводится смысл грехопадения — это был акт неповиновения.

— То есть, никакой связи с познанием добра и зла?

— Никакой. Некоторые, правда, считают, что познание добра и зла — это просто символ… Не знаю точно чего. Под грехопадением принято понимать утрату невинности.

— В данном контексте невинность равнозначна блаженству в неведении.

— Да. Что-то вроде этого: человек был невинен, пока не познал разницу между добром и злом. Тогда его невинности пришёл конец, и он стал падшим созданием.

— Боюсь, что не вижу в таком понимании смысла.

— Признаться, я тоже.

— Но, если взглянуть на легенду иначе, она достаточно убедительно объясняет, что у людей пошло не так.

— Да.

— Однако люди вашей культуры так никогда и не поняли это объяснение, поскольку всегда считали, что его авторами были такие же люди, как они сами; что для них тоже само собой разумелось, что мир был создан для человека, а человек — чтобы покорить его и править им; что это были люди, для которых самым благословенным знанием в мире было знание добра и зла, а земледелие — основой самого благородного и единственно достойного человека образа жизни. Приписывая авторство легенды о грехопадении своим древним единомышленникам, они не имели никаких шансов понять её.

— Верно.

— Но, если взглянуть на легенду иначе, объяснение становится в высшей степени вразумительным: мудрость богов, позволяющая им править миром, недоступна для человека,

и если он попытается завладеть ею, результатом этого будет не просветление — результатом этого будет смерть.

— Да, — сказал я. — Нет никаких сомнений, что в этом и кроется смысл легенды. Адам не был прародителем человеческого рода — он был прародителем лишь нашей культуры.

— Вот почему он всегда был для вас столь важной фигурой. Даже не понимая истинный смысл легенды о грехопадении, вы отождествляете себя с её главным героем, Адамом. С самого начала и по сей день вы видите в нём одного из вас.

Часть десятая

1

В город без предупреждения нагрянул мой дядюшка, и мне пришлось заниматься им. Я думал, что он приехал на один день, но оказалось, на целых два с половиной. Я поймал себя на том, что мысленно бомбардирую его вопросами: «Не пора ли тебе домой? Не надоело ли тебе уже здесь? Не лучше ли тебе погулять по городу без меня? Не приходит ли тебе в голову, что у меня могут быть и другие дела?» Но дядюшка явно не обладал телепатическими способностями.

За несколько минут до нашего с ним отъезда в аэропорт мне позвонил разгневанный клиент с ультиматумом: больше никаких отговорок, или я немедленно заканчиваю работу, или возвращаю аванс. Я сказал, что закончу немедленно. Отвёз дядюшку в аэропорт и, вернувшись, засел за компьютер. Работа ерундовая, говорил я себе, нет смысла тащиться к Измаилу лишь для того, чтобы предупредить, что не появлюсь ещё день или два.

В то же время меня одолевали недобрые предчувствия.

Я молюсь о зубах. Вы нет? У меня нет времени чистить их зубной нитью. Вы меня понимаете. Я говорю им: «Держитесь. Я займусь вами раньше, чем будет слишком поздно». Но на вторую ночь коренной зуб, самый крайний, отдал богу душу. На следующее утро я побежал к стоматологу, и тот согласился, что зуб отжил своё, и остаётся лишь вырвать его и достойно похоронить. Сидя в кресле, пока он делал мне один укол за другим, перекладывал с места на место свои инструменты и измерял мне давление, я мысленно говорил

ему: «Слушайте, я тороплюсь. Просто выдерните его и отпустите меня». Но всё оказалось гораздо сложнее. Если верить моим ощущениям, корни зуба тянулись чуть ли не до самого позвоночника. В отчаянии я даже спросил, не проще ли подобраться к нему со спины.

Когда с зубом было покончено, стоматолог вдруг выступил в новой роли. Он превратился в зубного полицейского, который не терпящим возражений тоном начал читать мне нотации. Он отчитывал меня как мальчишку, и я и впрямь ощущал себя провинившимся школьником. Я лишь кивал и клялся, кивал и клялся, мысленно причитая: «Господин полицейский, простите меня, пожалуйста, я исправлюсь! Отпустите меня под любой залог». В конце концов он меня отпустил. Даже вернувшись домой, я всё ещё ощущал дрожь в руках. Изо рта у меня торчали тампоны, похожие на клыки вампира. До самого вечера я то и дело глотал анальгетики и антибиотики, а в конце концов накачался бурбоном.

Утром я вновь принялся за работу, одолеваемый всё теми же недобрыми предчувствиями. «Ещё один день, — сказал я себе. — Что страшного может случиться за один день? А вечером отправлю работу клиенту».

Игрок, поставивший свою последнюю сотню на нечет и видящий, как шарик уверенно прыгает в лунку 18, скажет вам, что он *знал,* что так и случится, ещё в тот момент, когда выпустил из руки фишку. Он знал, он *предчувствовал* это. Впрочем, если бы шарик подпрыгнул ещё раз и замер в лунке 19, он, конечно, с готовностью признал бы, что подобные предчувствия нередко обманчивы.

Моё предчувствие обманчивым не было.

Войдя в вестибюль, я сразу заметил стоявшую у приоткрытой двери Измаила массивную поломоечную машину. Пока я шёл, из его комнаты вышел пожилой мужчина в серой униформе и начал запирать за собой дверь. Я окликнул его и попросил подождать.

— Что вы делаете? — довольно бесцеремонно спросил я, приблизившись.

Вопрос был бессмысленным, и ответа я не получил.

— Послушайте, — сказал я, — я понимаю, что лезу не в своё дело, но объясните, пожалуйста, что здесь происходит.

Уборщик посмотрел на меня так, будто увидел таракана, которого, как ему казалось, он раздавил ещё на прошлой неделе. Тем не менее он пошамкал губами и нехотя произнёс:

— Убираю помещение для нового арендатора.

— Нового? — в недоумении спросил я. — А куда делся старый?

Он равнодушно пожал плечами.

— Выселили, я думаю. Она перестала платить.

— Она?

Лишь теперь я вспомнил, что Измаил не сам платил за аренду. Уборщик посмотрел на меня с недоверием.

— Я думал, вы знаете госпожу.

— Нет. Я знал…

Он молча ждал, пока я договорю.

— Понимаете, — неуверенно сказал я, — там, вероятно, оставили для меня записку или что-нибудь в этом роде.

— Ничего там нет. Кроме вони.

— Вы позволите мне взглянуть самому?

Он повернулся ко мне спиной и запер дверь на второй оборот.

— Об этом говорите с начальством, ладно? У меня дел по горло.

2

«Начальство» в лице консьержки не нашло мои доводы достаточными, чтобы впустить меня в комнату Измаила или любую другую, и не предоставило мне никакой информации

в дополнение к тому, что я уже знал: арендатор перестал платить и по этой причине был выселен. Я обратил было её внимание на то, что арендатор был всё-таки не совсем обычным, но она с ухмылкой отвергла даже саму вероятность того, что в её здании когда-либо проживала горилла.

— В помещениях, сдаваемых нашей фирмой, никогда не держали и не будут держать никаких животных.

Я попросил её хотя бы подтвердить, что арендатором была Рейчел Соколова.

— Ещё чего! — возмутилась она. — Будь ваш интерес законным, вы бы и без меня знали, как зовут арендатора.

Консьержка знала своё дело. Если бы мне самому нужна была консьержка, я выбрал бы такую.

3

В телефонном справочнике оказалось полдюжины Соколовых, но никого по имени Рейчел. Моё внимание привлекла некая Грейс Соколова, чьё место проживания показалось мне подходящим для вдовы богатого еврейского коммерсанта. На следующее утро я спозаранку отправился на машине по указанному адресу и тайком пробрался на территорию усадьбы, чтобы проверить, есть ли там беседка. Беседка была.

Я вымыл машину, начистил свои самые дорогие ботинки, смахнул пыль с костюма, в котором обычно хожу лишь на свадьбы и похороны, и, выждав до двух часов пополудни, чтобы не нагрянуть в обеденное время, отправился с визитом к г-же Соколовой.

Дома в стиле *бозар* не всем по вкусу, но мне они нравятся, при условии, что не похожи на свадебный торт. Особняк Соколовых выглядел свежо и величественно, хоть и несколько экстравагантно, как принцесса на пикнике. Позвонив, я стал разглядывать парадную дверь, которая сама по себе была

произведением искусства. Главным её украшением был бронзовый барельеф, изображавший то ли похищение Европы, то ли основание Рима, то ли ещё что-нибудь в этом роде. В конце концов дверь распахнулась и передо мной предстал человек, которого по одежде, взгляду и манере держать себя я в другой обстановке принял бы за государственного секретаря. Он не спросил ни «Да?», ни «Что вам угодно?», а лишь вопросительно приподнял бровь. Я сказал, что хотел бы видеть г-жу Соколову. Он спросил, договорился ли я о встрече, прекрасно зная, что нет. Привратникам такого непробиваемого типа бессмысленно говорить, что вы пришли по личному делу, которое их не касается, поэтому я решил не скрывать от него цель своего визита.

— По правде говоря, я ищу её дочь.

Он нехотя оглядел меня с ног до головы и с уверенностью сказал:

— Вы не из числа её друзей.

— Если честно, то нет.

— Иначе вы знали бы, что она скончалась почти три месяца назад.

От этих слов меня будто окатило ледяной водой.

Он поднял вторую бровь, как бы спрашивая: «Ещё что-нибудь?» Я решил быть совсем откровенным.

— Вы служили здесь при *господине* Соколове?

Он сдвинул брови, намекая, что мой вопрос не вполне тактичен.

— Я спрашиваю потому, что… Могу я узнать ваше имя?

Было видно, что и этот вопрос ему не понравился, но он решил уступить.

— Меня зовут Партридж.

— Господин Партридж, я спрашиваю потому, что мне важно выяснить, знали ли вы… Измаила.

Партридж прищурился.

— Совсем уж честно говоря, я ищу не Рейчел, а Измаила.

Насколько я знаю, Рейчел в известной степени опекала его после смерти отца.

— Кто вам это сказал? — спросил он лишённым выражения тоном.

— Если вы сами знаете ответ на этот вопрос, г-н Партридж, то вы скорее всего можете мне помочь. А если не знаете, то, вероятно, нет.

Оборот был изящным, и Партридж признал это кивком головы, после чего спросил, почему я ищу Измаила.

— Он исчез… со своего обычного места. Очевидно, его выселили.

— Кто-то, должно быть, перевёз его. Помог переехать.

— Да, — сказал я. — Вряд ли он сам обратился в «Hertz» и взял напрокат машину.

Партридж проигнорировал мою шутку.

— Боюсь, что больше я ничего об этом не знаю.

— А г-жа Соколова?

— Если бы она что-то знала, то знал бы и я.

Я поверил ему, но всё-таки попросил:

— Посоветуйте, с чего мне лучше было бы начать поиски.

— Право, не знаю, особенно теперь, когда г-жи Рейчел больше нет с нами.

Немного подумав, я спросил:

— От чего она умерла?

— Вы совсем не были с ней знакомы?

— Совсем.

— Тогда, извините, это вас не касается, — ответил он. Не грубо, а просто констатируя факт.

4

Я подумал было нанять частного детектива, но быстро отказался от этой идеи, представив, с чего пришлось бы начать

разговор. Просто взять и всё бросить я тоже не мог, поэтому для начала позвонил в местный зоопарк и спросил, нет ли у них в экспозиции равнинной гориллы. Сказали, что нет. Тогда я сказал, что у меня как раз есть одна, от которой я хотел бы избавиться, и предложил им купить её. Ответ тоже был отрицательным. Я спросил, не знают ли они, кому *вообще* можно продать гориллу, но у них не было ни малейшей идеи. Я спросил, как поступили бы они сами, если бы им нужно было срочно избавиться от гориллы. Они сказали, что можно найти пару лабораторий, которые взяли бы её в качестве подопытного животного, но, как я понял, сами они никогда не сталкивались с подобной проблемой.

Очевидно было одно: у Измаила есть неизвестные мне друзья, возможно, его бывшие ученики. Мне пришёл в голову лишь один способ связаться с ними — тот, которым пользовался он сам, — с помощью объявления в газете.

ДРУЗЬЯМ ИЗМАИЛА.
Ещё один его друг ищет контакта с ним.
Пожалуйста, позвоните мне и сообщите о его
местонахождении.

Дать объявление было ошибкой — оно освобождало меня от необходимости продолжать поиски. Сначала я ждал первой публикации объявления, потом ждал, пока истечёт неделя его ежедневного появления в газете, потом ещё несколько дней ждал у телефона, который так и не зазвонил. Так в полном безделье я потерял две недели. Когда, наконец, до меня дошло, что откликов ждать бесполезно, я стал искать другие пути, и один пришёл на ум почти сразу. Я позвонил в мэрию, и вскоре меня соединили с человеком, который выдавал разрешения передвижным ярмаркам на работу в городе.

— Сейчас в городе работает такая ярмарка?

— Сейчас нет.

— А за истёкший месяц были такие?

— Да, был «Карнавал Дэррила Хикса» — девятнадцать повозок, двадцать четыре аттракциона, плюс подмостки для представлений. Уехали две недели назад.

— У них был зверинец?

— В документах ничего такого не значилось.

— Может быть, какие-то звери участвовали в представлениях?

— Трудно сказать. Возможно.

— Куда они отсюда отправились?

— Ни малейшей идеи.

Это было неважно. Десяток звонков — и я выяснил, что карнавал затем останавливался в маленьком городе километрах в шестидесяти к северу, откуда уехал неделю назад. Предположив, что он двинулся дальше на север, я без труда вычислил пункт его следующей остановки, и первый же звонок в соответствующую мэрию подтвердил мне, что я не ошибся. Более того, на афишах там значилось: «Гаргантюа, самая знаменитая горилла в мире». Горилла под таким именем действительно существовала, но, по моим сведениям, умерла лет сорок назад.

Вам и любому владельцу более-менее современного автомобиля хватило бы полутора часов, чтобы догнать «Карнавал Дэррила Хикса», мне же на моём «Плимуте», ровеснике фильма «Даллас», для этого потребовалось два полных часа. Добравшись до места, я увидел самую что ни на есть обычную ярмарку. Такие ярмарки везде одинаковы и отличаются друг от друга только размерами. «Карнавал» Дэррила Хикса расположился на пустыре площадью меньше гектара и был заставлен пёстрыми павильонами и всяческими развлекательными устройствами, вокруг которых с рассеянными лицами сновали посетители. Над всем этим стоял густой запах пива, попкорна и сахарной ваты. Я пробирался сквозь толпу в поисках подмостков для представлений.

Ярмарочные представления моего детства (а может, уже лишь те, что я видел тогда в кино) с годами почти совсем ушли в прошлое. Но Дэррила Хикса, похоже, эта тенденция не коснулась. Уже вскоре я оказался у павильона, перед которым зазывала приглашал посмотреть выступление огнеглотателя. Огнеглотатель меня не интересовал, но я всё же зашёл в павильон, где оказалась и масса всего другого — от стандартного набора страшилищ до человека, разгрызающего бутылки, и толстой дамы, чьё тело было сплошь покрыто татуировками. Ни на что из этого я даже не посмотрел.

Измаила я нашёл в самом дальнем и тёмном углу, в клетке, перед которой стояли двое мальчишек лет десяти.

— Спорим, он может сломать эти прутья, если захочет? — сказал один.

— Ага, — согласился другой. — Но он об этом не знает.

Я стоял, осуждающе глядя на Измаила, а он делал вид, что не замечает меня. Так продолжалось, пока мальчишки не ушли, и даже несколько минут после. Наконец, я не выдержал и сказал:

— Скажите, пожалуйста, почему вы меня не предупредили? Почему не попросили о помощи? Вы же всё знали заранее. О выселении всегда предупреждают заблаговременно.

Измаил продолжал делать вид, что не видит, а теперь ещё и не слышит меня.

— Чёрт возьми, как теперь вытащить вас отсюда?

Измаил повернул голову в мою сторону, но смотрел на меня невидящим взглядом.

— Послушайте, Измаил, может быть, я вас чем-то обидел?

Наконец, он посмотрел мне в глаза, но взгляд его нельзя было назвать дружелюбным.

— Я не звал тебя к себе в покровители, — сказал он. — Так что, пожалуйста, воздержись от этого покровительственного тона.

— Вы хотите сказать, что я лезу не в своё дело?

— Честно говоря, да.

Я беспомощно огляделся по сторонам.

— Вы хотите сказать, что предпочитаете оставаться *здесь?*

Во взгляде Измаила я прочитал полное безразличие.

— Ладно, пусть так, — сказал я. — Но как насчёт меня?

— А что насчёт тебя?

— Мы же с вами вроде бы не закончили.

— Не закончили.

— И что вы об этом думаете? Или вы уже считаете меня своей пятой неудачей?

Минуту или две Измаил холодно смотрел на меня, затем сказал:

— Вовсе не обязательно считать тебя пятой неудачей. Мы можем продолжать заниматься как раньше.

В это время семья из пяти человек подошла взглянуть на самую знаменитую гориллу в мире — мама, папа, две девочки и малыш, неподвижно дремавший у мамы на руках.

— Значит, мы можем продолжать заниматься как раньше? — переспросил я, не понижая голоса. — Вы уверены, что это возможно?

Тут всё семейство решило, что я гораздо более интересное зрелище, чем угрюмо молчавший в углу «Гаргантюа».

— Хорошо, — продолжал я. — Давайте продолжим. Вы помните, на чём мы остановились?

Семья с любопытством перевела взгляды на Измаила, ожидая его ответа.

И он ответил, но так, что услышал, естественно, только я:

— Помолчи.

— Помолчать? Но вы же сказали, что мы можем продолжать заниматься как раньше.

Измаил кряхтя перебрался в самую глубину клетки, продемонстрировав всем присутствовавшим свою мощную спину. Минуту спустя семья решила, что я заслуживаю самого что ни на есть презрительного взгляда, и, испепелив меня

им, пошла смотреть на мумию человека, застреленного в пустыне Мохаве примерно в конце Гражданской войны.

— Я хотел бы забрать вас отсюда, — сказал я.

— Нет, спасибо, — ответил он, ворочаясь и оставаясь на максимальном расстоянии от меня. — Тебе это может показаться невероятным, но я предпочитаю жить так, чем у кого-то на содержании, включая тебя.

— Это было бы для вас временным неудобством, пока мы не придумаем что-нибудь другое.

— Что-нибудь какое? Сниматься в кино о дикой природе? Или выступать с номером в ночном клубе?

— Послушайте, если мне удастся связаться с остальными, то, возможно, совместными усилиями мы найдём какое-то решение.

— С какими остальными?

— С теми, кто уже помог вам. Вы ведь не сами перебрались сюда, не правда ли?

Глаза Измаила раздражённо сверкнули в сумраке.

— Уходи, — угрюмо произнёс он. — И оставь меня в покое.

Я ушёл и оставил его в покое.

5

Я совсем не ожидал такого поворота событий и теперь был в полной растерянности, не зная, что предпринять. Сняв номер в самом дешёвом местном мотеле, я отправился в кафе, заказал бифштекс с двойной порцией виски и стал обдумывать ситуацию. Когда и к девяти часам вечера никакая идея мне в голову не пришла, я решил вернуться на ярмарку посмотреть, что там происходит. В некотором смысле мне повезло — начал накрапывать дождь, и посетители, укрываясь кто чем, спешно расходились по домам.

Не помню точно, как называют тех, кто ухаживает за жи-

вотными в зверинцах и цирках. Просто работниками? Один из них как раз в это время навешивал замок на дверцу павильона. На вид ему было лет восемьдесят. Я протянул ему десять долларов за право пообщаться с природой в лице гориллы, которой имя Гаргантюа шло не больше, чем мне. Пустить меня в зверинец после закрытия явно не представляло для старика какой-то этической проблемы, но он всё же недовольно хмыкнул, увидев в моей руке всего лишь десятку. Я добавил ещё столько же, и он зашаркал прочь, оставив включённым свет перед клеткой Измаила. В числе прочего в павильоне были подмостки для представлений, а перед ними — складные стулья. Я взял один из них и уселся лицом к Измаилу.

Несколько минут он молча смотрел на меня, потом спросил, на чём мы остановились.

— Вы закончили объяснять мне, что отрывок из Книги Бытия, который начинается с грехопадения Адама и кончается убийством Авеля, подразумевает совсем не то, что думают люди моей культуры. В действительности это рассказ о сельскохозяйственной революции в изложении её первых жертв.

— И что нам ещё осталось, как ты думаешь?

— Не знаю. Думаю, осталось свести всё воедино. Я так и не понимаю, как это всё увязывается вместе.

— Хорошо. Дай мне немного подумать.

6

— Что такое культура? — спросил, наконец, Измаил. — В общепринятом смысле слова, а не в том специфическом, какой мы придаём ему в наших с тобой беседах.

— Я бы сказал, что это совокупность всего того, что делает народ народом.

Измаил кивнул.

— И как же возникает эта совокупность?

— Не уверен, что правильно понимаю вопрос. Она возникает в процессе жизни людей.

— Да, но воробьи тоже живут, а культуры у них нет.

— А, теперь понимаю. Я бы назвал это накоплением. Совокупность — это результат накопления.

— А как образуется накопление?

— Накопление образуется из опыта множества поколений. Когда биологический вид достигает определённого уровня интеллектуального развития, его представители начинают обобщать свой жизненный опыт и передавать его следующим поколениям вместе со всякого рода полезной информацией. Каждое новое поколение добавляет к полученному от предков свои собственные открытия и свой собственный опыт, и всё это вместе передаётся следующему поколению.

— И вот такое накопление называется культурой?

— Да, мне кажется.

— Из поколения в поколение передаются, конечно, не только информация и опыт чисто практического плана. Передаются также верования, обычаи, теории, легенды, песни, притчи, танцы, анекдоты, суеверия, предрассудки, вкусы, манеры — да всё на свете.

— Верно.

— Причём для начала такого накопления не требуется очень уж высокий уровень интеллектуального развития. Шимпанзе в естественной среде передают из поколения в поколение опыт изготовления и использования разного рода инструментов. Я вижу, тебя это удивляет.

— Меня удивляет, что вы в качестве примера привели шимпанзе.

— А не горилл?

— Да.

Измаил нахмурился.

— Честно говоря, я умышленно избегаю примеров из жизни горилл. Мне не хочется затрагивать эту тему.

Я кивнул, понимая, что задел больную струну.

— Как бы то ни было, если даже шимпанзе начали накапливать знания, полезные для шимпанзе, то когда, на твой взгляд, люди начали накапливать знания, полезные для людей?

— Думаю, люди начали накапливать такие знания с самого своего появления.

— Ваши палеоантропологи сказали бы то же самое. Человеческая культура возникла вместе с человеком, то есть с появлением *Homo habilis*. *Homo habilis* передавали свой опыт детям, и так из поколения в поколение происходило его накопление. Кто же унаследовал всё накопленное?

— *Homo erectus.*

— Правильно. *Homo erectus* тоже передавали свой опыт детям, и так из поколения в поколение происходило его накопление. Кто же, в свою очередь, унаследовал всё накопленное?

— *Homo sapiens.*

— Конечно. А наследниками *Homo sapiens* были *Homo sapiens sapiens*, которые тоже передавали опыт из поколения в поколение, всякий раз внося свою лепту в общую совокупность. Кто же унаследовал накопленное ими?

— Я бы сказал, что накопленное унаследовали народы, которые мы называем Оставляющими.

— Почему не Берущие?

— Мне кажется… Очевидно, потому, что в начале сельскохозяйственной революции произошёл полный разрыв с прошлым. Такого разрыва не было ни у народов, которые в тот период мигрировали на американский континент, ни у аборигенов Новой Зеландии, Австралии, Полинезии.

— Почему ты так думаешь?

— Не знаю. Мне так кажется.

— Всё верно, но *почему* тебе так кажется?

— Думаю, вот почему. Я не знаю, какую историю воплощают в жизнь все эти народы, но это явно одна и та же история. Я пока не могу её сформулировать, но она несомненно существует — и сильно отличается от истории, которую воплощают в жизнь люди моей культуры. Образ жизни у Оставляющих повсюду примерно один и тот же, как и наш образ жизни повсюду примерно один и тот же.

— Но как это связано с передачей из поколения в поколение совокупности культурных накоплений в течение первых трёх миллионов лет существования человечества?

Подумав пару минут, я сказал:

— Связь здесь такая. Каждое новое поколение Оставляющих до сих пор передаёт накопленное в том виде, в каком получило его само. А мы — нет, потому что десять тысяч лет назад основоположники нашей культуры сказали: «Всему старому место на помойке. Люди должны жить не так», — и отреклись от всего накопленного. В том, что они так поступили, нет никаких сомнений, потому что, когда на историческую сцену вступили их потомки, в их взглядах и идеях уже не было ни малейших следов того, что мы повсюду находим у Оставляющих. Кроме того…

— Да?

— Любопытно, я раньше не обращал на это внимания… Сознание Оставляющих формируется традициями, уходящими в глубокую древность. А наше сознание постоянно формируется заново. Каждое новое поколение является новым почти во всём и имеет всё меньше общего с предыдущим.

— Что говорит об этом Матушка Культура?

Я закрыл глаза и прислушался.

— Матушка Культура говорит, что так и должно быть. Прошлое не представляет для нас ценности. Прошлое — это хлам. Его нужно оставить позади и идти дальше.

Измаил кивнул.

— Вот до чего довела вас культурная амнезия.

— В каком смысле?

— Пока Дарвин и палеонтологи не добавили к истории человечества три миллиона лет, в вашей культуре считалось, что человек и культура возникли в одно и то же время, что это фактически было *одно и то же событие*. Иными словами, люди вашей культуры считали, что человек с самого своего появления мыслил *так же, как вы*. Считалось, что занятие сельским хозяйством так же естественно для человека, как производство мёда для пчёл.

— Похоже, что так.

— Обнаруживая в Африке и Америке племена охотников-собирателей, люди вашей культуры говорили, что эти люди «деградировали», утратили изначально естественную для них тягу к сельскому хозяйству. Берущим и в голову не приходило, что перед ними их собственные предки, что они сами были такими, прежде чем начали возделывать землю. В представлении Берущих не было никакого «прежде». Для них человек был сотворён всего несколько тысяч лет назад, сразу как «человек-земледелец», и тотчас принялся строить цивилизацию.

— Верно.

— Ты понимаешь, как это случилось?

— Как случилось что?

— Как случилось, что миллионы лет, предшествовавшие вашей сельскохозяйственной революции, настолько стёрлись из вашей памяти, что вы стали считать, будто ей вообще ничто не предшествовало.

— Не понимаю. Чувствую, что должен бы понимать, но не понимаю.

— Между тем ты сам только что сказал, что, с точки зрения Матушки Культуры, прошлое — это хлам, которому место на свалке истории.

— Да.

— И я хочу обратиться твоё внимание на то, что она, похоже, говорила вам так с самого начала.

— Да, понимаю. Тогда всё сходится. Как я сказал, Оставляющие производят впечатление людей, чьё прошлое простирается до начала времён. У Берущих прошлое — это 1963 год.

Измаил кивнул и добавил:

— Следует отметить, что древность для людей вашей культуры всё же представляет некоторую ценность. Например, англичане стремятся, чтобы институты власти и окружающая их обстановка выглядели как можно древнее, даже если это не более чем бутафория. В то же время сами они живут совсем не так, как жили древние бритты, и не имеют ни малейшего желания так жить. Практически то же самое можно сказать о японцах. Они чтят традиции предков, признают их мудрее и благороднее себя, скорбят о том, что их времена прошли, но сами ни в коем случае не хотели бы жить так, как жили они. Короче говоря, древность хороша для учреждений, церемоний и украшений, но в повседневной жизни Берущих ей места нет.

— Верно.

7

— Матушка Культура, конечно, не требовала, чтобы на помойку из прошлого выбрасывали абсолютно всё. Что она предлагала сохранять? И что действительно сохранялось?

— Я бы сказал, что сохранялась производственная и техническая информация.

— Всё, что касалось производства, безусловно сохранялось. И это отчасти объясняет, *как случилось, что всё сложилось именно так.*

— Да.

— Такого рода информацию, конечно, накапливают и Оставляющие, хотя в производстве просто ради производства они не видят практического смысла. У них нет недельных норм выпуска глиняных горшков или наконечников для стрел. Они не озабочены наращиванием производства томагавков.

— Верно.

— Да, Оставляющие накапливают и сведения производственного характера, но они составляют лишь небольшую часть общего объёма бережно хранимой ими информации. Какого рода информация, по-твоему, составляет основную часть?

— Несколько минут назад вы уже ответили на этот вопрос: это информация о наилучшем для них образе жизни.

— Только для них? Не для всех людей?

— Нет. Я не силён в антропологии, но достаточно много читал, например, о том, что ни навахо, ни зуни не считают свой образ жизни наилучшим для всех людей на свете. Каждый из этих народов живёт так, как лучше *ему*.

— И тому, как лучше жить их народу, они учат своих детей.

— Да. А мы своих детей учим делать *вещи* — как их делать всё больше и лучше.

— Почему же вы не учите их, как лучше жить?

— Потому, видимо, что мы сами этого не знаем. Каждое новое поколение само решает, как ему лучше жить. У моих родителей было об этом своё представление, но мне оно кажется устаревшим и примитивным. У их родителей тоже было своё представление, но оно казалось устаревшим и примитивным моим родителям. Моё поколение сейчас вырабатывает своё собственное представление о том, какой образ жизни для него наилучший, но нашим детям это представление вне всяких сомнений покажется устаревшим и примитивным.

8

— Мы слегка отклонились от главной темы, — угрюмо сказал Измаил, меняя позу. Рессоры под дощатым полом от этого заскрипели, напоминая, что мы с ним беседуем в передвижном павильоне бродячей ярмарки. — Я хотел, чтобы ты усвоил, что у Оставляющих каждая культура хранит в себе всю совокупность знаний, непрерывно накапливавшихся с самого зарождения человеческой жизни. Неудивительно поэтому, что каждая их культура служит её носителям наилучшим образом. Каждая из них была испытана и отточена тысячами поколений.

— Да. Это наводит меня на одну мысль.

— Какую?

— Одну минуту. Как бы это лучше сказать… О невозможности абсолютного знания того, как людям следует жить.

— Думай спокойно, мы никуда не торопимся.

— Хорошо, — сказал я пару минут спустя. — Где-то в самом начале я сказал, что нет и не может быть точного знания того, как людям следует жить. Под точным знанием я имел в виду знание *единственно правильного* образа жизни. Именно такое знание ищут Берущие. Не как лучше жить отдельным народам, а как жить *единственно правильно для всех*. Вот за этим знанием мы и обращаемся к нашим пророкам. Вот такое знание и сочиняют для нас наши законодатели.

Пяти или восьми тысяч лет исторического беспамятства было более чем достаточно, чтобы Берущие начисто разучились жить. Они, должно быть, и в самом деле совершенно забыли о своём прошлом, потому что, когда вдруг возник Хаммурапи со своим кодексом, Берущие спросили его: «Что это?» Он ответил: «Это, дети мои, *законы!*» «Законы? Что такое законы?» Хаммурапи ответил: «Законы — это путеводные звёзды *единственно правильного* образа жизни». Вы понимаете, что я пытаюсь сказать?

— Не вполне.

— Попробую по-другому. Когда вы говорили о нашей культурной амнезии, я думал, что вы говорите метафорически или слегка преувеличиваете, чтобы было яснее. Потому что не могли же вы знать, что на самом деле думали те неолитические земледельцы. При этом факт остаётся фактом: несколько тысяч лет спустя потомки тех неолитических земледельцев стали чесать затылки и спрашивать себя: «Как же людям всё-таки следует жить?» У живших в то же самое время Оставляющих такого вопроса не возникало — они *и не забывали,* как следует жить. А вот люди моей культуры забыли, поскольку давно порвали с традициями, чьей сутью как раз и было умение жить. Чтобы вновь научиться этому, они теперь нуждались в Хаммурапи, Драконе, Солоне, Моисее, Иисусе, Мухаммеде. Оставляющие же в них не нуждались, поскольку их образ жизни (даже множество образов жизни) устраивал их во всех отношениях... Постойте, я, кажется, понял, как это можно сформулировать лучше.

— Не торопись.

— Каждый из образов жизни Оставляющих возник в результате эволюции, в процессе проб и ошибок, который начался даже раньше, чем люди придумали для него название. Никто не предлагал: «Давайте назначим комиссию, и пусть она напишет для нас свод законов, которым мы все будем следовать». Ни одна из тех культур не была *придумана.* А наши законодатели занимаются именно этим — придумывают законы. Такие законы не вытекают из опыта тысяч поколений, а являются произвольными мнениями о том, какой образ жизни *единственно правилен*. И так продолжается по сей день. Сочиняемые в Вашингтоне законы вводятся в действие не для того, чтобы сделать жизнь лучше, а для того, чтобы создать правовую основу для *единственно правильного* образа жизни. Женщина имеет право сделать аборт, только если беременность угрожает её жизни или

наступила вследствие изнасилования. Очень многим хотелось бы, чтобы все законы формулировались подобным образом. Почему? Потому что такие формулировки чётко определяют *единственно правильные* действия в той или иной ситуации. Ты вправе напиться хоть до смерти, но за курение самокрутки с марихуаной тебя посадят в тюрьму, потому что это не согласуется с *единственно правильным* образом жизни. Никого не интересует, хорошо ли жить при таких законах. Они издаются не для того, чтобы жить становилось лучше… Опять запутался.

Измаил пожал плечами.

— Ты думаешь, что рассматриваешь одну проблему, а на самом деле это целый комплекс проблем, и все они слишком глубоки, чтобы можно было докопаться до дна за двадцать минут.

— Похоже, что так.

— Но, прежде чем мы двинемся дальше, я хочу обратить твоё внимание на одно важное обстоятельство. Как ты теперь понимаешь, Берущие и Оставляющие накапливают знания совершенно разного рода.

— Да. Берущие накапливают знания о том, что лучше для *вещей,* как их лучше производить, а Оставляющие — о том, что лучше для *людей,* как сделать лучше их жизнь.

— Но не для *всех* людей. В среде Оставляющих образ жизни каждого народа является для него наилучшим потому, что он зародился и развивался вместе с этим народом. Он находился в гармонии с данной конкретной местностью, с местным климатом, местным биологическим сообществом, с характерными для данного народа вкусами, предпочтениями, мировоззрением.

— Да.

— Как называются знания такого рода?

— Не представляю.

— Чем обладает тот, кто знает, что хорошо для людей?

— Мудростью.

— Конечно. Теперь ты знаешь, что в вашей культуре ценится то, что хорошо для вещей, а в культурах Оставляющих ценится то, что хорошо для людей. И всякий раз, когда Берущие уничтожают одну из культур Оставляющих, часть мудрости, выдержавшей испытание тысячелетиями с самого зарождения человечества, теряется безвозвратно, как всякий раз, когда Берущие уничтожают одну из форм жизни, выдержавшую испытание тысячелетиями с самого зарождения жизни, часть жизни в целом теряется безвозвратно.

— Это ужасно, — сказал я.

— Да, — сказал Измаил, — ужасно.

9

Несколько минут Измаил чесал голову, потирал мочку уха, затем жестом дал мне понять, что наш разговор на сегодня окончен.

— Я устал, — объяснил он. — И слишком продрог, чтобы думать.

Часть одиннадцатая

1

Дождь продолжал моросить, и когда на следующий день около полудня я вернулся на ярмарку, там даже некому было дать взятку. По дороге я зашёл в военный магазин и купил два одеяла для Измаила и, чтобы не ставить его в неловкое положение, одно для себя. Измаил хмуро поблагодарил меня, но одеяла накинул с нескрываемым удовольствием.

Некоторое время мы сидели молча, слегка подавленные окружавшей нас обстановкой, затем Измаил с неохотой сказал:

— Не помню, чем был вызван тогда твой вопрос, но незадолго до моего выселения ты спросил меня, когда мы наконец доберёмся до истории, которую воплощают в жизнь Оставляющие.

— Да.

— Зачем тебе их история?

Я растерялся.

— Как зачем?

— Я хочу понять, для чего тебе их история, если ты знаешь, что Авель всё равно умер.

— Это верно.

— Раз так, то какой смысл копаться в истории, которую воплощал в жизнь умерший?

— Почему нет?

Измаил покачал головой.

— Мне не нравится продолжать в таком духе. Твоё желание узнать что-то из праздного интереса — «почему нет?» —

не является для меня достаточным основанием, чтобы учить тебя этому.

Измаил был явно не в настроении. Я не винил его в этом, но своей вины тоже не чувствовал — в конце концов это он настоял, чтобы мы продолжали в таких условиях.

— Ты просто хочешь удовлетворить своё любопытство? — спросил он.

— Я бы так не сказал. В самом начале вы говорили, что на наших глазах воплощаются в жизнь две истории. Я теперь знаю одну из них. Так что желание узнать и вторую, на мой взгляд, совершенно естественно.

— «Естественно», — саркастически повторил Измаил, давая понять, что слово ему не понравилось. — Мне хотелось бы услышать более веский аргумент. Что-нибудь в пользу того, что не я один здесь обладаю способностью мыслить.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Вот это непонимание меня и раздражает. Ты превратился в пассивного слушателя. Когда ты садишься передо мной, ты выключаешь свой мозг, а снова включаешь, лишь попрощавшись.

— Это неправда.

— Ты хочешь узнать историю, от которой давно не осталось следа. Но с чего ты решил, что это не будет для тебя пустой тратой времени?

— Я не считаю это пустой тратой времени.

— Этого недостаточно. Тот факт, что что-то не является пустой тратой времени, сам по себе не значит, что стоит тратить на это время.

Я беспомощно пожал плечами.

Измаил разочарованно покачал головой.

— Похоже, ты в самом деле считаешь бессмысленным знание этой истории. Это очевидно.

— Для меня это не очевидно.

— В чём же ты видишь смысл этого?

— Смысл в том, что я *хочу* знать эту историю.

— Нет, я не стану продолжать в таком духе. Я *готов* продолжать, но не ради удовлетворения твоего праздного любопытства. Уходи и не возвращайся, пока не найдёшь действительно убедительную причину для продолжения.

— Какого рода убедительную причину? Приведите пример.

— Хорошо. Зачем было тратить время на изучение истории, которую воплощают в жизнь люди твоей культуры?

— Затем, что её воплощение в жизнь убивает жизнь.

— Верно. Но зачем её изучать?

— Чтобы можно было это объяснить.

— Объяснить кому?

— Всем.

— Зачем? Я всё время возвращаюсь к этому «зачем». Зачем людям вашей культуры знать сценарий, по которому они уничтожают мир?

— Чтобы они могли *прекратить* действовать по нему. Чтобы они увидели, что не просто совершают ошибки. Чтобы увидели, что сказка, которую они пытаются сделать былью, это безумие, такой же бред сумасшедшего, как Тысячелетний рейх.

— И ради этого нужно было выяснить, что это за сказка?

— Да.

— Рад это слышать. А теперь уходи и возвращайся, когда сможешь объяснить, почему так важно разобраться и в другой сказке.

— Для этого мне не нужно никуда идти. Я могу это объяснить сейчас.

— Слушаю.

— Люди не могут просто взять и уйти со сцены. Молодёжь в шестидесятые и семидесятые годы уже пыталась так сделать. Она пыталась отвергнуть образ жизни Берущих, но оказалось, что заменить его нечем. Попытка тех молодых людей была обречена на провал, поскольку в жизни

нельзя просто взять и перестать играть отведённую тебе роль. В реальной жизни невозможно просто уйти со сцены и тем самым положить конец разыгрываемой на ней истории — необходима другая история, в которую можно было бы перейти.

Измаил кивнул.

— И если другая история существует, людям нужно о ней рассказать?

— Да, нужно.

— Думаешь, они захотят слушать?

— Трудно сказать. Можно ли хотеть или не хотеть того, не знаю чего?

— Верно.

2

— О чём, по-твоему, эта история?

— Ни малейшего представления.

— Может быть, об охоте и собирательстве?

— Не знаю.

— Признайся, разве ты не ожидаешь услышать нечто эпическое вроде «Илиады» или «Песни о Нибелунгах»?

— Не сказал бы, что ожидаю чего-либо в этом роде.

— Но ты наверняка понимаешь, что в этой истории должно говориться о сотворении мира, о замыслах богов в его отношении и о предназначении человека.

— Да.

— Как я уже не раз говорил, человек стал человеком, воплощая эту историю в жизнь. Помнишь?

— Да.

— А *как* человек стал человеком?

Мне показалось, что это вопрос с подвохом, и я решил ответить уклончиво.

— Не уверен, что правильно понял вас. Точнее, не уверен, какого рода ответа вы ждёте. Не подразумеваете же вы, что человек стал человеком просто в процессе эволюции.

— Нет. Тогда получилось бы, что человек стал человеком в процессе становления человеком.

— Да.

— Тогда повторяю вопрос: как человек стал человеком?

— Подозреваю, что это что-нибудь совершенно очевидное.

— Да. Подскажи я тебе ответ, ты скажешь: «О, это само собой разумеется. Ну и что?»

Я шутливо вжал голову в плечи, пародируя школьника, который не может решить простую задачу.

— Ладно, пока обойдём этот вопрос стороной, но держи его в памяти, потому что он по-прежнему ждёт ответа.

— Хорошо.

3

— С точки зрения Матушки Культуры, событием какого рода была ваша сельскохозяйственная революция?

— Какого рода? Я бы сказал, что, с её точки зрения, это было событие технологического порядка.

— Никакого влияния на духовную жизнь людей? На культуру, религию?

— Нет. Первые земледельцы были чистой воды технократами эпохи неолита. По крайней мере так принято считать.

— Но, проанализировав третью и четвёртую главы Бытия, мы увидели, что в действительности это событие было гораздо важнее, чем учит Матушка Культура.

— Да.

— Было *и остаётся* гораздо важнее — потому что революция продолжается. Адам продолжает уплетать запретный

плод, и где бы снова ни появился Авель, Каин неотвратимо поджидает его с ножом в руке.

— Верно.

— Есть и другие указания на то, что революция была событием далеко не только технологического порядка. Матушка Культура учит, что до революции человеческая жизнь была отвратительной — пустой, бессмысленной, бесцельной, убогой.

— Да.

— Ты в это тоже веришь, не правда ли?

— Пожалуй, да.

— Большинство из вас верит.

— Да.

— За исключением кого?

— Не знаю. Думаю… антропологов.

— Тех, кто обладает кое-какими знаниями о жизни в те времена.

— Да.

— Но Матушка Культура учит, что жизнь тогда была неописуемо жалкой.

— Да.

— Что могло бы заставить тебя променять твой нынешний образ жизни на тот?

— Ничто. Честно говоря, не представляю, чтобы кто-то вообще согласился на это при наличии выбора.

— А Оставляющие сделали такой выбор. За всю историю Берущие не нашли других способов оторвать Оставляющих от их образа жизни, кроме как с помощью грубого насилия или под угрозой полного истребления. Причём в большинстве случаев Берущие предпочитали полное истребление — так было вернее и проще.

— Да, но Матушка Культура нашла объяснение этому. По её мнению, Оставляющие просто не понимали, от какого счастья отказываются. Они не сумели по достоинству оценить

преимущества жизни земледельцев и поэтому так отчаянно цеплялись за привычную им жизнь охотников-собирателей.

Измаил саркастически улыбнулся.

— Кто из американских индейцев, на твой взгляд, яростнее всего сопротивлялся Берущим?

— Я бы сказал, что равнинные индейцы.

— Думаю, большинство из вас согласились бы с этим. Но к тому времени, когда испанцы завезли на американский континент лошадей, равнинные индейцы уже не один век занимались сельским хозяйством. Зато, как только лошадей у них стало достаточно много, они бросили возделывать землю и вновь занялись охотой и собирательством.

— Я не знал этого.

— Ну вот, теперь знаешь. Оценили ли равнинные индейцы преимущества образа жизни земледельцев?

— Думаю, должны были оценить.

— Что говорит об этом Матушка Культура?

Немного подумав, я рассмеялся.

— Она говорит, что на самом деле не очень-то высоко оценили. Иначе зачем бы им возвращаться к охоте и собирательству?

— К этому бессмысленному и жалкому образу жизни.

— Да.

— Теперь ты видишь, с какой эффективностью учение Матушки Культуры способно воздействовать на человеческие умы.

— Да, но я не вижу, как это связно с нашей темой.

— Мы пытаемся выяснить, что лежит в глубине вашего страха перед образом жизни Оставляющих и брезгливого отношения к нему. Мы пытаемся выяснить, почему вы считаете своим долгом продолжать революцию, даже если она грозит уничтожить весь мир и вас самих. Мы пытаемся выяснить, *против чего* была ваша революция.

— А, — сказал я.

— И когда мы всё это выясним, я уверен, что ты сможешь сказать мне, какую историю воплощали в жизнь Оставляющие на протяжении первых трёх миллионов лет существования человечества и продолжают воплощать по сей день повсюду, где им посчастливилось выжить.

4

Упомянув о выживании, Измаил поёжился и с печальным вздохом поплотнее укутался в одеяла.

Дождь снаружи усилился, и минуту-другую казалось, что всё внимание Измаила поглотил барабанный бой капель о брезентовую крышу над нашими головами. Наконец, он откашлялся и сказал:

— Давай подумаем вот о чём. Была ли революция *необходима?*

— Она была необходима, если человек хотел достичь чего-то большего.

— Ты имеешь в виду центральное отопление, университеты, оперные театры, космические корабли?

— Да.

Измаил кивнул.

— Такой ответ был бы приемлем в начале нашей с тобой работы, но теперь ты способен копнуть поглубже.

— Хорошо. Но что вы подразумеваете под «поглубже»?

— Ты отлично знаешь, что для сотен миллионов из вас центральное отопление, университеты, оперные театры и космические корабли — это вещи недосягаемые и существующие где-то в другой реальности. Сотни миллионов из вас живут в условиях, которые большинство жителей твоей страны не могут даже вообразить. Да и в твоей стране миллионы не имеют крыши над головой, живут в трущобах, тюрьмах или приютах, которые мало чем лучше тюрем. Для

этих людей твоё упрощённое оправдание сельскохозяйственной революции попросту лишено смысла.

— Согласен.

— Но хотя им и недоступны плоды вашей революции, считают ли они, что лучше бы её вовсе не было? Предпочтут ли они своей отчаянной нищете ту жизнь, какой жили люди в дореволюционные времена?

— Уверен, что нет.

— Мне тоже так кажется. Берущие верят в свою революцию, даже если им не достаётся её плодов. Нет ни недовольных, ни диссидентов, ни контрреволюционеров. Все свято верят, что, как бы ни было плохо сейчас, всё равно раньше было намного хуже.

— Да.

— Вот я и хочу, чтобы ты докопался до корней этой удивительной веры. Тогда тебе откроется совсем другой взгляд и на революцию, и на жизнь Оставляющих.

— Хорошо. Но как это сделать?

— Прислушавшись к голосу Матушки Культуры. То, что она с самого твоего рождения нашёптывает тебе на ухо, она нашёптывала и твоим родителям, и твоим прародителям, и продолжает изо дня в день нашёптывать всем Берущим в мире. Иными словами, тебе нужно докопаться до того, что покоится в самых глубинах твоего сознания и сознания каждого из вас. Я хочу, чтобы ты извлёк это на поверхность. Матушка Культура приучила вас с ужасом взирать на жизнь, какой она была до вашей революции, и я хочу, чтобы ты добрался до корней этого ужаса.

— Хорошо, — сказал я. — Это верно, что жизнь в те времена представляется нам ужасной, но я не вижу в этом ничего удивительного.

— Не видишь? Почему?

— Не знаю. Та жизнь не вела никуда.

— Хватит уже поверхностных ответов. Копай глубже.

Вздохнув, я поёжился под своим одеялом и принялся копать глубже.

— Интересно, — сказал я несколько минут спустя. — Вот я сидел тут и думал о том, как жили наши предки, и в моём воображении возникла удивительная картина, отчётливая до мелочей.

Измаил терпеливо ждал продолжения.

— Это похоже на сновидение, на кошмар. Человек в сумерках бежит по горному хребту. В его мире всё время сумерки. Человек небольшого роста, худой, темнокожий и голый. Он бежит, пригнувшись, высматривая следы. Он на охоте и уже в отчаянии — близится ночь, а он так и не раздобыл никакой еды. Он бежит, и бежит, и бежит, как белка в колесе. Да, как белка в колесе, потому что и в завтрашних сумерках ему предстоит всё так же бежать — с перерывом на сон или без. Но им движут не только голод и отчаяние. Им ещё движет страх. По тому же хребту, пока незримые, за ним следом бегут враги — львы, волки, тигры, — для которых он сам добыча. Поэтому он и обречён всю жизнь бежать в этом колесе — всю жизнь догонять, чтобы съесть, и убегать, чтобы не быть съеденным.

Горный хребет, как я это понимаю, символизирует лезвие выживания. Бегущий по лезвию, чтобы выжить, должен всё время сохранять равновесие, иначе он рухнет в пропасть. На бегу ему кажется, будто сам он бежит на месте, а движутся горный хребет под ногами и небо над головой. Это и есть бег на месте, бег в колесе, бег в никуда.

— Иными словами, охотникам-собирателям, прямо скажем, не позавидуешь.

— Да.

— А почему?

— Потому что в их жизни нет ничего, кроме непрестанной борьбы за выживание.

— Но ведь в действительности это не так. И я уверен, что ты это знаешь, просто хранишь это знание где-то в дальнем

отсеке своего рассудка. Охотники-собиратели не в большей степени живут на лезвии выживания, чем волки, львы, воробьи или кролики. Человек настолько же приспособлен к жизни на этой планете, как любой другой биологический вид, так что предположение, будто он постоянно находился на грани вымирания, это просто биологический нонсенс. Будучи существом всеядным, он располагает огромными продовольственными ресурсами. Тысячи видов отощают от голода раньше, чем он. Его сообразительность и находчивость позволяют ему комфортабельно жить в условиях, невыносимых для любого другого примата.

Вовсе не изнуряя себя круглосуточным выслеживанием добычи, охотники-собиратели питались лучше, чем большинство их ныне живущих потомков, и на то, что можно было бы назвать работой, у них уходило два-три часа в день, поэтому свободного времени у них тоже было гораздо больше, чем у подавляющего большинства из вас. В своей книге об экономике каменного века Маршалл Салинс называет их общество «обществом первоначального изобилия». Кстати сказать, человек очень редко становился добычей хищников. Ни для кого из них он попросту не был любимым блюдом. Так что, как видишь, ужасы жизни твоих далёких предков это не более чем очередная чушь, выдуманная Матушкой Культурой. При желании ты можешь легко убедиться в этом, посидев полдня в библиотеке.

— Хорошо, — сказал я. — Но что это меняет?

— Теперь, когда ты знаешь, что в жизни охотников-собирателей не было ничего ужасного, изменилось ли твоё отношение к ней? Кажется ли она тебе менее отталкивающей?

— Менее отталкивающей — может быть. Но всё же отталкивающей.

— Попробуй вот что. Представь, что ты один из бездомных, каких немало в твоей стране. Ни работы, ни профессии, у жены то же самое, а у вас ещё двое детей. За помощью об-

ратиться не к кому, надеяться не на что, будущее выглядит столь же мрачным. Но я могу дать тебе ящичек с кнопкой, нажав на которую, ты тотчас перенесёшься в дореволюционные времена. Вы все будете владеть тогдашним языком и обладать всеми навыками, какими тогда обладали люди. Тебе больше не придётся тревожиться за себя и свою семью. У вас будет всё, что вам нужно, вы будете полноправными членами общества первоначального изобилия.

— Хорошо.

— Так ты нажмёшь на кнопку?

— Не знаю. Не думаю.

— Почему? В твоём положении тебе терять нечего. Как я сказал, твоя жизнь здесь разбита вдребезги и едва ли изменится к лучшему. Выходит, другая жизнь тебе кажется ещё хуже? Проблема не в том, что тебе так дорог твой нынешний образ жизни, а в том, что заранее неприемлем другой?

— Совершенно верно.

— Чем же он так ужасает тебя?

— Не знаю.

— Похоже, Матушка Культура изрядно тебя обработала.

— Похоже.

— Ладно. Попробуем по-другому. Всякий раз, нападая на Оставляющих, чьи земли они намеревались присвоить, Берущие сначала пытались убедить их добровольно отказаться от образа жизни охотников-собирателей и стать Берущими. Они говорили: «Вы живёте не просто скверно — вы живёте *неправильно*. Человек не должен жить так, как вы. Поэтому не сопротивляйтесь нам, присоединяйтесь к нашей революции, и вместе мы превратим мир в рай для людей».

— Да.

— Представим, что ты — культурный миссионер Берущих, а я — охотник-собиратель. Объясни мне, почему образ жизни, который устраивал меня и мой народ на протяжении тысяч лет, на самом деле ужасен, отвратителен и невыносим.

— Ну и задачка!

— Я помогу тебе начать… Белый человек, ты говоришь нам, что мы живём жалко, неправильно и недостойно людей. Ты говоришь нам, что люди так жить не должны. Нам странно это слышать, белый человек, потому что тысячи лет нам казалось, что мы живём хорошо. Но если вы, способные летать к звёздам и передавать информацию со скоростью мысли в любую часть света, говорите нам, что это не так, мы считаем благоразумным выслушать ваши доводы.

— Ладно… Я понимаю, что ваша жизнь кажется вам хорошей. Она вам кажется такой потому, что вы невежественны, необразованны и неразумны.

— Ты совершенно прав, белый человек. Просвети же нас. Объясни нам, почему наша жизнь скудна, убога и недостойна людей.

— Ваша жизнь скудна, убога и недостойна людей потому, что вы живёте как животные.

Измаил озадаченно сдвинул брови.

— Я не понимаю тебя, белый человек. Мы живём так же, как живут все. Мы берём от мира то, что нам нужно, и не трогаем остальное. Львы и олени живут так же. Не хочешь же ты сказать, что львы и олени живут неправильно?

— Нет, но это звери. Люди так жить не должны.

— А, — сказал Измаил. — Этого мы не знали. А почему люди так жить не должны?

— Потому что при такой жизни… У вас нет никакого контроля над вашей жизнью.

Измаил непонимающе покачал головой.

— В каком смысле у нас нет никакого контроля над нашей жизнью, белый человек?

— У вас нет контроля над самым важным для вас — наличием еды.

— Ты меня удивляешь, белый человек. Когда мы голодны, мы идём и находим еду. Что нам нужно здесь контролировать?

— Если бы вы сами сажали растения, у вас было бы больше контроля над ними.

— Ты уверен, белый человек? Разве так важно, кто сажает растения?

— Если вы их сажаете сами, вы точно знаете, что у вас их будет достаточно.

Измаил издал гортанный звук, означавший смех.

— Ты меня поражаешь, белый человек! Мы и так точно знаем, что у нас их достаточно. Весь живой мир состоит из еды. Или ты думаешь, что однажды утром всё это куда-нибудь денется? Но куда? Живой мир окружает нас постоянно, в любой день, в любое время года, из года в год. Будь это не так, мы с тобой не вели бы сейчас этот разговор — нас просто не было бы на свете.

— Да, но, если бы вы сажали растения сами, вы могли бы контролировать *количество* пищи. Вы могли бы решать: «В этом году мы вырастим побольше картошки, в следующем — побольше кукрузы, а ещё через год — побольше бобов».

— Белый человек, всё это растёт в изобилии без малейших усилий с нашей стороны. Зачем нам выращивать то, что растёт само?

— Да, но… Разве вам не бывает этого мало? Разве не случается, что вам захотелось картошки, а сама она в этом году не уродилась?

— Случается. Но разве у вас не так же? Разве не случается, что вам захотелось картошки, а у вас в огороде она в этом году не выросла?

— У нас это не проблема. В этом случае я могу пойти в магазин и купить её хоть мешок.

— Да, я слышал, что у вас такое возможно. Но скажи-ка мне, белый человек, сколько людей вкладывают свой труд в то, чтобы ты в любой момент мог пойти в магазин и купить этот самый мешок картошки?

— О, сотни, я думаю. Крестьяне, грузчики, перевозчики,

сортировщики, изготовители мешков, производители и операторы оборудования, кладовщики, продавцы и так далее.

— Прости меня, белый человек, но это безумие — делать всю эту работу лишь ради того, чтобы кто-то какое-то время не потерпел без картошки. У нас, если нам захотелось картошки, мы просто идём и выкапываем её, а если её нет, находим что-нибудь другое ей на замену, и сотням посторонних людей это не стоит ни мгновения их жизни.

— Но вы упустили одну важную вещь.

— Наверняка что-то упустил, белый человек.

Я подавил вздох.

— Вы упустили вот что. Если вы не контролируете свои продовольственные ресурсы, вы полностью отдаётесь на милость природы. И дело даже не в том, достаточно ли у вас еды. Дело в другом. Нельзя жить в зависимости от капризов богов — такой образ жизни не годится для человека.

— Почему, белый человек?

— Покажу на примере. Однажды вы отправляетесь на охоту и убиваете оленя. Прекрасно, чудесно. Но олень оказался на вашем пути отнюдь не по вашей воле.

— Не по моей, белый человек.

— Хорошо. На следующий день вы снова отправляетесь на охоту, но олень вам не попадается. Случалось такое?

— Ещё как случалось, белый человек.

— Вот видите! Нет контроля над оленем — нет и оленя. И как вам в этом случае быть?

Измаил пожал плечами.

— Поймаю в силки пару кроликов.

— Вот именно. Вместо оленины вам придётся довольствоваться крольчатиной.

— И поэтому вы считаете нашу жизнь недостойной, белый человек? Поэтому мы должны отказаться от жизни, которую любим, и идти работать на одну из ваших фабрик? Потому что мы едим крольчатину, если не попался олень?

— Нет. Я не договорил. Вы не контролируете оленей, да и, раз уж на то пошло, кроликов вы тоже не контролируете. А представьте, что в один прекрасный день вы отправляетесь на охоту, и вам не попадается ни олень, ни кролик. Что вы будете делать?

— Будем есть что-нибудь ещё, белый человек. Мир полон еды.

— Это в принципе. Но если вы не имеете контроля *ни над какой едой?* — воскликнул я с улыбкой обладателя козыря. — Ведь нет же гарантии, что мир всегда будет полон еды. У вас никогда не случалась засуха?

— Ещё как случалась, белый человек.

— И что тогда происходит?

— Трава чахнет, все растения чахнут. Деревья не дают плодов. Дичь исчезает. Хищников становится меньше.

— А с вами что происходит?

— Если засуха затяжная, нас тоже становится меньше.

— Ты хочешь сказать, что вы *умираете,* так?

— Да, белый человек.

— Вот! В этом-то и проблема!

— Разве в смерти есть что-то недостойное, белый человек?

— Нет, я не об этом. Проблема в другом. Вы умираете потому, что ваша жизнь зависит от капризов богов. Вы умираете потому, что считаете, будто о вашей жизни заботятся боги. Для животных это нормально, но вы-то должны быть умнее!

— Мы не должны доверять свою жизнь богам?

— Конечно, нет. Вы *сами* должны быть её хозяевами. Только такая жизнь достойна человека.

Измаил удручённо покачал головой.

— Это печальная новость, белый человек. С незапамятных времён мы живём в руках божьих, и нам всегда казалось, что мы живём хорошо. Боги делают за нас всю работу, сеют и растят для нас еду, а мы ведём беззаботную жизнь, и в мире

всегда и всего для нас достаточно, иначе — внимание! — *нас давно не было бы здесь!*

— Да, — сказал я, — вы здесь, но посмотрите на себя! У вас же ничего нет. Вы наги и бездомны. Вы даже понятия не имеете о том, что такое безопасность, комфорт, перспективы.

— И это потому, что мы живём в руках божьих?

— Конечно. В руках божьих вы значите не больше, чем львы, ящерицы и блохи. Для ваших богов — тех, что пекутся о львах, ящерицах и блохах, — вы не представляете собой ничего особенного. Для них вы ничем не выделяетесь из общей массы существ, которых нужно кормить. Да, боги дают вам достаточно, чтобы вы продолжали жить *как животные,* с этим я не спорю, но о том, чтобы жить *как люди*, вы должны позаботиться *сами*. Боги не сделают это за вас.

Измаил взглянул на меня с изумлением.

— Ты хочешь сказать, что есть что-то такое, в чём мы нуждаемся, но чего боги для нас не делают?

— Похоже, что так. Они дают вам нужное для животной жизни, но не более того. Они не дают вам то, что нужно для жизни по-человечески.

— Но разве это возможно, белый человек? Разве возможно, чтобы богам хватило мудрости сотворить Вселенную, мир и жизнь, и не хватило, чтобы дать сотворённым ими же людям всё нужное, чтобы жить как люди?

— Не знаю насчёт возможности, но это так. И это факт. Человек жил в руках божьих три миллиона лет и по истечении этих трёх миллионов лет лучше жить не стал и в своём развитии ничуть не продвинулся.

— Вот уж действительно странная новость, белый человек! Что же это за боги такие?

Я не смог удержаться от смеха.

— Да уж, — сказал я, —*некомпетентные* какие-то боги. Потому вы и должны взять свою жизнь из их рук в свои целиком и полностью.

— И как же нам это сделать, белый человек?

— Как я сказал, вы должны начать сами выращивать себе пищу.

— Но что это изменит, белый человек? Пища есть пища, кто бы её ни выращивал — боги или мы сами.

— Это только так кажется. Боги дают вам лишь то, что вам нужно. А сами вы сможете выращивать больше, чем нужно.

— Зачем, белый человек? Что хорошего, если у нас будет больше еды, чем нам нужно?

— В этом вся суть. Если у вас будет больше еды, чем вам нужно, боги лишатся власти над вами.

— Мы утрём им нос?

— Да.

— А что нам делать с лишней едой?

— Хранить! Хранить на тот случай, если боги решат, что пришла ваша очередь голодать. Вот тогда вы по-настоящему и утрёте им нос. Они нашлют на вас засуху, а вы скажете: «И пожалуйста! Голодать мы не будем, как бы вам того ни хотелось, потому что мы теперь сами хозяева своей жизни!»

5

Измаил кивнул и на этом перестал играть роль охотника-собирателя.

— Стало быть, ваша жизнь теперь полностью в ваших руках?

— Да.

— Чем же тогда вы все так сильно встревожены?

— Что вы имеете в виду?

— Если ваша жизнь полностью в ваших руках, значит, от вас самих зависит продолжать жить или вымереть. Ведь одно подразумевает другое, не правда ли?

— Да. Но в природе есть вещи, на которые наша власть не

распространяется. Мы вряд ли сможем предотвратить или пережить глобальную экологическую катастрофу.

— Значит, вы всё ещё не живёте в безопасности. А когда вы, наконец, будете жить в безопасности?

— Когда мы отберём у богов *всю* власть над миром.

— То есть, когда весь мир будет в ваших, более компетентных руках.

— Да. Тогда мы наконец-то полностью выйдем из-под власти богов. У них не останется власти ни над чем. Вся власть будет в наших руках, вот тогда мы и станем совсем свободны.

6

— Ну что, — сказал Измаил, — кажется, мы продвигаемся?

— Кажется, продвигаемся.

— Думаешь, мы добрались до истоков твоего неприятия дореволюционного образа жизни?

— Да. Самое бессмысленное из всех увещеваний Христа заключалось в следующих его словах: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться… Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» Наша культура отвечает на это решительным «Нет!» Даже самые благочестивые монахи в монастырях испокон веков и сеяли, и жали, и собирали в житницы.

— А святой Франциск?

— Святой Франциск полагался на щедрость крестьян, а не Бога. Даже самые ортодоксальные из ортодоксов затыкают уши, когда им цитируют слова Иисуса о птицах небесных и полевых лилиях. Они прекрасно понимают, что это просто красивые фразы, как их ни истолковывай.

— И ты считаешь, что в этом суть вашей революции. Ва-

шей целью было и остаётся стать полными хозяевами своей жизни.

— Да. Безусловно. Жить по-другому я вряд ли смог бы. Охотники-собиратели в моём представлении живут в постоянной тревоге о том, что принесёт им завтрашний день.

— Но они не живут в постоянной тревоге. Любой антрополог подтвердит это. Причин для тревоги у них гораздо меньше, чем у вас. Им не грозит безработица. Никто им не скажет: «Плати — или не будет тебе ни еды, ни одежды, ни крова».

— Не спорю. Рассудком я это признаю. Но мои чувства и моё воспитание говорят мне другое. Матушка Культура говорит мне, что жизнь в руках божьих — это бесконечный кошмар и опасность на каждом шагу.

— И вот от этого ваша революция избавляет вас — от кошмарной власти богов?

— Да.

— Итак, у нас теперь есть два новых определения. Берущие — это те, кто познал добро и зло. А Оставляющие?

— Оставляющие — это те, кто живёт в руках божьих.

Часть двенадцатая

1

Около трёх часов дня дождь перестал и ярмарка, зевая и потягиваясь, вновь принялась облегчать кошельки горожан. Снова не зная, чем бы заняться, я побродил немного в толпе, облегчил и свой кошелёк на несколько долларов, после чего решил разыскать нынешнего хозяина Измаила. Им оказался невысокий чернокожий крепыш с пронизывающим взглядом по имени Арт Оуэнс. Со всей очевидностью, он в своей жизни больше времени таскал тяжести, чем я стучал по клавишам пишущей машинки. Я сказал, что хотел бы купить у него гориллу.

— В самом деле, — произнёс он без какой бы то ни было интонации. Я не уловил в его голосе ни иронии, ни удивления, ни заинтересованности — вообще ничего.

Я подтвердил и спросил, сколько мне это будет стоить.

— Три тысячи, — сказал он.

— Для меня это слишком.

— Сколько для вас не слишком? — спросил он, снова без всякого выражения.

— Что-нибудь около тысячи.

Он усмехнулся, еле заметно и почти понимающе. Парень мне чем-то нравился. У таких где-нибудь в коробке со старыми фотографиями часто валяется диплом юридического факультета Гарварда, с которым они отчаялись найти интересную для себя работу.

— Знаете, это очень старое животное, — сказал я. — Его привезли сюда ещё в тридцатые годы.

Это его заинтересовало. Он спросил, откуда у меня эти сведения.

— Я знаю эту гориллу, — сказал я небрежным тоном, будто знал сотни горилл.

— Готов снизить цену до двух с половиной, — предложил он.

— Проблема в том, что у меня нет и двух с половиной.

— Видите ли, я уже заказал афишу художнику в Нью-Мексико, — сказал он. — Заплатил авансом две сотни.

— Тысячи полторы я бы ещё смог наскрести.

— Две тысячи двести — это самое меньшее, на что я могу пойти, правда.

Будь у меня при себе две тысячи ровно, он наверняка согласился бы и на них. Может быть, даже на тысячу восемьсот. Я сказал, что подумаю.

2

По пятницам мальчишки не разбегаются по домам до одиннадцати часов вечера, а мой престарелый коррумпированный уборщик явился за своей двадцаткой и вовсе в полночь. Измаил спал в своей обычной сидячей позе, закутавшись в одеяла, и я разбудил его без малейших угрызений совести, поскольку *хотел,* чтобы он пересмотрел своё отношение к прелестям независимости.

Он зевнул, чихнул пару раз, откашлялся и, не очень-то приветливо взглянув на меня, сказал:

— Приходи завтра.

Он сказал это мысленно, но даже так мне послышалось, что голос у него хриплый.

— Не получится, завтра суббота.

Измаил недовольно поморщился, хотя знал, что я прав. Он начал ёрзать туда-сюда в углу клетки, устраиваясь по-

удобнее, снимать и снова накидывать на себя одеяла — короче говоря, тянуть время. В конце концов он утихомирился и снова взглянул на меня затуманенным и, как мне показалось, воспалённым взглядом.

— На чём мы остановились?

— На новых определениях для Берущих и Оставляющих: те, кто познал добро и зло, и те, кто живёт в руках божьих.

3

— Что происходит с людьми, живущими в руках божьих?

— В каком смысле?

— Что такого происходит с людьми, живущими в руках божьих, чего не происходит с теми, кто строит жизнь на основе своего знания добра и зла?

— Попробуем разобраться, — сказал я. — Не уверен, что вы ждёте от меня в точности такого ответа, но это первое, что пришло в голову. Люди, живущие в руках божьих, не строят из себя властелинов мира и не заставляют всех жить как они, а люди, познавшие добро и зло, ведут себя именно так.

— Ты вывернул мой вопрос наизнанку, — сказал Измаил. — Я спросил, что такого *происходит* с людьми, живущими в руках божьих, чего *не происходит* с теми, кто строит жизнь на основе своего знания добра и зла, а ты говоришь мне о прямо противоположном — о том, что *не происходит* с живущими в руках божьих, но *происходит* с познавшими добро и зло.

— То есть, я должен назвать что-то *положительное,* что происходит с людьми, живущими в руках божьих?

— Да.

— Ну, они следят за тем, чтобы не мешать окружающим жить так, как им нравится.

— Ты говоришь о том, что они *делают,* а не о том, что с

ними *происходит.* Я пытаюсь заострить твоё внимание на побочных эффектах их образа жизни.

— Прошу прощения. Тогда, боюсь, я просто не понимаю смысл вопроса.

— Ты прекрасно всё понимаешь, просто не привык думать об этом в таких терминах.

— Пусть так.

— Помнишь вопрос, который я задал тебе раньше: как человек стал человеком? Мы всё ещё не ответили на него.

Я застонал, громко и откровенно.

— Почему ты стонешь? — спросил Измаил.

— Вопросы такого общего плана всегда приводят меня в замешательство. Как человек стал человеком? Не знаю. Да просто стал, и всё. Он стал человеком так же, как птицы стали птицами, как лошади стали лошадьми.

— Совершенно верно.

— Вы шутите?

— Похоже, ты сам не понял то, что сказал.

— Возможно.

— Попробую объяснить. Кем вы были до того, как стать *Homo?*

— Австралопитеками.

— Отлично. А как австралопитеки стали *Homo?*

— Подождали и стали.

— Прошу тебя! Ты здесь для того, чтобы думать.

— Прошу прощения.

— Стали ли австралопитеки *Homo* потому, что сказали: «Мы познали добро и зло не хуже, чем боги, поэтому больше не нуждаемся в их опеке, как в ней нуждаются кролики или ящерицы. Отныне не боги, а мы сами будем решать, кому жить и кому не жить на этой планете»? Могли ли они стать людьми, сказав это?

— Нет.

— Почему?

— Потому что их жизнь больше не соответствовала бы условиям, в которых происходит эволюция.

— Именно. Теперь ты можешь ответить на вопрос: что происходит с людьми — с живыми существами вообще, — живущими в руках божьих?

— А, понимаю. Они эволюционируют.

— Теперь ты можешь ответить и на вопрос, который привёл тебя в замешательство: как человек стал человеком?

— Человек стал человеком, живя в руках божьих.

— Как живут бушмены в Африке.

— Да.

— Как живут крин-акроры в Бразилии.

— Тоже да.

— Но не как живут лондонцы.

— Нет.

— И не как парижане.

— Нет.

— Ну вот, теперь ты знаешь, что происходит с людьми, живущими в руках божьих.

— Да. Они эволюционируют.

— Почему они эволюционируют?

— Потому что их образ жизни соответствует условиям, в которых только и может происходить эволюция. Австралопитеки стали древнейшими людьми (архантропами) в процессе соперничества с другими. Они стали древнейшими людьми потому, что не уклонялись от соперничества, а участвовали в нём, и через него — в естественном отборе.

— Ты хочешь сказать, что они оставались частью биологического сообщества в целом?

— Да.

— И вот почему всё это произошло — австралопитек стал *Homo habilis*, *Homo habilis* стал *Homo erectus, Homo erectus* стал *Homo sapiens*, а *Homo sapiens* стал *Homo sapiens sapiens.*

— Да.

— А что случилось потом?

— Потом Берущие сказали: «Хватит нам жить в руках божьих. Хватит с нас естественного отбора. Спасибо за внимание».

— И на этом всё кончилось.

— И на этом всё кончилось.

— Раньше я уже говорил, что инсценировать ту или иную историю значит воплощать её в жизнь.

— Помню.

— В истории Берущих процесс эволюции завершился с появлением человека.

— Да. И что это значит?

— Как нужно жить, чтобы воплотить *это* в жизнь? Как нужно жить, чтобы заставить эволюцию завершиться на человеке?

— Уф… Я понимаю, что вы имеете в виду. Нужно жить так, как живут Берущие. Мы, со всей очевидностью, живём так, что на нас эволюция и закончится. Если мы будем так жить и дальше, никто не придёт на смену человеку, как никто не придёт на смену шимпанзе, никто не придёт на смену орангутангу, никто не придёт на смену горилле — никто не придёт на смену никакому из ныне живущих существ. На нас остановится вся эволюция. Чтобы воплотить в жизнь свою историю, Берущим придётся положить конец эволюции всей Вселенной — и они чертовски преуспевают в этом.

4

— В одну из первых наших встреч, помогая тебе сформулировать пролог к истории Берущих, я сказал, что у истории Оставляющих пролог совершенно другой.

— Да.

— Готов ли ты теперь сам сформулировать этот пролог?

— Не знаю. В данный момент я не припоминаю даже пролог к истории Берущих.

— Ты легко его вспомнишь. Всякая история — это развитие пролога.

— Хорошо. В прологе к истории Берущих говорится, что *мир принадлежит человеку.*

Я задумался на пару минут, затем рассмеялся.

— Получается довольно изящно. Пролог к истории Оставляющих должен быть таким: *человек принадлежит миру.*

— Что это значит?

— Это значит, что с самого начала всё живое принадлежало миру — и вот *как случилось, что всё сложилось именно так.* Одноклеточные, жившие в океанах, принадлежали миру, поэтому с течением времени из них и возникло всё остальное. Кистепёрые рыбы, жившие у берегов континентов, принадлежали миру, благодаря чему с течением времени возникли земноводные. А поскольку и земноводные принадлежали миру, с течением времени возникли пресмыкающиеся. А поскольку и пресмыкающиеся принадлежали миру, с течением времени возникли млекопитающие. А поскольку и млекопитающие принадлежали миру, с течением времени возникли приматы. А поскольку и приматы принадлежали миру, с течением времени возникли австралопитеки. А поскольку и австралопитеки принадлежали миру, с течением времени появился человек. Человек в течение трёх миллионов лет тоже принадлежал миру — и именно потому, что он принадлежал миру, он развивался и совершенствовался, становился разумнее и сообразительнее, пока наконец не стал настолько разумным и сообразительным, что заслужил название *Homo sapiens sapiens* — «человек дважды разумный». К этому виду и относимся *мы.*

— Так, принадлежа миру, на протяжении трёх миллионов лет и жили Оставляющие.

— Да. И так появились *мы.*

5

— Мы знаем, к чему ведёт развитие пролога Берущих, согласно которому мир принадлежит человеку, — сказал Измаил.

— Да, к катастрофе.

— А если мы согласимся с прологом Оставляющих — что человек принадлежит миру?

— Тогда эволюция будет продолжаться вечно.

— И как тебе это нравится?

— Я голосую за.

6

— Мне пришла в голову любопытная мысль, — сказал я.

— Какая?

— История эволюции, которую я только что рассказал, это на самом деле та же история, которую Оставляющие воплощали в жизнь в течение трёх миллионов лет. История Берущих звучит так: «Боги создали мир для человека, но завалили работу, поэтому нам пришлось взять её в свои, более компетентные руки». А история Оставляющих звучит так: «Боги создали человека для мира, как для мира же они создали лососей, воробьёв, кроликов. До сих пор всё вроде бы шло удачно, поэтому мы можем со спокойной душой оставить управление миром богам».

— Верно. Можно сказать это по-другому, как по-другому можно рассказать и историю Берущих, но твой вариант тоже годится и хорош уже тем, что он твой.

Некоторое время мы оба молчали, затем я сказал:

— Я сейчас подумал о том, для чего создан мир, о намерениях богов и о предназначении человека. В контексте этой истории.

— Продолжай.

— Для чего создан мир? Я думаю, в третьей главе Бытия верно сказано: мир — это сад, сад богов. Я говорю так, хотя очень даже сомневаюсь, что боги имеют к этому определению какое-то отношение. Просто этот образ меня ободряет, вселяет надежду.

— Понимаю.

— В саду есть два дерева — одно для богов, а другое для нас. Древо Познания добра и зла — для богов, а Древо Жизни — для нас. Но отыскать Древо Жизни мы можем лишь оставаясь в саду, а оставаться в саду мы можем лишь при условии, что не притронемся к древу богов.

Измаил одобрительно кивнул.

— Что касается намерений богов… В эволюции ведь прослеживается определённая тенденция, вам не кажется? Если начать с тех простейших организмов в древних океанах и шаг за шагом продвигаться ко всему тому, что мы видим сейчас, и попытаться заглянуть дальше, трудно не заметить тенденцию… к усложнению. И к самосознанию и разуму. Вы согласны?

— Да.

— Мне кажется, самые разные биологические виды на этой планете находятся на пороге обретения самосознания и разума. Так что боги определённо не сотворили мир ради одних людей. У них и в мыслях не было делать нас единственными актёрами на сцене. Скорее, их намерением было сделать эту планету садом, где жили бы самые разные существа, наделённые самосознанием и разумом.

— Похоже на то. И если это так, то предназначение человека кажется очевидным.

— Да. Как ни странно, оно действительно очевидно — поскольку он первое из всех разумных существ. Он пионер, первопроходец. Его предназначение — первым понять, что у разумных существ есть выбор: воспротивиться воле богов

и погибнуть, или посторониться и не мешать остальным. Но это не всё. Роль человека — стать отцом для всех остальных (не в биологическом смысле, конечно). Давая всем остальным возможность реализовать себя — китам и дельфинам, шимпанзе и енотам, — он в некотором смысле становится их крёстным отцом… Я бы сказал, что такое предназначение даже возвышеннее того, которое представляют себе Берущие.

— Как это?

— Вы только подумайте. Пройдёт миллиард лет, и всякий, кто будет жить тогда на планете, услышав слово «человек», скажет: «О, *человек!* Каким замечательным существом он был! В его силах было уничтожить весь мир и всех нас, но он прозрел раньше, чем случилось непоправимое, и отступил. Он отступил и дал всем остальным шанс. Он показал нам, как следует действовать, чтобы мир оставался садом во веки веков. Мы все должны брать пример с человека!»

— Не самая жалкая судьба.

— Ни в коей мере не жалкая. И я бы добавил ещё кое-что…

— Что?

— Мир — изумительно прекрасное место. В нём никогда не было хаоса. Человеку незачем было его покорять и править им. Иными словами, мир не должен принадлежать человеку, но — миру человек нужен. Какое-то существо должно было первым обнаружить, что в саду есть два дерева — одно для богов, другое для их творений. Какое-то существо должно было испытать на себе катастрофическое воздействие безграничной власти на её обладателя. Иначе говоря, человеку отведена в мире важная роль, но это не роль правителя. Боги одни могут править миром. Роль человека — быть первым. Роль человека — быть *первым,* избегая при этом опасности стать *последним.* Роль человека — *проложить путь,* после чего отойти в сторону и дать дорогу всем остальным, кто способен достичь того же, чего достиг он. Со временем ему

может быть отведена роль учителя для всех тех, кто способен достичь того же, чего достиг он. Не единственного и не главного учителя, а, быть может, лишь первого, вроде воспитателя в детском саду, но эта роль не будет ничтожной. И знаете что?

— Что?

— В самом начале я говорил себе: «Всё это очень интересно, но какая польза копаться в далёком прошлом, если это ничего не изменит в настоящем и будущем?»

— А теперь что ты думаешь?

— Мы откопали то, что нам совершенно необходимо сегодня. Не просто *перестать* что-то делать. Не просто делать меньше *вещей*. Людям нужна какая-то позитивная цель. Нужна мечта… Не знаю, какая именно…

— Ты, видимо, имеешь в виду, что люди устали слушать одни нотации, упрёки и обвинения. Они устали от пророчеств Апокалипсиса. Им нужно не угнетающее, а вдохновляющее видение мира и их роли в нём.

— Да, совершенно верно. Прекратить загрязнять окружающую среду — это не вдохновляет. Сократить производство фторуглеродов — это не вдохновляет. А вот новое представление о себе, новое представление о мире…

На этом я замолчал. Но это неважно — Измаил и без слов понял, что я хотел сказать.

7

— Теперь ты, конечно, понимаешь, что я имел в виду, когда в самом начале наших занятий сказал, что история, которую Берущие воплощают в жизнь, ни в коей мере не является продолжением той истории, которая воплощалась в жизнь первые три миллиона лет существования человека. У истории Оставляющих есть *своё* продолжение.

— Какое?

— Ты сам только что в общих чертах изложил его.

— Разве?

Измаил ненадолго задумался.

— Мы никогда не узнаем, какие планы на будущее были у Оставляющих в Европе и Азии, когда люди вашей культуры пришли и своими плугами навеки в буквальном смысле закопали их в землю. Но нам достаточно хорошо известны стремления Оставляющих в Северной Америке. Они искали такой образ осёдлой жизни, который не противоречил бы их древним традициям и не мешал всем остальным существам жить так, как они всегда жили. (Я не имею в виду, что ими двигали какие-то высокие побуждения. Я лишь имею в виду, что им и в голову не приходило забирать в свои руки власть над всей жизнью в мире и объявлять войну остальному биологическому сообществу.) При таких условиях через пять или десять тысяч лет на земле возникла бы дюжина цивилизаций, не менее высокоразвитых, чем ваша, и каждая со своими ценностями и целями. В этом нет ничего немыслимого.

— Теоретически. На практике всё иначе. Согласно мифологии Берущих, любая цивилизация во Вселенной может быть только цивилизацией Берущих — цивилизацией, где люди властвуют над всем живым в мире. Это настолько очевидно, что само собой разумеется. Все инопланетные цивилизации в произведениях научной фантастики — это цивилизации Берущих. Все цивилизации, которые встречаются на пути звездолёта «Энтерпрайз» в сериале «Звёздный путь», — это цивилизации Берущих. И это неудивительно, поскольку всякое разумное существо рано или поздно осознаёт, что мир принадлежит ему, а не наоборот, после чего неизбежно решает отобрать у богов власть над собой и стать полным хозяином жизни.

— Верно.

— В связи с этим у меня важный вопрос. Что конкретно

означает для людей принадлежность миру? Не может же это означать, что одни лишь охотники-собиратели по-настоящему принадлежат миру.

— Рад, что ты это понимаешь. Хотя, если бушмены в Африке или калапало в Бразилии (если они ещё сохранились там) захотят и дальше, ещё десять миллионов лет, жить так, как живут, я не представляю, каким образом это повредило бы миру и им самим.

— Это верно, но это не отвечает на мой вопрос. Как могут цивилизованные люди принадлежать миру?

Измаил недовольно покачал головой.

— «Цивилизованность» здесь ни при чём. Как тарантулы принадлежат миру? Как акулы принадлежат миру?

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Оглянись вокруг, и ты увидишь, что одни существа ведут себя так, будто мир принадлежит им, а другие всем своим поведением демонстрируют свою принадлежность миру. Можешь ты отличить одних от других?

— Да.

— Вторые живут в согласии с миротворческим законом и тем самым дают остальным возможность развиваться в наилучших для них направлениях наилучшим образом. Благодаря этому появился человек. Существа, окружавшие австралопитека, не воображали, что мир принадлежит им, поэтому у него была возможность жить и развиваться. При чём здесь цивилизованность? Разве это цивилизованность заставляет вас разрушать мир?

— Нет.

— Разве это цивилизованность заставляет вас лишать остальных места под солнцем?

— Нет.

— Разве это цивилизованность лишает вас способности жить так же безвредно, как акулы, тарантулы и гремучие змеи?

— Нет.

— Разве это цивилизованность лишает вас способности соблюдать закон, без труда соблюдаемый даже улитками и земляными червями?

— Нет.

— Как я уже говорил, осёдлая жизнь *не противоречит* закону, она вполне *согласуется* с ним, и то же самое верно для цивилизации. Так в чём конкретно заключается твой вопрос?

— Уже не знаю. Очевидно, принадлежность миру — это вроде членства в клубе, куда входят и все остальные. Клуб — это сообщество жизни. И, если ты его член, будь добр следовать тем же правилам, что и все остальные члены.

— И если цивилизованность вообще что-нибудь означает, то она должна означать, что вы в клубе лидеры, а не разбойники и не разрушители.

— Верно, — сказал я и после недолгого размышления добавил: — Несколько минут назад вы сказали, что мы никогда не узнаем, какие планы на будущее были у Оставляющих в Европе и Азии, когда люди моей культуры пришли и своими плугами навеки закопали их в землю.

— Да.

— Мне кажется, недавно удалось раскопать кое-какую информацию на этот счёт.

Измаил кивнул.

— Если недавно, то я могу быть не в курсе.

— Археолог Риан Айслер рассказала о существовавшем в Европе обширном земледельческом сообществе Оставляющих, которое пять или шесть тысяч лет назад было уничтожено Берущими. Разумеется, она не называла их «Берущими» и «Оставляющими». Не помню подробностей, но, кажется, люди той исчезнувшей культуры поклонялись какой-то богине.

Измаил кивнул.

— Один из моих учеников говорил мне об этой книге, но он не смог объяснить её значимость так, как ты. Если не ошибаюсь, книга называлась «Кубок и клинок».

8

— Возвращаясь к вопросу о воодушевлении, — сказал Измаил, — мне кажется, в последнее время у вас появился ещё один многообещающий его источник.

— Какой?

— Когда мы доходили до этого места с моими другими учениками, они говорили: «Всё это, конечно, чудесно, но люди ни за что не откажутся от власти над миром. Это из области невозможного. Никогда. Даже через тысячу лет». И мне нечего было привести им в качестве обнадёживающего примера обратного. Теперь у меня такой пример есть.

Долго теряться в догадках мне не пришлось, и уже через полторы минуты я сказал:

— Я полагаю, вы имеете в виду недавние события в Советском Союзе и странах Восточной Европы.

— Да. Десять или двадцать лет назад всякий, кто предсказал бы, что с марксизмом будет покончено *по указанию сверху,* был бы назван безнадёжным мечтателем и последним глупцом.

— Верно.

— Но, как только реальная возможность другого образа жизни воодушевила людей в Восточной Европе, старая система рухнула почти в одну ночь.

— Да, я понимаю, что вы имеете в виду. Пять лет назад я сказал бы, что одного воодушевления для этого недостаточно.

— А теперь?

— Теперь это всего лишь *почти* невозможно. Почти — но возможно.

9

— У меня есть ещё вопрос, — сказал я.

— Спрашивай.

— В вашем объявлении была фраза: «Требуется искреннее желание спасти мир».

— Да.

— Что же я должен делать, если я искренне желаю спасти мир?

Измаил, насупившись, долго смотрел на меня сквозь решётку.

— Тебе нужна программа действий?

— Конечно.

— Тогда возьми Книгу Бытия и выверни описанные там события наизнанку. Это и будет программа действий. Прежде всего Каин должен перестать убивать Авеля. Это самое главное, если вы хотите выжить. Оставляющие находятся под угрозой вымирания, а они жизненно необходимы миру — не только потому, что они тоже люди, а потому, что только они могут продемонстрировать разрушителям мира, что *нет единственно правильного образа жизни*. И вы, конечно, должны выплюнуть запретный плод. Вы должны полностью и навсегда отказаться от идеи, будто вы знаете, кто должен жить на этой планете, а кто не должен.

— Это я понимаю, но это программа не для меня, а для человечества в целом. А что делать *мне?*

— Научи сто человек тому, чему я научил тебя, и пусть каждый из них, в свою очередь, научит тому же сто человек. Так это всегда делается.

— Разве этого достаточно?

Измаил нахмурился.

— Конечно, недостаточно. Но если действовать по-другому, то вообще ничего не изменится. Ты не можешь сказать: «Мы хотим изменить поведение людей по отношению

к миру, но мы не хотим менять их представления о мире, о намерениях богов в отношении мира и о предназначении человека». До тех пор, пока люди твоей культуры убеждены, что мир принадлежит им и что их божественное предназначение состоит в том, чтобы покорить мир и править им, они, конечно же, будут продолжать вести себя так, как вели в течение последних десяти тысяч лет. Они по-прежнему будут обращаться с миром как со своей собственностью и покорять его как врага. Никакими законами это не изменить. Нужно изменить *мышление* людей. Бессмысленно пытаться просто искоренить вредоносный комплекс идей и оставить на его месте пустоту — людям нужно дать взамен что-то не менее значимое и более разумное, чем нелепый по форме и сути образ человека как Высшего Существа, стирающего с лица планеты всё, что прямо или косвенно не служит удовлетворению его прихотей.

Я покачал головой.

— Вы фактически говорите, что кто-то должен стать для современного мира тем, кем святой Павел был для Римской империи.

— Да, приблизительно. Это так трудно?

Я рассмеялся.

— Трудно — это мягко сказано. Назвать эту задачу трудной — это как назвать Атлантический океан лужей.

— Так ли уж это невозможно в век, когда комик по телевидению за десять минут собирает больше слушателей, чем святой Павел собрал за всю свою жизнь?

— Я не комик.

— Но ты писатель, не правда ли?

— Да, но не такого рода.

Измаил пожал плечами.

— Счастливчик. Ты никому ничего не должен. Ты не берёшь на себя никаких обязательств.

— Я этого не говорил.

— Чего же ты от меня ожидал? Какого-нибудь заклинания? Волшебного слова, от которого все несчастья растворятся в воздуге?

— Нет.

— В конечном счёте ты, похоже, не отличаешься от всех тех, кого на словах презираешь. Ты просто хочешь чего-то для себя самого. Чтобы почувствовать себя лучше в ожидании приближающегося конца.

— Нет, это не так. Вы просто недостаточно меня знаете. Со мной всегда так — сначала я говорю: «Нет, нет, это невозможно, совершенно и никоим образом невозможно», а потом берусь за это и делаю.

Измаил хмыкнул, но примирительно, принимая сказанное мной к сведению.

— В данном случае, — сказал я, — я уверен, что люди, услышав меня, спросят: «Ты что же, предлагаешь нам вернуться к образу жизни охотников-собирателей?»

— Это, конечно, будет глупо с их стороны, — сказал Измаил. — Образ жизни Оставляющих не сводится к охоте и собирательству. Его главной чертой является невмешательство в жизнь остальных членов биологического сообщества, и земледельцы могут жить так с не меньшим успехом, чем охотники-собиратели. — Он помолчал, затем покачал головой. — Моей основной задачей было запечатлеть в твоём сознании новую парадигму человеческой истории. Жизнь Оставляющих — это не антикварная вещица, отжившая своё и потому оставленная в далёком прошлом. Она не тянет назад, а толкает вперёд.

— Но толкает к чему? Мы же не можем просто взять и уйти от нашей цивилизации, как индейцы хохокам.

— Это, конечно, верно. У индейцев хохокам был в запасе другой образ жизни, а вам придётся проявить изобретательность — если, конечно, вы сочтёте, что игра стоит свеч. Если вы действительно хотите выжить.

Измаил уныло посмотрел на меня.

— Вы ведь изобретательны, не правда ли? Вы даже гордитесь этим.

— Да.

— Вот и придумайте что-нибудь.

10

— Я упустил из виду одну деталь, — со вздохом сожаления сказал Измаил.

Я молча ждал.

— Один из моих учеников отсидел срок в тюрьме. Как оказалось, за вооружённое ограбление. Я не рассказывал тебе об этом?

Я ответил, что нет.

— Боюсь, что из наших занятий с ним я извлёк больше пользы, чем он. Во-первых, я узнал от него, что заключённые в тюрьмах вовсе не представляют собой однородную серую массу, как нередко показывают в кино. Как и во внешнем мире, там есть богатые и бедные, могущественные и слабые. Богатые и могущественные живут в тюрьме относительно хорошо — не так хорошо, как они жили бы на свободе, но всё же намного лучше, чем бедные и слабые. У них там есть практически всё, чего бы они ни захотели, — наркотики, изысканная еда, секс, обслуга.

Я смотрел на него с нескрываемым удивлением. Измаил понимающе кивнул.

— Ты хочешь знать, какое отношение это имеет к нашей теме, — сказал он. — Прямое. Мир Берущих — это одна большая тюрьма, и, за исключением горстки Оставляющих, чудом выживших в разных уголках света, всё человечество — это заключённые. В течение последних ста лет все дожившие до наших дней Оставляющие в Северной Америке были постав-

лены перед выбором: либо тоже стать заключёнными, либо исчезнуть с лица земли. Многие выбрали заключение, но мало кто смог по-настоящему адаптироваться к тюремной жизни.

— Да, похоже, что так.

— В каждой хорошо управляемой тюрьме обязательно есть своё производство. Уверен, что ты понимаешь, зачем оно нужно.

— Я полагаю, оно помогает занять заключённых. Чтобы жизнь не казалась им пустой и бессмысленной.

— Да. А чем в этих целях занимаетесь вы?

— В нашей тюрьме? Трудно сказать так сразу. Но это наверняка что-нибудь очевидное.

— Я бы сказал, совсем очевидное.

Немного подумав, я сказал:

— Уничтожением мира.

Измаил кивнул.

— Угадал с первой попытки.

11

— Между заключёнными в ваших тюрьмах для уголовников и заключёнными в вашей культурной тюрьме есть одно существенное различие. Первые понимают, что распределение богатств и власти в тюрьме не имеет ничего общего со справедливостью.

Я озадаченно заморгал и попросил объяснить.

— Какие заключённые в вашей культурной тюрьме обладают властью?

— Мужчины. Главным образом белые.

— Верно. Но здесь важно понимать, что эти белые мужчины не надзиратели, а тоже заключённые. Пусть они обладают властью и привилегиями, пусть господствуют над всеми

остальными в тюрьме — ни у одного из них нет ключа от ворот, чтобы выйти на волю.

— Да. Дональд Трамп может много такого, чего не могу я, но выйти из тюрьмы он не может точно так же, как я. Но при чём здесь справедливость?

— Справедливость требует, чтобы не только белые мужчины обладали властью в тюрьме.

— Это понятно. Но на деле властью обладают они. Или вы хотите сказать, что это неправда?

— Дело не в том, правда это или неправда. Конечно, в тюрьме всем заправляют мужчины — главным образом белые, как ты говоришь, — и так происходит тысячи лет, может быть, даже с самого начала. Это правда. Правда и то, что, это несправедливо. И что власть и богатства в тюрьме должны распределяться поровну, тоже правда. Но для вашего выживания как биологического вида критически важно не распределение власти и богатств внутри тюрьмы — для вас жизненно важно разрушить саму тюрьму.

— Я-то это понимаю. Но вряд ли многие другие поймут.

— Не поймут?

— Нет. Для политически активных людей перераспределение богатств и власти — это… Как бы поточнее сказать… Главная цель, идея фикс. Нечто вроде Святого Грааля.

— Тогда как вырваться из тюрьмы Берущих должно бы быть общей целью всего человечества.

Я покачал головой.

— Боюсь, что эта общая цель вряд ли кого воодушевит. Всё, что интересует людей нашей культуры — белых и цветных, мужчин и женщин, — это заполучить как можно больше богатства и могущества в тюрьме Берущих. Им наплевать, что это тюрьма, им наплевать, что так они уничтожают мир.

Измаил пожал плечами.

— Ты, как всегда, пессимистичен. Возможно, ты прав. Но я надеюсь, что ты ошибаешься.

12

Хотя наш разговор длился не больше часа, Измаил выглядел очень усталым. Я приподнялся было со стула, собираясь уйти, но он жестом дал мне понять, что хочет сказать ещё что-то.

Наконец, он поднял глаза и сказал:

— Как ты понимаешь, наша с тобой работа закончена.

Это было как удар коленом в живот.

Он снова ненадолго закрыл глаза.

— Извини. Я устал и выразился не очень удачно. Я имел в виду не то, что сказал.

Я тоже не находил слов, поэтому лишь кивнул.

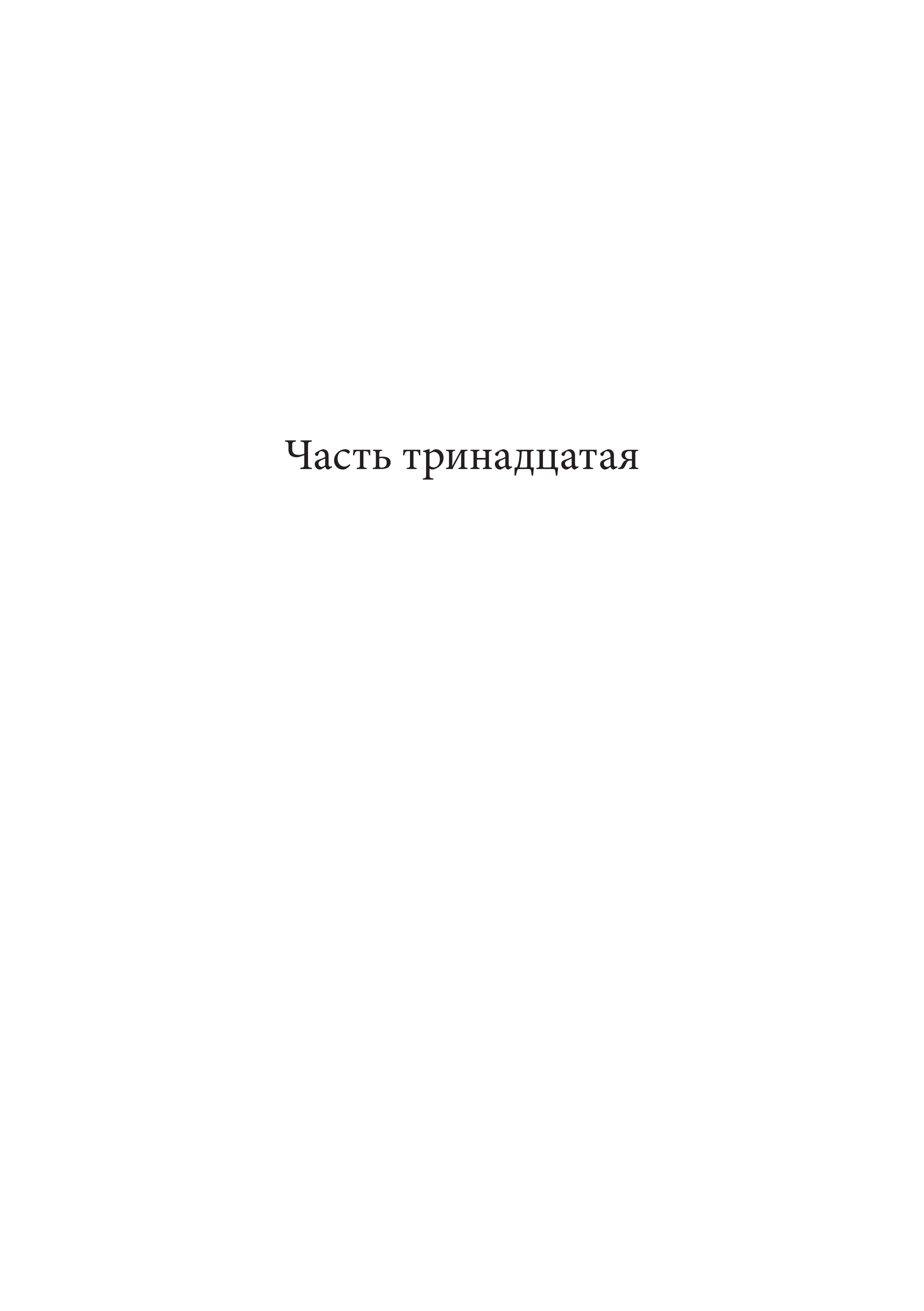
— Я имел в виду, что мы выполнили намеченную мной программу. Как учитель я больше ничего не могу тебе дать. Но с радостью буду считать тебя одним из своих друзей.

На это я тоже смог лишь кивнуть.

Измаил пожал плечами и огляделся вокруг, словно забыв, где находится. После этого он откинулся назад и так громко чихнул, что задрожал пол.

— Знаете что, — сказал я, вставая, — давайте я вас на сегодня оставлю и зайду завтра.

Измаил окинул меня долгим и мрачным взглядом, как бы спрашивая, чего ещё мне от него нужно, но не нашёл в себе сил сформулировать этот вопрос и молча кивком попрощался со мной.

Часть тринадцатая

1

В тот вечер, прежде чем лечь спать в своём номере в мотеле, я обдумал план. План был так себе, и я это понимал, но ничего лучшего я придумать не мог. Нравилось ему это или нет (а я знал, что ему не понравится), я должен был вызволить Измаила из проклятой клетки в зверинце.

План был рискованным и в другом отношении — его успех всецело зависел от удачного стечения обстоятельств и моих почти несуществующих финансовых ресурсов. Я ощущал себя карточным игроком, у которого на руках одна-единственная скрытая карта, и она с большой степенью вероятности могла оказаться двойкой.

Следующим утром в девять часов, проезжая через маленький городок на полпути к дому, я подумал, что неплохо было бы где-нибудь позавтракать, как вдруг на приборной доске замигал индикатор перегрева двигателя. Остановившись, я поднял капот и проверил уровень масла — он был достаточным. Зато воды в радиаторе не осталось ни капли. К счастью, я опытный путешественник и всегда вожу с собой канистру воды. Я залил её в радиатор и отправился было дальше, но через пару минут индикатор замигал снова. На этот раз поблизости оказалась заправочная станция с вывеской «Дежурный механик». Механика на дежурстве не было, но парень, заправлявший машины, всё равно разбирался в моторах раз в тридцать лучше меня и согласился покопаться в моём.

— Вентилятор не работает, — сказал он уже через пятнад-

цать секунд. Продемонстрировав, что это действительно так, он объяснил, что обычно это случается в городских пробках, когда приходится двигаться маленькими шажками, из-за чего мотор особенно сильно перегревается.

— Может, предохранитель сгорел? — предположил я.

— Может, — ответил он и тут же поставил новый, но это не помогло. — Минутку, — сказал он и каким-то прибором, похожим на авторучку, стал проверять электропроводку. — У больного отсутствует пульс, — заключил он. — Вентилятор, похоже, приказал долго жить.

— Где я могу купить новый?

— Нигде в нашем городе, — сказал он. — Во всяком случае не в субботу.

Я спросил, смогу ли доехать до дома без вентилятора.

— Думаю, да, — сказал он, — если будете избегать пробок и время от времени останавливаться, чтобы дать мотору остыть.

Когда я приехал на расположенную по соседству с домом станцию техобслуживания, ещё не было и полудня. Там мне сказали, что моей машиной смогут заняться лишь в понедельник утром, но я всё равно оставил её у них и вернулся домой пешком, задержавшись по дороге у банкомата и сняв все деньги с обоих своих счетов — текущего и сберегательного. Теперь у меня в кармане было две тысячи четыреста долларов наличными и больше ни гроша за душой.

От стоявших передо мной проблем легко было впасть в депрессию. Как выманить из клетки гориллу весом в полтонны, если она не хочет выходить? Как втиснуть гориллу весом в полтонны на заднее сиденье автомобиля, опять-таки против её воли? Тронется ли вообще с места автомобиль с гориллой весом в полтонны на заднем сиденье?

Как вы наверняка догадались, я из тех, кто решает проблемы по мере их появления. Одним словом, импровизатор. Сначала нужно каким-нибудь образом запихнуть Измаила

на заднее сиденье, а потом уже думать, что делать дальше. Первым пунктом назначения, по всей вероятности, будет моя квартира, а там опять-таки будет видно. Как свидетельствует мой жизненный опыт, наилучшее решение проблемы приходит на ум тогда, когда уже упираешься в неё лбом.

2

Из гаража позвонили в понедельник в девять утра. Вентилятор сгорел от перегрузки. Перегрузка возникла оттого, что вышла из строя вся система охлаждения. Нужен серьёзный ремонт, и он будет стоить долларов шестьсот. Я застонал, но вынужден был согласиться. Механик пообещал закончить часам к двум и позвонить. Я сказал, что звонить не нужно, я заберу машину, когда смогу. На самом деле с машиной я мысленно уже распрощался — ремонт был мне не по карману, да и вряд ли моя развалюха выдержала бы Измаила.

Я взял напрокат фургон.

Вы, конечно, спросите, почему я не сделал так сразу. Всё очень просто: сразу мне это не пришло в голову. Такой вот я консерватор — во всех ситуациях поступаю привычным образом, а привычки брать напрокат фургоны у меня нет.

Два часа спустя я уже подъезжал к ярмарке, а точнее, к месту, где она находилась ещё в субботу. Ярмарки там не было, она уехала.

Движимый недобрым предчувствием, я вышел из машины и огляделся. Участок казался на удивление маленьким, и я с трудом представлял, как на нём могли разместиться девятнадцать повозок, двадцать четыре аттракциона и подмостки для представлений. Я решил попробовать вслепую найти место, где находилась клетка Измаила. Ноги дорогу помнили, и вскоре я увидел явные следы его пребывания здесь — купленные мной одеяла валялись в куче с другими знакомыми

мне вещами, среди которых были несколько книг, альбом с нарисованными Измаилом картами и диаграммами к истории Каина и Авеля, а также постер, ранее висевший в его комнате, а теперь свёрнутый в трубку и стянутый резинкой.

Пока я задумчиво складывал всё это в отдельную кучу, появился мой коррумпированный уборщик. Оскалив зубы в знак приветствия, он поднял в руке большой чёрный пластиковый мешок, как бы говоря, что в данный момент он занимается уборкой оставшегося после ярмарки мусора. Заметив собранные мной в кучу вещи, он со вздохом сказал:

— У него была пневмония.

— Что?

— Пневмония его убила, друга твоего, обезьяну.

Я смотрел на него, моргая и тщетно пытаясь осмыслить его слова.

— Вечером в субботу приезжал ветеринар, сделал ему укол или даже два, но было поздно. Сегодня утром, часов в семь-восемь, он отошёл.

— Вы хотите сказать, что он… умер?

— Именно. Умер.

Будучи законченным эгоистом, я только теперь заметил, что вид у старика довольно подавленный.

Глядя на пустынную серую площадку, по которой ветер гонял обрывки бумаги, то поднимая их в воздух, то опуская обратно на землю, я почувствовал нечто подобное у себя внутри — пустоту, безысходность, заброшенность.

Мой старенький собеседник с нескрываемым любопытством ждал, что теперь сделает или скажет этот друг обезьян.

— Куда его отвезли? — спросил я.

— А?

— Что сделали с телом?

— А-а… Думаю, позвонили в округ. За ним приехали и отвезли в крематорий для зверей, сбитых машинами.

— Спасибо.

— Да не за что.

— Не возражаете, если я возьму эти вещи?

Судя по его взгляду, он теперь окончательно считал меня сумасшедшим.

— Берите, почему нет? — пожав плечами, ответил он. — Меньше мусора будет.

Одеяла я, конечно, не взял, а всё остальное легко уместилось под мышкой.

3

Что было делать? Съездить к окружному звериному крематорию и постоять там с закрытыми глазами? Кто-нибудь посентиментальнее, быть может, придумал бы что-нибудь более соответствующее случившемуся, я же просто поехал домой.

В городе я вернул взятый напрокат фургон, забрал из гаража свою машину и вернулся к себе в квартиру. У меня там и прежде было довольно пусто, но теперь это была какая-то новая пустота, трагическая и давящая на психику.

На углу стола стоял телефон, способный в считанные секунды связать меня с целым миром, кипящим жизнью и деятельностью, но кому я мог сейчас позвонить?

К моему удивлению, ответ возник сам собой. Я открыл записную книжку и набрал номер. После трёх гудков я услышал низкий и исполненный достоинства голос:

— Резиденция госпожи Соколовой.

— Господин Партридж?

— Да, это господин Партридж.

— Я заходил к вам пару недель назад, — сказал я. — Я разыскивал Рейчел Соколову.

Партридж молча ждал.

— Измаил умер, — сказал я.

— Мне очень жаль это слышать, — ответил он после недолгой паузы.

— А ведь мы могли спасти его.

После более длительной паузы Партридж спросил:

— Вы уверены, что он позволил бы нам?

Конечно, я не был уверен, и так и сказал.

4

Лишь отнеся постер Измаила в багетную мастерскую, чтобы вставить в рамку, я обнаружил, что надписей там было две, по одной на каждой стороне. Я попросил сделать так, чтобы было видно обе. Та, что висела ко мне лицом в каморке Измаила, гласила:

ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ИСЧЕЗНЕТ,
БУДЕТ ЛИ НАДЕЖДА
У ГОРИЛЛЫ?

На обороте вопрос был поставлен иначе:

ЕСЛИ ИСЧЕЗНЕТ ГОРИЛЛА,
БУДЕТ ЛИ НАДЕЖДА
У ЧЕЛОВЕКА?

Послесловие

Я искренне горжусь тем, что первым поклонником «Измаила» (за пределами круга моих родных и друзей) был бессмертный Рэй Брэдбери, входивший в состав жюри конкурса «Turner Tomorrow». (Он написал: «*„Измаил“ — это подлинное открытие. У этой книги будет долгая жизнь*».) До сих пор помню, как я постучал в дверь гостиничного номера в Нью-Йорке, где конкурсное жюри собралось для встречи со мной. На стук отозвался сам Брэдбери, чьими первыми словами, даже до приглашения меня войти, были: «Когда нам ждать „Сына Измаила“?» От неожиданности я замахал руками и со смехом сказал: «О нет, никакого сына! Тема исчерпана». В то время я искренне думал, что тема исчерпана.

Книга вышла в свет через девять месяцев, и меня поразило количество писем, которые начали поступать почти сразу же. Я ожидал, что первой реакцией на «Измаила» будет полное неприятие. Наоборот, оказалось, что книга нашла очень даже положительный отклик, в том числе в самых разных религиозных кругах — у священников, монахинь, раввинов, пасторов, теологов, семинаристов. Мне не пришло в голову пересчитывать их, но, насколько я помню, их было очень много среди авторов сотен писем, которые я получил (и на которые ответил) в первые месяцы после выхода книги.

Читатели проявляли на удивление живой интерес к моей персоне. Почти в каждом письме они спрашивали, что за странные события в моей жизни подтолкнули меня к написанию этой книги, как вообще эти мысли пришли мне

в голову, короче — каким образом я сделал то, что сделал. Некоторые сочли книгу настолько выходящей за рамки нормального человеческого мышления, что заподозрили участие в работе над ней какого-нибудь медиума (в любом случае некоего таинственного соавтора). Я подумал, что все эти вопросы заслуживают ответа в виде отдельной книги. В конце концов читатели начали приходить и ко мне домой, и встречи с ними легли в основу книги «Провидение: история пятидесятилетнего поиска адекватного видения», написанной в форме диалога с незнакомцем, пришедшим ко мне среди ночи и хотевшим понять, как родилась на свет моя книга.

* * *

Примерно через год после выхода «Измаила» я получил письмо от одного раввина, который спрашивал, не могу ли я приехать в Калифорнию, чтобы встретиться с десятком-другим представителей духовенства, которые прочли мою книгу и хотели бы обсудить её со мной. Я ответил, что охотно приеду. В перерыве раввин отвёл меня в сторону и признался, что организовал эту конференцию с единственной целью поговорить со мной с глазу на глаз. Волновавший его вопрос представлялся ему настолько важным, что оправдывал все хлопоты, связанные с организацией мероприятия.

Его вопрос не был ни длинным, ни сложным. Он просто сказал, что «Измаил» подорвал в нём веру всей его жизни, и ему искренне хотелось узнать, что я мог бы предложить ему на замену. Я был буквально ошарашен. Я никоим образом не рассчитывал, что «Измаил» может произвести такой эффект, и вопрос раввина застал меня совершенно врасплох. Не помню, что я ему сказал, и сказал ли что-то вообще. Ответа у меня не было. Но я точно не мог ему сказать, что по возвращении домой посвящу ответу на его вопрос целую

книгу, поскольку писать такую книгу у меня в то время и в мыслях не было, хотя вскоре я её написал, под названием «История Б». Я чувствовал себя настолько в долгу перед этим человеком, что даже собирался посвятить книгу ему, но в конце концов решил, что это вряд ли пришлось бы ему по душе, поскольку друзья, родные и прихожане скорее всего потребовали бы от него объяснений.

В отличие от «Измаила» и «Моего Измаила», «История Б» обладает сложным и динамичным сюжетом, построенным вокруг лекций, с которыми Чарлз Эттерли, ещё один ученик Измаила, а теперь сам учитель (по неизвестным причинам взявший псевдоним «Б»), выступает в Германии — в Мюнхене, Раденау и Штутгарте. В этих лекциях, которые он читает в течение десяти дней в мае, заключается всё публичное учение Б, в перерывах углубляемое и дополняемое им в частных беседах с его спутницей Ширин, узким кругом избранных учеников и главным героем книги Джаредом Осборном, от лица которого ведётся повествование.

Если в печати или интернете вам встретятся выражения «тоталитарное сельское хозяйство» и «Великое Забвение», знайте, что они происходят из книги «История Б» и оттуда вошли в общее употребление.

Должен заметить, что многие (если не большинство) из читавших как «Измаила», так и «Историю Б», считают «Историю Б» более важной книгой.

* * *

Когда я начал писать «Измаила», я с точностью до последнего слога знал, что включу туда. Книга должна была суммировать содержание предшествовавших ей семи вариантов, в конце концов собранных воедино под общим названием «Другой рассказ о том же самом». Когда же я приступил к работе над «Историей Б», ясной мне была только цель: в

законченном виде книга должна была отвечать на вопрос раввина — не обязательно так, чтобы удовлетворить его, но чтобы удовлетворить меня, чтобы я мог быть уверен, что она отвечает и на потенциальные вопросы самой широкой аудитории. Как книга справляется с этой задачей, я узнавал лишь в процессе работы над ней.

В том же процессе мне стало ясно, что тема, которую, как мне казалась, я исчерпал по окончании работы над «Измаилом», отнюдь не исчерпана. В «Измаиле» я сказал далеко не всё, что хотел.

Не зная как следует, что ещё мог бы сказать Измаил, я дал ему неожиданного ученика — двенадцатилетнюю Джули Герчак. Как многих писателей, меня часто спрашивают, откуда «берутся» мои герои, где я их «нахожу». Меня также спрашивают, с кем я «отождествляю» себя — с Измаилом или с тем или иным из его учеников. На это я отвечаю, что все они представляют собой разные аспекты меня самого — Измаил и его безымянный ученик в «Измаиле»; Чарлз Эттерли, Ширин и Джаред Осборн в «Истории Б»; и, конечно, Джули Герчак в «Моём Измаиле». Поскольку все они являются аспектами меня самого, мне не приходится ни «искать» их, ни «отождествлять» себя с ними. Мне не было необходимости (и вряд ли я стал бы) выдумывать, так сказать, нормальную, типичную или обыкновенную двенадцатилетнюю девочку. Джули — это реально существовавшая двенадцатилетняя девочка, которая запомнилась мне как раз такой — взбалмошной, самоуверенной, начитанной и сообразительной не по годам.

В «Моём Измаиле» мы узнаём, что безымянного ученика из «Измаила» звали Алан Ломакс. Джули пришла в комнату №105 в офисном здании «Фэйрфилд» по тому же газетному объявлению «Учитель ищет ученика», что и Алан, хотя очевидно, что он познакомился с Измаилом несколькими неделями раньше. Догадливая по натуре, Джули быстро

поняла, что у Измаила есть ещё один ученик, в то время как менее наблюдательный Алан так никогда и не узнал о существовании Джули.

Каждый год я провожу более десятка телефонных конференций со студентами, читавшими «Измаила» (реже — одну из моих других книг) в рамках своих учебных программ. Пять лет назад, готовясь к телефонной конференции с группой студентов, читавших «Моего Измаила», я впервые лет за пятнадцать перечитал эту книгу. Обнаружить там что-то новое для себя я, естественно, не рассчитывал, но, поскольку книга вышла уже давно, оказалось, что очень многое в ней я либо совсем забыл, либо помнил лишь в общих чертах. Так, я снова пришёл в восторг от того, насколько всё-таки замечательным человеком была главная героиня, от лица которой ведётся повествование. (Не сочтите это за хвастовство — как я уже говорил, у Джули был совершенно реальный прототип.) Прочитав страниц сто, я с удивлением отметил, что книга значительно отличается от «Измаила» не только сюжетом и стилем повествования — она открывает перед читателем совершенно другую вселенную, и я подумал: «Почему из тех миллионов, кто прочитал первую книгу, лишь немногие прочитали и продолжение? Они же очень много потеряли».

Продолжение почти целиком состоит из совершенно нового материала. С присущей ей прозорливостью Джули спрашивает Измаила, учит ли он всех своих учеников одному и тому же. Он отвечает: «Как нет двух одинаковых учеников и учениц, так нет и двух одинаковых уроков. Каждый или каждая берёт столько, сколько в состоянии унести».

На телефонных конференциях со студентами, читавшими «Измаила», меня часто спрашивают, почему Измаил «должен был умереть». Ответ на это содержится в продолжении, где Измаил отправляется в путешествие, которое не состоялось бы без помощи Джули.

Выход «Моего Измаила» ознаменовал собой завершение трилогии под общим названием «Измаил».

*   *   *

Вскоре после выхода «Измаила» ко мне стали обращаться с предложениями давать «уроки». Не желая обременять себя обязательствами такого рода, я уклончиво отвечал полуправдой: что у меня нет «тайного учения» и что всё, что я мог сказать, я сказал в своих книгах. Это и правда, и не совсем. Читатели задают мне сотни вопросов, ответов на которые нет *ни в одной* из книг. Но ответить на вопросы миллионов читателей всё равно не под силу ни одному писателю. Эту задачу отчасти решает интернет-сайт *ishmael.org*, где размещена обширная коллекция моих ответов на вопросы читателей за последние двадцать лет; их уже более шестисот, и коллекция продолжает расти.

Когда в 1997 году мы переехали в Хьюстон, я решил попробовать нечто новое — организовать семинар для читателей, ранее просивших меня позаниматься с ними. Никакого «плана обучения» не предполагалось — ни введения, ни основного курса, ни заключения (заключением было просто окончание работы с одной группой и начало работы со следующей). Целью было сделать из учеников учителей. Участники семинара могли посещать его столько, сколько хотели, но они не должны были всё время сидеть и слушать. Когда приходили новые ученики, старшие должны были постараться ответить на их вопросы вместо меня.

Я начал работать над новой книгой, под названием «По ту сторону цивилизации: следующее большое приключение человечества». Задумал я её как сборник эссе, что показалось мне хорошей идеей, но я то и дело оказывался в следующей ситуации: приступая к эссе Д, я обнаруживал, что не могу написать его, пока не готово эссе Б, а эссе Б не могло быть

написано раньше, чем эссе А. Когда же были написаны эссе А и Б, оказывалось, что эссе Д естественным образом вытекает из эссе В и Г. В итоге я решил смириться с этой тенденцией и придумал новый тип книги, состоящей из мини-глав, каждая объёмом в одну страницу. Главы не зависели друг от друга, и в то же время каждая следующая вытекала из предыдущей. Вот эти отрывки из трёх последовательных глав показывают, что я имею в виду.

> ***Невидимость успеха.*** Когда всё работает хорошо, мы не замечаем тех сил, которые заставляют всё так работать… Гениальность Ньютона состояла в его способности увидеть очевидное, которое именно в силу своей очевидности было для всех невидимым. Каждый новый шаг в науке открывает нашему взору процессы, до этого скрытые самим их успехом (стр. 11).
>
> ***Невидимость племенного успеха.*** Люди с интересом слушают, почему жизнь прайдами (семейными группами) оптимальна для львов, почему жизнь стаями оптимальна для бабуинов, почему жизнь колониями оптимальная для фламинго… Но если вы попытаетесь объяснить, почему жизнь племенами оптимальна для людей, вас тут же обвинят в «идеализации» племенного образа жизни (стр. 12).
>
> ***Очевидный успех — невидимая причина.*** До Ньютона люди не задумывались над тем, почему предметы, не имеющие опоры, неизбежно падают вниз. Казалось, что это не нуждается в объяснении. Куда же им ещё падать? Они и должны падать вниз. Таким же образом рассуждают наши историки, когда дело касается нашего головокружительного культурного успеха. Они не задумываются над тем, почему нам обязательно нужно было покорять мир. Им это кажется само собой разумеющимся. А что нам ещё было делать? Мы и должны были покорять мир (стр. 13).

* * *

Всякий раз, когда у меня была готова очередная «глава», — то есть почти каждый день, — я выносил её на обсуждение участников семинара. Им это помогало глубже осмыслить тему, а мне — лучше её раскрыть.

Хотя семинар имел несомненный успех (и подружил нас на всю жизнь), он длился лишь одно неполное лето. Но у него было неожиданное продолжение.

В 1999 году другая небольшая группа молодых людей «с кучей вопросов» согласилась приехать в Хьюстон на «длинные выходные». Вопросов у них действительно была масса, а времени, чтобы ответить на них, явно недоставало, поэтому я решил предварительно разослать им экземпляры книги «По ту сторону цивилизации». Из печати она на тот момент ещё не вышла, и пришлось отправить им копии рукописи.

Группа, как я сказал, была маленькая и вполне уместилась в нашей крохотной «гостиной» — пространстве площадью не больше шестнадцати квадратных метров между нашими с Ренни рабочими кабинетами. Я спросил, у всех ли было время прочитать книгу. Все ответили утвердительно, а значит, можно было сразу переходить к вопросам. Члены группы переглянулись, и я удивился, почему никто не решается задать вопрос первым. Оказалось, что *вопросов ни у кого не было!* На все вопросы, которые у них были раньше, они нашли ответы в книге «По ту сторону цивилизации». Для меня это было лучшим свидетельством того, что книга удалась. Зато уикенд можно было считать неудавшимся — мы провели его в отвлечённых беседах о том о сём.

После этой книги я почувствовал, что действительно сказал всё, что хотел. Без ответа оставался лишь один вопрос, который читатели «Измаила» задавали мне с самого начала: *как я делаю то, что делаю?* Должно было пройти много лет, прежде чем я смог ответить на него в книге «Если вам дали

разлинованную бумагу, пишите поперёк», построенной в форме диалога с разговорчивым гостем.

«Всё, что хотел», я сказал лишь как учитель, но не как писатель. Художественную литературу я начал писать ещё до «Измаила» и продолжил после «По ту сторону цивилизации», но к этому времени я был уже не тем же человеком, который написал «Мечтателя» («Dreamer») и короткие рассказы, вошедшие в сборник «В Вумеру» («At Woomeroo»), — мои глаза стали другими, и они видели вокруг совсем другой мир, что отразилось в моих дальнейших работах — «После Дахау» («After Dachau»), «Праведник» («The Holy»), «Человек, который молодел» («The Man Who Grew Young»), «Работа, работа, работа» («Work, Work, Work») — и несомненно отразится в будущих.

* * *

В последние годы особое удовольствие доставляли мне телефонные конференции со студентами, читавшими мои книги в рамках своей учебной программы. Такие конференции легко организовать, они ничего не стоят и очень нравятся студентам (если верить их преподавателям). Что до меня, то я с радостью готов проводить их и чаще. Желающие могут получить для этого всю нужную информацию на соответствующей странице моего сайта *ishmael.org*.

В последние десять лет я постепенно и с огорчением осознал, что из миллионов читателей «Измаила» 90 процентов не читали ни одну из последовавших за ним книг, упомянутых выше в данном Послесловии. Это поистине загадочный феномен. Обычно, когда какая-то книга производит на читателя сильное впечатление (а «Измаил» несомненно книга такого рода), у него возникает желание прочитать и другие книги того же автора. Теряясь в догадках, почему так не произошло в моём случае, я обратился к нескольким из своих друзей и

читателей с просьбой объяснить, насколько возможно, эту странную аномалию, но они лишь, как я, развели руками. Самым логичным мне показалось следующее предположение: люди решили, что любое продолжение «Измаила» лишь испортит впечатление от него, поскольку не сможет ни сравняться с ним, ни, тем более, превзойти его, а раз так, то незачем и читать. Была и ещё одна догадка, иного рода. «Измаил» — не просто книга; он вроде причудливого камня, найденного на речной отмели. Вода придавала ему его уникальную форму столетиями, но мы не задумываемся о том, откуда он взялся, не ищем другие такие же, а просто относим его домой и кладём куда-нибудь так, чтобы он был всегда на виду. Несколько лет назад реальный случай подтвердил, что у этой догадки есть основания.

После переезда в Хьюстон я решил обойти местные книжные магазины и договориться о днях, когда я мог бы прийти и сделать дарственные надписи покупателям своих книг. Зайдя в один из магазинов, я объяснил заведующей, кто я и зачем пришёл, и она привычным образом сделала запрос обо мне в компьютерной базе данных. Результат, похоже, ошеломил её. Уставившись на меня круглыми от удивления глазами, она спросила:

— *Вы* автор «Измаила»?!

Думаю, она ожидала в ответ что-нибудь вроде: «Да нет, что вы! Куда мне!» Дело было не во мне лично. В её представлении *эту* книгу вообще не мог написать простой смертный.

Белый Кролик надел очки.
— С чего начинать, ваше величество? — спросил он.
— Начни с начала, — важно сказал Король. — И продолжай до тех пор, пока не дойдёшь до конца. Тогда остановись.

На этом останавливаюсь и я.

Дэниел Куинн, 2017.